

ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ



Ивановъ-Разумникъ

Объ интеллигенцiи

Что такое махаевщина

Кающiеся разночинцы

ВТОРОЕ ИЗДАНIЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1910



3966



Оглавленіе.

Предисловіе.

Въ виду того, что къ прежней статьѣ («Что такое махаевщина? — Къ вопросу объ интеллигенціи», изд. 1908 г.) въ настоящемъ изданіи прибавлена довольно значительная новая статья на ту же тему «объ интеллигенціи»,—авторъ счелъ себя въ правѣ перемѣнить мѣстами заглавіе съ подзаголовкомъ и дать настоящему изданію заглавіе болѣе общее и болѣе отвѣчающее содержанію всей книги.

И.-Р.

ЧТО ТАКОЕ

«МАХАЕВЩИНА»?

Къ вопросу объ интеллигенціи.

I.

„Махаевщина“, это новое теченіе общественной мысли среди русской интеллигенціи, по всей вѣроятности совершенно неизвѣстна большинству читателей; однако терминъ этотъ за послѣднее время все чаще и чаще можно встрѣтить въ печати. То въ газетномъ отдѣлѣ „Хроники рабочаго движенія“ проскользнетъ замѣтка, что на такомъ то собраніи рабочихъ, послѣ рѣчей соціалъ-демократа и соціалъ-революціонера, выступилъ ораторомъ представитель партіи „рабочаго заговора“ (въ скобкахъ прибавляется: „махаевщины“); то въ соціалистическихъ еженедѣльникахъ и сборникахъ промелькнетъ упоминаніе о „пресловутой махаевщинѣ“ или „знаменитой махаевщинѣ“; то, наконецъ, наряду съ полемическими выпадами соціалистовъ по адресу анархизма, максимализма или революціоннаго синдикализма, попутно получаетъ щелчокъ въ лобъ и „махаевщина“... Читателямъ остается только догадываться, что махаевщина, вѣроятно, новое идейное теченіе, стоящее на крайнемъ лѣвомъ флангѣ русской общественной мысли; но эта догадка не далеко

подвигаетъ впередъ ихъ свѣдѣнія о томъ, что такое „махаевщина“.

А между тѣмъ познакомиться съ этимъ новымъ теченіемъ среди русской интеллигенціи далеко не безинтересно во многихъ отношеніяхъ. Начать съ того, что въ основаніи махаевщины, какъ увидимъ ниже, лежитъ критика соціализма. Соціализмъ для махаевщины есть нѣчто такое, что, говоря словами Нитцше, überwinden werden soll, что должно быть преодолѣно, ибо соціализмъ есть не что иное, какъ „классовая идеологія интеллигенціи“. Вся махаевщина до сей поры есть не что иное, какъ сплошная критика соціализма; отрицательная часть махаевщины поэтому перевѣшиваетъ собою созидательную ея сторону; послѣдняя сторона находится пока еще въ эмбріональномъ состояніи. До сихъ поръ на эту „критику“ махаевщины не было еще со стороны соціализма, а особенно соціализма марксистскаго толка никакого отвѣта; слонъ-соціализмъ идетъ себѣ впередъ и совсѣмъ не замѣчаетъ лая моськи-махаевщины, а если и замѣчаетъ, то относится къ нему съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ. Онъ правъ, но только отчасти. Онъ правъ потому, что въ своей „критикѣ“ махаевщина часто проявляетъ такую безграмотность, такое невѣжество, что прямо руки опускаются: вполнѣ понятно нежеланіе представителей соціалистической мысли стрѣлять изъ пушекъ по воробьямъ, возражать на такую критику. Ниже мы приведемъ (см. гл. V) цѣлый рядъ критическихъ „перловъ и адамантовъ“ махаевщины и увидимъ, что такими перлами переполнена вся махаевская „критика“. Но среди этой кучи критическаго мусора встрѣчаются нѣсколько вполнѣ заслуживающихъ разсмотрѣнія основныхъ положеній махаевщины; для всякаго,

не застывшаго еще въ опредѣленной догмѣ, марксистской или народнической—безразлично, для всякаго, стремящагося къ критической провѣркѣ своего міровоззрѣнія, эти основоположенія махаевщины могутъ быть пробнымъ камнемъ для такой провѣрки. Кромѣ того махаевщина представляетъ несомнѣнный интересъ и для исторіи русской интеллигенціи, исторіи русской общественной мысли; надо попытаться вникнуть въ сущность этого идейнаго теченія, опредѣлить его генетическую связь и зависимость его отъ другихъ теченій. Сдѣлать это необходимо уже для одного того, чтобы увидѣть, къ какому логическому концу могутъ и должны прійти нѣкоторыя соціалистическія теченія, логическимъ развитіемъ и продолженіемъ которыхъ является махаевщина; сдѣлать это тѣмъ болѣе необходимо, что махаевщина является логическимъ продолженіемъ не чего иного, какъ ортодоксальнаго марксизма, а центральнымъ пунктомъ махаевщины является отвѣтъ на вновь воскресшій въ настоящее время вопросъ о мѣстѣ, занимаемомъ интеллигенціей въ общественномъ организмѣ. Именно съ категорическаго рѣшенія этого вопроса началъ двадцать лѣтъ тому назадъ покойный ортодоксальный марксизмъ; именно съ категорическаго рѣшенія этого вопроса начинаетъ въ настоящее время и махаевщина. Исторію различныхъ рѣшеній этого вопроса необходимо хотя бы вкратцѣ напомнить читателю; только тогда станетъ ясно, „откуда пошла“ такъ называемая махаевщина и что̀ она представляетъ изъ себя въ настоящее время. Переходя къ краткому эскизу этой исторіи, мы откладываемъ на нѣсколько страницъ разъясненіе самаго термина „махаевщина“, перечисленіе литературы этого новаго теченія, изложеніе и критику его основоположеній

и т. п.; внутренняя филіація идеи интереснѣе и важнѣе внѣшняго ея проявленія въ фактахъ.

II.

Интеллигенція есть, несомнѣнно, нѣкоторое соціальное явленіе, нѣкоторая соціальная группа; вопросъ только въ томъ, чѣмъ и какъ характеризуется эта группа: представляетъ ли она изъ себя въ конечномъ счетѣ явленіе *соціально-экономическаго* или *соціально-этическаго* характера? Вотъ уже полъ вѣка, какъ на этотъ вопросъ даются самые разнорѣчивые отвѣты.

Какъ извѣстно, самый терминъ „интеллигенція" появился въ шестидесятыхъ годахъ XIX-го вѣка (введеніе этого термина — одна изъ главнѣйшихъ литературныхъ заслугъ П. Боборыкина...); но новые термины возникаютъ и прививаются только тогда, когда сама жизнь предварительно расчищаетъ имъ почву. Такъ было и въ шестидесятыхъ годахъ, когда сплоченной массой „разночинецъ пришелъ", когда пришлось этой новой соціальной группѣ давать не только сословно-классовое наименованіе, но и экономическое и этическое опредѣленіе. Однимъ изъ первыхъ опредѣлилъ сущность разночинца Писаревъ, и опредѣленіе это носило вполнѣ *соціально-экономическій* характеръ: разночинную интеллигенцію Писаревъ назвалъ „мыслящимъ пролетаріатомъ" (такъ озаглавлена одна изъ статей Писарева въ „Русскомъ Словѣ" 1865 г.). Это опредѣленіе получило всѣ права гражданства и стало особенно употребительнымъ въ эпоху развитія русскаго ортодоксальнаго марксизма, главнымъ образомъ въ стадіи такъ называемаго

„искризма"; въ эпоху же шестидесятыхъ — семидесятыхъ годовъ опредѣленіе Писарева не пользовалось особеннымъ успѣхомъ, такъ какъ именно въ это время становилось общеупотребительнымъ названіе „интеллигенціи", приложенное къ возникшей соціальной группѣ. „Интеллигенція" — это терминъ нейтральный, ни соціально-экономическій, ни соціально-этическій; нѣкоторая неопредѣленность и широта этого термина болѣе всего способствовали его распространенію.

Соціально-экономическое опредѣленіе Писарева было вытѣснено другимъ, нейтральнымъ, главнымъ образомъ потому, что непосредственно вслѣдъ за Писаревымъ настала эпоха расцвѣта критическаго народничества, которое въ своей характеристикѣ интеллигенціи обратило главное вниманіе на ея *соціально-этическія* стороны. Мы говоримъ „главное", но не исключительное; не исключительное, такъ какъ само народничество базировалось именно на соціально-экономической почвѣ, что̀, однако, не мѣшало ему признавать громадное значеніе этики въ соціологіи. На соціально-экономической почвѣ могутъ вырости такія явленія, къ которымъ долженъ быть приложенъ именно этическій критерій. Именно такой соціально-этическій критерій впервые приложилъ къ интеллигенціи Лавровъ, назвавшій ее группой „критически мыслящихъ личностей". Здѣсь уже главное вниманіе обращено не на то, что нѣкоторая соціальная группа является мыслящимъ *пролетаріатомъ*, а на то, что она является группой *критически* мыслящей, т.-е., по толкованію Лаврова, борющейся за опредѣленные соціально-этическіе идеалы и идущей къ опредѣленной цѣли. Такимъ образомъ Писаревъ и Лавровъ дали двѣ типично-различныхъ

характеристики интеллигенціи и предопредѣлили дальнѣйшій путь возможныхъ отношеній къ этой все болѣе и болѣе растущей общественной группѣ. И до сихъ поръ вопросъ объ интеллигенціи можетъ быть поставленъ и рѣшенъ съ одной изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія: или, во-первыхъ, можно опредѣлять интеллигенцію, какъ соціально-экономическую группу, не обращая вниманія (или обращая минимальное вниманіе) на различный этическій уровень различныхъ слоевъ этой группы; или, во-вторыхъ, можно опредѣлять интеллигенцію, какъ группу соціально-этическую, обращая только минимальное вниманіе на экономическую структуру различныхъ слоевъ этой группы. Синтезировать двѣ эти точки зрѣнія— немыслимо, ибо съ первой изъ нихъ интеллигенція есть *классъ*, а со второй *внѣклассовая группа*; синтезъ ихъ былъ бы поэтому обреченной на неудачу попыткой борьбы съ логическимъ „закономъ исключеннаго третьяго“. Это не исключаетъ однако возможности тѣхъ или иныхъ градацій въ каждой изъ двухъ указанныхъ типично-различныхъ точекъ зрѣнія, представляющихъ изъ себя только конечные пункты развивающейся критической мысли. Такъ напримѣръ, соціально-экономическая точка зрѣнія на интеллигенцію несомнѣнно должна въ концѣ концовъ привести къ заключенію, что интеллигенція есть особый экономическій классъ (и именно такова, какъ увидимъ, точка зрѣнія махаевщины); но до такого положенія марксистская мысль пришла съ трудомъ и длинными обходными путями, черезъ рядъ промежуточныхъ стадій.

Русская общественная мысль семидесятыхъ годовъ пошла не за Писаревымъ, а за Лавровымъ; интеллигенція разсматривалась какъ внѣклассовая группа,

къ ней прилагался соціально-этическій масштабъ. И интереснѣе всего то, что это было какъ разъ въ эпоху нарожденія и роста россійской буржуазіи, разныхъ Колупаевыхъ, Разуваевыхъ и прочихъ „міроѣдскихъ дѣлъ мастеровъ“. Къ этому растущему классу русское народничество прилагало прежде всего и главнымъ образомъ соціально-экономическую мѣрку; но—и это очень характерно и любопытно—соціально-экономическія концепціи получили на русской почвѣ вполнѣ ясную этическую окраску. Этически-нейтральный въ Европѣ терминъ „bourgeois“ получилъ на русской почвѣ яркій этически-отрицательный характеръ; такое пониманіе закрѣпилъ Гл. Успенскій своимъ отрицательнымъ типомъ „буржуя“ [1]). Характерно также, что въ настоящее время такой же этически-отрицательный смыслъ имѣетъ уже не классовое понятіе „буржуазія“, а сословное—„мѣщанство“. Но это только между прочимъ, и не въ этомъ метафорическомъ переносѣ понятій главная суть; необходимо, однако, было указать, что въ семидесятыхъ годахъ взаимное отношеніе интеллигенціи и буржуазіи (какъ соціально-экономической концепціи) разсматривалось главнымъ образомъ съ соціально-этической точки зрѣнія. Выясненіе этого взаимоотношенія составляетъ заслугу Михайловскаго. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1881—1882 гг. (1881 г. № 10 и 12, 1882 г. № 1) онъ отозвался на этотъ вопросъ, оцѣнивая и буржуазію и интеллигенцію по ихъ отношенію къ трудящимся массамъ, къ народу. Интел-

---

[1]) Еще задолго до Успенскаго это сдѣлалъ Достоевскій въ своихъ „Зимнихъ запискахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ,“ написанныхъ въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ (см. тамъ гл. V и VI „Опытъ о буржуа“).

лигенція, заявляетъ Михайловскій, есть опредѣленное „собирательное названіе“, въ то время какъ „буржуазія есть классъ“; иногда—какъ, напримѣръ, во Франціи XVIII-го вѣка—буржуазія страны можетъ быть ея интеллигенціей, но отсюда далеко до принятія тождества „интеллигенція=буржуазія“; невозможно это потому, что разночинная, междуклассовая интеллигенція есть вполнѣ „особая общественная сила“, направленная отнюдь не туда, куда тянетъ буржуазія. Буржуазія, коренной и всеобщей чертой которой является владѣніе орудіями производства и стремленіе къ захвату возможно большей доли прибавочной стоимости, можетъ стремиться только къ закрѣпленію всеобщаго имущественнаго неравенства; этическій и соціальный идеалъ интеллигенціи заключается, напротивъ того, не только въ обобществленіи орудій производства, но и въ требованіи всеобщаго экономическаго и соціальнаго уравненія. Какъ извѣстно, „равенство“ было центральной идеей всей системы Михайловскаго; стремленіе къ этому идеалу, въ связи съ „щемящимъ чувствомъ отвѣтственности передъ народомъ“ за то, что „насчетъ его воловьей работы и кроваваго пота мы дошли до возможности“ стать „интеллигентами“—создало удивительный по нравственной красотѣ типъ „кающагося дворянина“, также вошедшаго въ шестидесятыхъ-семидесятыхъ годахъ въ ряды разночинной интеллигенціи (см. Михайловскій, собр. соч. т. V, стр. 508—512, 514—515, 537—546, 566 и др.; о „кающемся дворянинѣ“ см. замѣчательные очерки Михайловскаго „Въ перемежку“). Все это заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія и изученія вплотную, а не только мимоходомъ; однако даже этого немногаго достаточно, чтобы имѣть право пов-

торить уже высказанное нами положеніе: въ эпоху расцвѣта народничества вопросъ объ интеллигенціи рѣшался главнымъ образомъ съ соціально-этической точки зрѣнія.

Восьмидесятые годы, эта типично „промежуточная“ эпоха въ исторіи русскаго идейнаго развитія, не внесли ничего цѣннаго и новаго въ рѣшеніе вопроса объ интеллигенціи, хотя вопросъ этотъ продолжалъ оставаться злободневнымъ; въ журналахъ той эпохи мы нерѣдко встрѣтимся съ рѣшеніемъ вопроса о томъ, что такое интеллигенція, каково ея положеніе и значеніе въ обществѣ и т. п. Отвѣты на все это давались иной разъ самые изумительные. Курьеза ради можно упомянуть о сборникѣ статей нѣкоего В. С., вышедшемъ въ 1890 г. подъ заглавіемъ „Замѣтки и отзывы по разнымъ предметамъ вмѣстѣ съ житейскими сценами изъ недавняго прошлаго“ (!); въ одной изъ статей сборника доказывалось, что „интеллигенція“ есть не что иное какъ „чиновничество“, ибо и чиновничество и интеллигенцію одинаково характеризуетъ умственный трудъ... Въ махаевщинѣ мы встрѣтимся съ варьяціями на эту тему; пока же отмѣтимъ только въ этомъ опредѣленіи тенденцію перехода отъ соціально-этической къ соціально-экономической точкѣ зрѣнія на интеллигенцію [1]). И такая тенденція сказывалась не только

[1]) Обращаемъ, кстати, вниманіе историковъ русскаго общественнаго движенія на эту курьезную книжку В. С.; она вышла (СПБ., типогр. Голике) въ эпоху самой необузданной реакціи, въ 1890 г., и, однако, въ ней содержится выраженное en toutes lettres требованіе конституціи! Болѣе того: книжку заключаютъ „эпическія сцены“ въ двухъ картинахъ, весьма прозрачно воспроизводящія домъ Романовыхъ со всѣмъ ихъ антуражемъ, съ Побѣдоносцевымъ (семинаристъ „Дубининъ“) во главѣ... Какъ могла цензура и администрація того времени пропустить подобную вещь—совершенно непонятно.

въ пониманіи какого-то В. С., но и въ работахъ такихъ вождей правой фракціи народничества, какъ Юзовъ-Каблицъ или г. В. В. Первый изъ нихъ въ своей книгѣ „Интеллигенція и народъ" только мимоходомъ высказалъ подобный взглядъ; а у В. В. взглядъ этотъ легъ уже въ основу его статей „Сословный характеръ исторической интеллигенціи", „Характеръ русской интеллигенціи" и др., впервые появившихся въ „Русскомъ Богатствѣ" 1892 г. и впослѣдствіи составившихъ книгу „Наши направленія". Интеллигенція—доказываетъ В. В.—въ своихъ научныхъ общественныхъ построеніяхъ является представительницей опредѣленнаго класса; интеллигенція „сознательно ставитъ изученію общія идеальныя задачи, а безсознательно подмѣняетъ ихъ частными, классовыми"; интеллигенція есть результатъ историческаго развитія человѣчества, развитія, совершавшагося путемъ дѣленія человѣчества на классы; интеллигенція всегда живетъ чувствами и идеями привилегированныхъ классовъ (см. „Наши направленія", стр. 24—25, 49 и др.). Все это В. В. относитъ къ интеллигенціи западно-европейской, т.-е. интеллигенціи „буржуазной"; русская же интеллигенція является по его мнѣнію менѣе классовою и даже безсословною (ibid., стр. 85 и 90). Однако, всюду и вездѣ „интеллигенція, какъ творческій соціальный агентъ, обладаетъ такими силами, какія имѣетъ въ жизни тотъ классъ, *къ которому она принадлежитъ*" (ibid., стр. 68; курсивъ нашъ). Итакъ, несмотря на всѣ оговорки, В. В. давалъ въ концѣ концовъ не соціально-этическое, а соціально-экономическое опредѣленіе интеллигенціи: для него, какъ мы видѣли выше, интеллигенція есть та часть нѣкотораго привилегированнаго (а значитъ и эксплуа-

таторскаго) класса, которая играетъ въ этомъ классѣ роль умственнаго работника... Мы увидимъ нѣсколько ниже, что въ такомъ положеніи есть уже много родственнаго махаевщинѣ; во всякомъ случаѣ такое опредѣленіе интеллигенціи является уже переходомъ отъ народническаго, соціально-этическаго пониманія интеллигенціи, къ марксистскому, соціально-экономическому ея опредѣленію; одновременно съ В. В. совершенно тождественныя мысли объ интеллигенціи высказала и В. Засуличъ, признавъ ее частью класса буржуазіи [1]).

Марксизмъ (мы говоримъ исключительно про русскій марксизмъ) далеко не сразу однако сталъ на ту соціально-экономическую точку зрѣнія, которая одна только и подобаетъ марксизму въ его отношеніи къ интеллигенціи. Дѣйствительно, отношеніе марксизма къ интеллигенціи, строго логически выводимое изъ основныхъ его посылокъ, можетъ быть только однимъ изъ слѣдующихъ двухъ: или надо признать, что интеллигенція есть отдѣльный классъ, или надо признать, что интеллигенція входитъ цѣликомъ или отчасти въ другіе классы. Первое рѣшеніе было рѣшительно отвергнуто марксизмомъ; оставалось только второе рѣшеніе, грѣшащее, однако, своей полной неопредѣленностью. Что значитъ въ самомъ дѣлѣ, это размѣщеніе интеллигенціи по разнымъ классамъ? Значитъ ли это, что каждый классъ имѣетъ свою интеллигенцію? Значитъ ли это, что интеллигенція является частью только буржуазіи? или, быть можетъ, частью пролетаріата? или, быть можетъ, находится между двумя этими классами? Но въ послѣд-

---

[1]) См. статью В. Засуличъ: „Революціонеры изъ буржуазной среды", въ журналѣ „Соціалдемократъ", 1890 г.

немъ случаѣ не грозитъ ли марксизму опасность признать существованіе междуклассовой и внѣклассовой группы, а значитъ впасть въ величайшую ересь? Русскій марксизмъ прошелъ поочередно черезъ всѣ эти отвѣты. П. Струве въ своихъ „Критическихъ Замѣткахъ“ (1894 г.), положившихъ начало легальной марксистской литературѣ, отнесся къ вопросу объ интеллигенціи въ высшей степени оригинально для марксиста: онъ доказывалъ ея соціально-экономическое безсиліе и давалъ ей ни болѣе ни менѣе какъ соціально-этическое опредѣленіе! Интеллигенція, по его мнѣнію, безсословна и внѣклассова, и именно поэтому она есть соціально-экономическій нуль, несмотря на свою „интеллектуальную мощь и этическое значеніе“! Чего стоитъ признаніе со стороны марксиста существованія внѣклассовой и внѣсословной группы, хотя эту группу П. Струве и именуетъ презрительно „кучкой идеалистовъ“! Русскій марксизмъ не могъ остаться на столь еретической точкѣ зрѣнія въ своемъ отношеніи къ интеллигенціи; но нѣсколько лѣтъ подрядъ онъ только варьировалъ положенія Струве, причемъ относился къ интеллигенціи все болѣе и болѣе отрицательно. Это было въ эпоху такъ называемаго „экономизма“, въ серединѣ девяностыхъ годовъ (1896—1899 гг.); соціалъ-демократы работали надъ организаціей рабочей партіи, долженствовавшей быть выразительницей классовой борьбы пролетаріата. Вполнѣ естественно было поэтому ополчиться на „соціологически безсильную“, безсословную и внѣклассовую интеллигенцію (хотя бы и соціалъ-демократическую), которая дѣлала въ началѣ 90-хъ годовъ первыя болѣе или менѣе крупныя попытки организаціи пролетаріата въ такъ называемомъ „Союзѣ Борьбы“. Теперь „экономизмъ“ возстаетъ

именно противъ этой интеллигенціи, заявляя (напр., въ прокламаціи „Группы Самоосвобожденія“ и въ органѣ экономизма — „Рабочей Мысли“), что въ рабочую организацію „менѣе всего допускаются какъ разъ тѣ, чьи интересы защищаетъ трогательный Союзъ Борьбы интеллигентовъ“, и что *„рабочіе должны взять, наконецъ, въ свои руки свое собственное дѣло“* (курсивъ нашъ). Тѣсную связь махаевщины съ этимъ основнымъ положеніемъ экономизма мы увидимъ нѣсколько ниже; но нельзя не указать теперь же, что этимъ положеніемъ воспользовался прежде всего „полицейскій соціализмъ“, достигшій полнаго расцвѣта непосредственно вслѣдъ за увяданіемъ экономизма. Основной цѣлью „зубатовщины“ (а нынѣ всякихъ „независимцевъ“, „ушаковцевъ“ и К°) было внѣдреніе въ сознаніе рабочихъ массъ мысли о противоположности интересовъ пролетаріата и интеллигенціи; реакціей противъ экономизма и способомъ борьбы съ зубатовщиной явилась поэтому та частичная реабилитація интеллигенціи, которую мы видимъ въ марксизмѣ періода „Искры“. Въ „Зарѣ“ 1901 г. Потресовъ („Старовѣръ“) рѣшительно возсталъ противъ третированія интеллигенціи; но тутъ же онъ перешелъ отъ неопредѣленныхъ соціально-этическихъ концепцій автора „Критическихъ Замѣтокъ“ къ соціально-экономическому пониманію интеллигенціи, съ чего въ сущности и долженъ былъ начать марксизмъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы Потресову удалось избавиться отъ той неопредѣленности, которой грѣшилъ въ своемъ отношеніи къ интеллигенціи русскій марксизмъ предшествовавшаго періода. Потресовъ вернулся къ соціально-экономическому трактованію интеллигенціи Писаревымъ: онъ всюду говоритъ объ „интеллигентномъ пролетаріатѣ“, подобно тому какъ

Писаревъ говорилъ о мыслящемъ пролетаріатѣ; но что-же такое этотъ интеллигентный пролетаріатъ, эта разночинная интеллигенція? Классъ она, или нѣтъ? А если нѣтъ, то къ какому классу она примыкаетъ? Интеллигенція, отвѣчаетъ Потресовъ, есть „своеобразная формація безъ опредѣленныхъ очертаній“, переходящая съ одной стороны въ буржуазную интеллигенцію, съ другой — въ интеллигенцію пролетарскую; эта группа неустойчивая, пребывающая въ процессѣ постоянной диффузіи, что не мѣшаетъ ей имѣть большой не только этическій, но и соціологическій вѣсъ. Итакъ опять мы имѣемъ въ лицѣ интеллигенціи нѣкоторую междуклассовую группу. опять соціально-экономическое опредѣленіе интеллигенціи марксизмомъ является недоведеннымъ до конца, недоговореннымъ до точки.

Нѣкоторые марксисты пробовали быть болѣе логичными и пытались такъ или иначе поставить точку надъ і, дать интеллигенціи соціально-экономическое опредѣленіе. Одни изъ нихъ утверждали, что интеллигенція есть подклассъ буржуазіи, причемъ, однако, исключали сами себя изъ этого подкласса; ниже мы подробно ознакомимся съ однимъ изъ такихъ марксистскихъ построеній (см. гл. VII). Другіе изъ марксистовъ, наоборотъ, устанавливали тождество „интеллигенція = пролетаріатъ“, на томъ основаніи, что и пролетарій и интеллигентъ одинаково живутъ продажей своей рабочей силы. Третьи утверждали, что настоящіе интеллигенты—это только именно они, марксисты, идеологи пролетаріата и представители истинно-пролетарскихъ интересовъ; четвертые на томъ же самомъ основаніи устанавливали тождество „интеллигенція = буржуазія“, а марксизмъ и соціалъ-демократизмъ признали за истинно-

пролетарскія, а отнюдь не „интеллигентскія“ теченія мысли... Наконецъ, пятые доходили до признанія, что существуетъ особый классъ „умственныхъ работниковъ“, частью котораго является интеллигенція; но при этомъ характеристика интеллигенціи вдругъ оказывалась... соціально-этической! напримѣръ, характернымъ признакомъ интеллигенціи признавалось „учительство“, сопровождаемое стремленіемъ къ опредѣленнымъ соціально-этическимъ идеаламъ [1]...

Изъ всего этого явствуетъ, что марксизмъ не могъ рѣшить поставленной имъ себѣ задачи — дать интеллигенціи соціально-экономическое опредѣленіе. Отсюда слѣдуетъ, что такое опредѣленіе и такое пониманіе интеллигенціи или вообще невозможны и страдаютъ внутреннимъ логическимъ противорѣчіемъ — такова именно наша точка зрѣнія; или — и такова точка зрѣнія махаевщины — что марксизмъ не довелъ до послѣдняго логическаго конца свои выводы, не поставилъ точки надъ і, не воспользовался до конца своимъ методомъ и не провелъ анализа такъ далеко, какъ это было необходимо. Этотъ „пробѣлъ“, эту „ошибку“ марксизма безпощадно вскрываетъ махаевщина и заявляетъ, что ею найдена абсолютная истина — соціально-экономическое опредѣленіе интеллигенціи. Изъ этой „истины“ вытекаетъ, конечно, цѣлый рядъ слѣдствій, система которыхъ и представляетъ собою ту „махаевщину“, съ которой намъ предстоитъ познакомиться. Критическое изученіе махаевщины дастъ намъ въ концѣ концовъ возможность опредѣлить и сущность интеллигенціи. Познакомившись съ тѣмъ, „что такое

[1] См. статью г. *Изгоева*, „Интеллигенція, какъ соціальная группа“, „Образованіе“, 1904 г., № 1.

махаевщина“, мы этимъ самымъ дадимъ отвѣтъ и на вопросъ „что такое интеллигенція?“

III.

Скажемъ сперва нѣсколько словъ о внѣшней исторіи махаевщины, чтобы затѣмъ перейти къ опредѣленію ея внутренней сути [1]).

Въ серединѣ девяностыхъ годовъ минувшаго вѣка былъ сосланъ въ Якутскую область будущій родоначальникъ и глава махаевщины, а въ то время еще марксистъ и соціалъ-демократъ — „А. Ч. Вольскій“ (псевдонимъ), отъ дѣйствительной фамиліи котораго и получилъ начало самый терминъ „махаевщина“. Въ ссылкѣ имъ былъ написанъ (въ періодъ времени 1898—1900 гг.) цѣлый рядъ рефератовъ на тему о соціалъ-демократическомъ движеніи, о „научномъ соціализмѣ“, объ экономическихъ и соціологическихъ основаніяхъ доктрины К. Маркса. Въ началѣ девятисотыхъ годовъ А. Вольскій очутился за границей, гдѣ имъ былъ написанъ новый рядъ рефератовъ на тему о соціализмѣ и рабочемъ движеніи въ Россіи и объ историко-философскихъ основахъ марксизма и „научнаго анархизма“. Всѣ эти рефераты вмѣстѣ взятые составили одну болѣе или менѣе цѣльную по идеѣ книгу, напечатанную А. Вольскимъ въ 1904—1905 гг. въ Женевѣ въ трехъ частяхъ, подъ общимъ заглавіемъ „Умственный рабочій“. (Уже въ самомъ заглавіи здѣсь указывается,

[1]) Исторія „махаевщины“, какъ сейчасъ увидитъ читатель, это исторія почти „сегодняшняго дня“; мы вынуждены поэтому ограничиться только самыми общими указаніями, не считая себя въ правѣ говорить о подробностяхъ.

что во главѣ угла книги лежитъ вопросъ объ интеллигенціи). Первыя двѣ части этой книги были въ скоромъ времени переизданы въ Россіи [1]). Книга эта — евангеліе махаевщины; хотя содержаніе ея главнымъ образомъ критическое (ч. I — критика соціалъ-демократизма, ч. II—критика марксизма), но тутъ же, попутно, совершенно ясно и опредѣленно высказываются и основныя положенія махаевщины. Дополненіемъ и развитіемъ идей, высказанныхъ въ „Умственномъ рабочемъ“, являются еще двѣ брошюры А. Вольскаго: „Банкротство соціализма XIX-го столѣтія“ и „Буржуазная революція и рабочее дѣло“ [2]), изъ которыхъ только послѣдняя переиздана въ Россіи (кн-ствомъ „Рабочая борьба“, Спб., 1906 г.). Такимъ образомъ еще не всѣ произведенія А. Вольскаго извѣстны до настоящаго времени русской читающей публикѣ, но это и не существенно, такъ какъ неизвѣстной въ Россіи остается только третья часть (въ двухъ выпускахъ) „Умственнаго рабочаго“ и, являющаяся дальнѣйшимъ развитіемъ ея, брошюра „Банкротство соціализма XIX-го столѣтія“—наименѣе интересныя и наименѣе важныя для пониманія махаевщины произведенія

[1]) *А. Ч. Вольскій*, „Умственный рабочій“, чч. I и II; изд. В. Яковенко, „Соціалистическая библіотека“, №№ 3 и 4; 1906 г., Спб. Мы будемъ цитировать по этому изданію, за исключеніемъ III части и особо оговоренныхъ цитатъ.

[2]) Обѣ эти брошюры вышли анонимно, безъ имени или псевдонима автора; однако, мы считаемъ себя въ правѣ указать на принадлежность этихъ брошюръ перу А. Вольскаго, ибо онъ самъ впослѣдствіи заявилъ, что „Банкротство соціализма XIX столѣтія“ является его произведеніемъ; что-же касается другой брошюры, то въ газетѣ „Товарищъ“ за 1907 г. (въ отдѣлѣ „хроника рабочаго движенія“) неоднократно отмѣчалась ея принадлежность А. Вольскому, безъ какихъ бы то ни было возраженій со стороны послѣдняго.

А. Вольскаго. Къ тому же все наиболѣе существенное отсюда перенесено, повторено и развито въ доступной русскому читателю брошюрѣ А. Вольскаго „Буржуазная революція и рабочее дѣло“; брошюра эта содержитъ въ себѣ популяризацію всѣхъ основныхъ положеній махаевщины и предназначена, вѣроятно, сыграть роль агитаціонной махаевской брошюры среди широкихъ массъ. Во всякомъ случаѣ въ этой брошюрѣ и въ двухъ частяхъ „Умственнаго рабочаго“ сосредоточена вся „квинтъ-эссенція махаевщины“; хотя въ дальнѣйшемъ мы будемъ цитировать и остальныя произведенія А. Вольскаго (т.-е. третью часть „Умственнаго рабочаго“ и „Банкротство соціализма“), однако читатели могутъ вполнѣ основательно познакомиться съ махаевщиной и по переизданнымъ въ Россіи произведеніямъ А. Вольскаго.

Таковы работы родоначальника и основателя махаевщины. Вѣрнымъ ученикомъ и послѣдователемъ его и въ то же время вторымъ и пока послѣднимъ литературнымъ представителемъ махаевщины является г. Евгеній Лозинскій, вступившій на литературно-махаевское поприще только въ началѣ 1907 года своимъ „критико-соціологическимъ опытомъ“ подъ заглавіемъ „Что же такое, наконецъ, интеллигенція?„ (кн-ство „Новый Голосъ“, Спб., 1907 г.); здѣсь, какъ и въ книгѣ А. Вольскаго, опять оттѣнена въ заглавіи основная проблема махаевщины. Книга г. Е Лозинскаго является съ одной стороны хлесткимъ памфлетомъ противъ интеллигенціи, а съ другой — популяризаціей и дальнѣйшей разработкой основныхъ идей А. Вольскаго; именно г. Е. Лозинскимъ доведено въ этой книгѣ до послѣдняго логическаго предѣла соціально-экономическое пониманіе интел-

лигенціи [1]). Затѣмъ, тоже въ началѣ 1907 г. вышла брошюра того-же г. Е. Лозинскаго „Итоги парламентаризма“, посвященная рѣзкой критикѣ парламентскаго строя; брошюра эта для насъ мало интересна и намъ почти не придется обращаться къ ней при знакомствѣ съ махаевщиной. Наконецъ, съ весны 1907-го года началъ выходить „непепідическій, общественно-сатирическій и литературно-критическій“ махаевскій журналъ „Противъ Теченія“, редакторомъ, издателемъ и единственнымъ сотрудникомъ котораго является все тотъ же г. Е. Лозинскій; до осени 1907 года журнала этого вышло три номера, въ которыхъ мы найдемъ кое что интересное для характеристики махаевщины...

Вотъ и вся махаевская литература безъ труда

---

[1]) Къ сожалѣнію, въ этой своей книгѣ г. Е. Лозинскій слишкомъ безцеремонно пользовался основными мыслями А. Вольскаго, не ссылаясь (за однимъ исключеніемъ) на послѣдняго; между тѣмъ для всякаго, знакомаго съ работами А. Вольскаго, совершенно очевидно, что г. Е. Лозинскій находится подъ ихъ постояннымъ вліяніемъ, зачастую доходящимъ до почти буквальнаго заимствованія. Г. Лозинскій оспаривалъ, но не особенно убѣдительно, подобный взглядъ на его „критико-соціологическій опытъ“, взглядъ, впервые высказанный, въ рецензіи на книгу г-на Е. Лозинскаго, пишущимъ эти строки (въ журналѣ „Книга“ 1907 г., № 10). Входить по этому вопросу въ полемику съ г. Е. Лозинскимъ я счелъ тогда и теперь считаю излишнимъ; могу только заявить, что если бы рецензію на книгу г-на Е. Лозинскаго я писалъ въ настоящую минуту, послѣ детальнаго изученія всѣхъ работъ А. Вольскаго, то я бы вдвое или втрое увеличилъ число доказательствъ постоянной зависимости г-на Е. Лозинскаго отъ А. Вольскаго, и не только зависимости, а иногда даже и сплошного заимствованія. Долженъ прибавить, однако, что послѣ моей рецензіи г. Е. Лозинскій въ своихъ позднѣйшихъ статьяхъ самъ отмѣчаетъ пріоритетъ А. Вольскаго, искупая этимъ свой первоначальный вольный или невольный плагіатъ (см. напр. „Противъ Теченія“, № 1 стр. 11, № 3 стр. 10 и 14). *И.-Р.*

умѣщающаяся въ боковомъ карманѣ сюртука [1])... Кромѣ перечисленнаго выше, существуютъ еще различныя агитаціонныя листовки партіи „рабочаго заговора“ (махаевщины-тожъ); но въ нихъ мы не найдемъ ничего новаго и воспользуемся только махаевскимъ „Воззваніемъ“ къ рабочимъ по поводу майской стачки, вышедшимъ въ апрѣлѣ 1902 года. Какъ видитъ читатель, „рабочій заговоръ“ функціонируетъ во всякомъ случаѣ уже болѣе пяти лѣтъ, а въ 1908 году А. Вольскій можетъ справлять десятилѣтній юбилей „махаевщины“, такъ какъ своего „Умственнаго рабочаго“ онъ началъ писать въ 1898 г... Съ тѣхъ поръ махаевщина упорно и настойчиво пропагандировалась имъ устно и печатно; первыя двѣ части „Умственнаго рабочаго“ были изданы впервые въ 1900—1 гг. еще въ Сибири, на „нелегальномъ гектографѣ и мимеографѣ“, по словамъ самого А. Вольскаго. Мало по малу махаевщина находила и послѣдователей; такъ, насколько намъ извѣстно, махаевскіе кружки уже года три тому назадъ существовали въ Россіи. Много-ли ихъ? — Можно сказать, что если вся махаевская литература умѣщается въ одномъ карманѣ, то всѣ махаевцы съ удобствомъ могутъ помѣститься на одномъ диванѣ... Впрочемъ такъ какъ тактика махаевщины типично бланкистская и такъ какъ махаевщина, какъ уви-

[1]) Кромѣ того мы воспользуемся въ двухъ случаяхъ анонимными „махаевскими“ примѣчаніями къ отрывкамъ изъ „Святого семейства“ Маркса и Энгельса (кн-ство „Новый голосъ“; Спб., 1906 г.). Прибавимъ кстати, что если кромѣ всего перечисленнаго существуетъ и еще какая-либо махаевская „литература“, то во всякомъ случаѣ она и количественно и качественно является совершенно quantité négligeable. Насколько намъ извѣстно, въ сезонъ 1907—1908 гг. ожидается появленіе въ свѣтъ новыхъ махаевскихъ произведеній...

дитъ читатель, носитъ принципіально „подпольный“ характеръ, то дѣйствія махаевскихъ кружковъ не подлежатъ нашему изученію. Надо различать „рабочій заговоръ“ и „махаевщину“, такъ же какъ мы различаемъ „соціалъ-демократизмъ“ и „марксизмъ“, внѣшнюю форму и внутреннюю идеологію; „рабочій заговоръ“ мы оставимъ въ сторонѣ или коснемся его только мимоходомъ, насъ интересуетъ только махаевщина въ ея литературныхъ проявленіяхъ.

Съ этими „проявленіями“ мы ознакомились выше. А. Вольскій и Е. Лозинскій, учитель и ученикъ, основатель и продолжатель — вотъ и вся „махаевщина“; пара книгъ, пара брошюръ и начинающійся журнальчикъ — вотъ и вся махаевская литература, которую намъ придется судить, конечно, не съ количественной, а съ качественной стороны, не по объему, а по содержанію: быть можетъ малъ золотникъ, да дорогъ... Во всякомъ случаѣ, несмотря на крайнюю скудость махаевской литературы, мы найдемъ въ ней всѣ тѣ три типа литературныхъ произведеній, которые свойственны уже достаточно сформировавшимся общественно политическимъ теченіямъ: мы найдемъ тутъ и краеугольный камень, евангеліе всей теоріи и обоснованіе ея, съ предшествующимъ подкопомъ подъ всѣ враждебныя міровоззрѣнія (книга А. Вольскаго); и агитаціонную брошюру и „листовки“ для широкихъ массъ; и хлесткій памфлетъ (книга г. Е. Лозинскаго); и даже, наконецъ, въ видѣ безплатнаго прибавленія къ основнымъ тремъ типамъ, еще и „неперіодическій, общественно-сатирическій и литературно-критическій“ махаевскій журналъ.. Mein Liebchen, was willst du noch mehr?!.. Какъ бы то ни было, но

всей этой литературы вполнѣ достаточно для того, чтобы можно было разобраться въ основныхъ положеніяхъ махаевщины и для того, чтобы на послѣдующихъ страницахъ мы могли дать отвѣтъ на вопросъ: „что-же такое, наконецъ, махаевщина?“...

IV.

Мы уже отмѣтили выше, что центръ тяжести махаевщины лежитъ въ рѣшеніи вопроса о строеніи и существѣ соціальной группы, именуемой „интеллигенціей“; недаромъ оба литературныхъ представителя махаевщины, и учитель и ученикъ, отмѣчаютъ этотъ вопросъ въ самомъ заглавіи своихъ книгъ. Мы отмѣтили также, что въ послѣднее время уже сами марксисты попробовали перестать отдѣлываться раскланиваніемъ на обѣ стороны при категорическомъ требованіи примѣненія къ интеллигенціи основныхъ марксистскихъ соціально-экономическихъ критеріевъ; попытка эта привела марксистовъ, какъ мы уже отмѣтили, къ тремъ совершенно различнымъ пониманіямъ интеллигенціи. Первое изъ нихъ гласило: интеллигенція входитъ въ классъ пролетаріата, ибо и ручные и умственные рабочіе одинаково живутъ продажей своей рабочей силы капиталистамъ; второе утверждало, что интеллигенція входитъ въ особый соціально-экономическій классъ, но характеризуется съ соціально этической точки зрѣнія; третье доказывало, что интеллигенція есть наростъ на буржуазномъ обществѣ и именно на классѣ буржуазіи. Но даже и эти рѣшенія не доводили до логическаго конца классовую точку зрѣнія на интеллигенцію. Впервые это сдѣлала махаевщина.

Интеллигенція входитъ въ классъ пролетаріата, заявляли нѣкоторые марксисты, ибо ее характеризуетъ продажа своей рабочей силы. Махаевщина не останавливается на такомъ рѣшеніи, совершенно устраняющемъ самый главный и центральный вопросъ: дѣйствительно ли интеллигенція продаетъ свою рабочую силу, заключающуюся въ знаніяхъ? *И что такое знаніе — рабочая сила или средства производства?* На этотъ вопросъ махаевщина отвѣчаетъ, что знанія суть именно своеобразныя средства производства, а значитъ интеллигенція есть особый „классъ“. Это утверждали и нѣкоторые марксисты, не доводя однако своей мысли до конца; махаевщина поставила передъ этими марксистами второй категорическій вопросъ: *какую роль играетъ „классъ“ интеллигенціи въ процессѣ производства и распредѣленія?* Отвѣты на оба эти вопроса категорически рѣшаютъ проблему объ интеллигенціи; знанія суть средства производства, а слѣдовательно въ процессѣ производства-распредѣленія интеллигенція играетъ роль присвоительницы прибавочной стоимости; значитъ не только интеллигенція есть „классъ“, но болѣе того: *интеллигенція есть классъ эксплуататорскій.* Этотъ выводъ—ось вращенія всей махаевщины.

Какъ видимъ, махаевщина поставила точки надъ і, храбро договорила то, что всегда оставлялъ недосказаннымъ ортодоксальный марксизмъ; въ махаевщинѣ мы имѣемъ, наконецъ, безпримѣсное соціально-экономическое опредѣленіе интеллигенціи, совершенно освобожденное отъ какихъ бы то ни было соціально-этическихъ концепцій; pia desideria ортодоксальнаго марксизма осуществлены именно въ махаевщинѣ, несмотря на то, что тутъ же махаевщина „подъяла мечъ на родшаго ю“ и объявила безпощадную войну

марксизму и соціалъ-демократіи. А что махаевщина, какъ Аѳина изъ головы Зевса, вышла во всеоружіи именно изъ марксизма — этого отрицать не приходится: слишкомъ явно просвѣчиваютъ въ махаевщинѣ ея былыя симпатіи къ „рабочедѣльству“ и „рабочемыслительству“ и слишкомъ ярко прорывается ея негодованіе противъ „искризма“ и его войны съ экономизмомъ (см. напр. А. Вольскій, „Умственный рабочій“, ч. III, вып. I, стр. 59—60). Правда, выходя изъ марксистской ортодоксіи, махаевщина въ концѣ концовъ сблизилась и съ революціоннымъ синдикализмомъ и съ анархизмомъ, да кромѣ того еще прихватила кое-что, какъ увидимъ, изъ стараго народничества, но все-же отцомъ ея былъ несомнѣнно марксизмъ, и притомъ марксизмъ россійской чеканки и именно — стадіи экономизма. Девизы экономизма — „долой интеллигенцію!“ и „рабочій долженъ взять дѣло своего освобожденія въ свои руки“ — перешли по наслѣдству и въ махаевщину, причемъ однако послѣдняя немедленно стала подкапывать корни кормившаго ее дерева: махаевщина безъ труда нашла ахиллесову пяту экономизма съ его вышеприведенными девизами. Дѣйствительно, кто провозглашалъ въ экономической стадіи соціалъ-демократизма „долой интеллигенцію“? — сами же интеллигенты! И это впослѣдствіи призналъ, какъ мы видѣли, даже такой ортодоксальный марксистъ, какъ „Старовѣръ“ (Потресовъ). Махаевщина объясняетъ подобный эпизодъ злонамѣреннымъ обманомъ рабочихъ массъ интеллигенціей; стадію экономизма махаевцы называютъ „фазой экономическаго маскарада“ (А. Вольскій, „Умств. раб.“, ч. I, стр. XIX): для пріобрѣтенія довѣрія рабочихъ массъ соціалъ-демократической интеллигенціи „пришлось

нарядиться въ ненавистное имъ платье экономистовъ“ (ibid., стр. XX). Такимъ образомъ, по признанію самихъ же махаевцевъ, различіе между экономизмомъ и махаевщиной носитъ прежде всего вполнѣ субъективный характеръ: экономисты только наряжались въ чужое платье, составляющее исключительную собственность махаевщины, для которой „рабочее дѣло заключается въ той экономической борьбѣ, которую ведутъ сами массы наперекоръ всѣмъ демократическимъ и соціалистическимъ формуламъ“ (ibid., стр. XXXIV). Что же касается девиза экономистовъ „долой интеллигенцію!“, то и этотъ девизъ былъ только маской: „первые экономическіе агитаторы соціалъ-демократовъ стали выдавать себя передъ рабочими за непримиримыхъ противниковъ интеллигентской политики;... соціалъ-демократы понимали, что имъ можно будетъ снять передъ рабочими свою маску лишь тогда, когда они въ достаточной мѣрѣ пріобрѣтутъ ихъ довѣріе“ (А. Вольскій, „Буржуазная революція и рабочее дѣло“, стр. 63). Такъ объясняется махаевщиной призывъ „долой интеллигенцію!“ въ устахъ интеллигентовъ: призывъ этотъ объясняется сознательнымъ лицемѣріемъ интеллигентовъ. Объясненіе простое, весьма излюбленное махаевщиной, но, какъ легко сообразить и какъ мы увидимъ ниже, крайне опасное для самой махаевщины, совершенно беззащитной при обращеніи остріемъ противъ нея же подобнаго недостаточно добросовѣстнаго обвиненія...

Здѣсь однако не мѣсто разбираться въ подробностяхъ распри между махаевщиной и экономизмомъ и вообще соціалъ-демократизмомъ; фактъ рожденія махаевщины изъ марксизма является во всякомъ случаѣ неопровержимымъ. Фактъ этотъ выяснится

для насъ еще болѣе, если мы поближе познакомимся съ историко соціологическими построеніями махаевщины, а также и съ главными выводами, вполнѣ послѣдовательно вытекающими изъ основоположеній махаевщины, подчеркнутыхъ нами страницею выше.

Историко-соціологическія воззрѣнія махаевщины взяты ею на прокатъ отъ марксизма; надо впрочемъ замѣтить, что въ этой области существуетъ разногласіе между „учителемъ" и „ученикомъ". А. Вольскій упорно отрицаетъ всякія научно-соціологическія построенія и обобщенія: „наука—заявляетъ онъ — есть достояніе привиллегированныхъ людей, касты бѣлоручекъ, ученаго міра, существованіе котораго есть существованіе паразита, основанное на вѣковомъ грабежѣ обреченныхъ на пожизненную каторгу рабочихъ массъ. «Общественная наука» является поэтому системой господства надъ волей и мыслью массъ". („Умств. раб.", ч. III, в. I, стр. 40—41). Это не мѣшаетъ А. Вольскому всецѣло заимствовать отъ марксизма принципъ классовой борьбы и даже вполнѣ прозрачно претендовать на то, чтобы названіе „историческаго матеріализма" было присвоено махаевщинѣ, въ которой теорія классовой борьбы „продумана до конца"... Съ такимъ противорѣчивымъ отрицаніемъ „общественной науки" несогласенъ г. Е. Лозинскій, въ чемъ и расходится со своимъ учителемъ; исходя изъ марксизма, г. Е. Лозинскій въ свою очередь дѣлаетъ попытку „продумать до конца" теорію классовой борьбы, чему и посвященъ его „критико-соціологическій опытъ". Какъ оба они продумываютъ до конца принципъ классовой борьбы— мы еще увидимъ ниже; здѣсь пока достаточно указать, что въ основаніи махаевщины лежитъ взятый отъ марксизма принципъ. На этомъ принципѣ и

строится вся махаевская теорія, два центральныя положенія которой мы подчеркнули выше и которую мы постараемся изложить на послѣдующихъ страницахъ, не скупясь на обильныя цитаты и выдержки.

„Во всѣхъ странахъ, во всѣхъ государствахъ — пишетъ родоначальникъ махаевщины — существуетъ громаднѣйшій классъ людей, которые вовсе не имѣютъ ни промышленнаго, ни торговаго капитала и вмѣстѣ съ тѣмъ живутъ, какъ настоящіе господа. Это классъ образованныхъ людей, *классъ интеллигенціи* (курсивъ нашъ). Они не владѣютъ ни землей, ни фабрикой, ни мастерской, а пользуются не меньшимъ грабительскимъ доходомъ, чѣмъ средніе и крупные капиталисты. Они не имѣютъ собственныхъ предпріятій, но они такіе же бѣлоручки, какъ средніе и крупные капиталисты, также какъ и тѣ, всю жизнь свободны отъ ручного труда и если участвуютъ въ производствѣ, то лишь какъ управляющіе, директора, инженеры, то есть по отношенію къ рабочимъ, къ рабамъ ручного труда, являются такими же командирами и господами, какъ и предприниматели-капиталисты" (А. Вольскій, „Бурж. рев. и раб. дѣло", стр. 86). И этотъ „классъ" интеллигенціи есть особый общественный классъ, характеризуемый монопольнымъ и наслѣдственнымъ владѣніемъ знаніями, средствами интеллектуальнаго производства, подобно тому какъ „среднихъ и крупныхъ капиталистовъ" характеризуетъ монопольное и наслѣдственное владѣніе орудіями матеріальнаго производства: „*возможность изъ поколѣнія въ поколѣніе реализаціи интеллигенціею, какъ классомъ, ея «особенныхъ знаній и способностей» предполагаетъ «особенное» наслѣдственное владѣніе у этого класса*" (А. Вольскій, „Умств. раб.", ч. I, стр. 118; курс.

подл.). Это особенное наслѣдственное владѣніе и есть владѣніе знаніями, позволяющее интеллигенціи быть „господскимъ“, „управляющимъ“ классомъ, что и ставитъ интеллигенцію въ одинъ рядъ со всѣми эксплуатирующими буржуазными классами, ибо „необходимыя для функціи управленія (въ широкомъ смыслѣ слова) знанія, наука составляютъ исключительное владѣніе буржуазныхъ классовъ, въ полное распоряженіе которыхъ поступаетъ весь „національный доходъ“, національная прибавочная стоимость, взимаемая капиталистами, доставляя только привиллегированному меньшинству возможность пріобрѣсть эти знанія, эту науку...“ (ibid., ч. I, стр. 28). И чѣмъ выше уровень этихъ знаній, тѣмъ выше въ современномъ обществѣ и оцѣнка ихъ, какъ труда „высшаго качества“, „высоко-квалифицированнаго“ труда; а высокая оцѣнка этого труда въ свою очередь даетъ возможность интеллигенту снова вложить сравнительно большой капиталъ въ дѣло образованія своего потомства, которое поэтому тоже станетъ владѣльцемъ „высоко-квалифицированной рабочей силы“—и такъ далѣе ad infinitum. Откуда однако можетъ возмѣщаться интеллигенціей расходъ на воспитаніе и образованіе, расходъ обыкновенно очень значительный? — исключительно изъ общей суммы „чистаго дохода націи“, изъ той національной прибавочной стоимости, которую въ теченіе года крупная буржуазія присваиваетъ себѣ отъ пролетаріата [1]). Правда, капиталисты присваиваютъ прибавочную стоимость отъ пролетаріата непосредственно, а интеллигенція — черезъ руки капиталистовъ (вспомнимъ теорію экономистовъ о первичномъ и вторичномъ распредѣленіи богатствъ), но отъ этого нисколько не легче рабочему классу, а интеллигенцію, какъ классъ, это нисколько не спасаетъ отъ эксплуататорскаго характера: въ ея руки поступаетъ національная прибавочная стоимость. „Прибыль, взимаемая капиталистами, — говоритъ А. Вольскій,—обезпечиваетъ паразитное существованіе не только «горсти капиталистовъ и крупныхъ земельныхъ собственниковъ» (эти кавычки — камешекъ въ огородъ марксизма... И.-Р.). Она даетъ возможность всему образованному обществу обладать буржуазнымъ уровнемъ жизни. Образованное общество, вся армія умственныхъ рабочихъ есть потребитель «чистой національной прибыли»“ (ibid., ч. II, стр. 56). И если первичное распредѣленіе богатствъ является незамаскированнымъ грабежемъ рабочихъ капиталистами, то вторичное раздѣленіе богатствъ является такимъ же, но только замаскированнымъ грабежемъ рабочихъ интеллигенціей, умственными рабочими; „грабежъ“ этотъ, по мнѣнію махаевщины, происходитъ подъ видомъ высшей оцѣнки труда высшаго качества, высоко-квалифицированнаго умственнаго труда. „Каждое поколѣніе привиллегированныхъ наемниковъ, интеллигенціи, — заявляетъ А. Вольскій,—поглощаетъ во время своего воспитанія извѣстную сумму національной прибавочной стоимости. Такимъ образомъ они становятся «высоко-квалифицированной рабочей силой», силой «высшаго качества», «высшей мѣновой стоимости“. Это значитъ: *именно въ силу того, что они поглотили извѣстную сумму прибавочной стоимости, они* по логикѣ строя грабежа *пріобрѣтаютъ право и далѣе взимать, подъ видомъ платы за воспитаніе,*

[1]) Замѣтимъ кстати, что и „теорія цѣнности“ К. Маркса цѣликомъ перешла въ махаевщину и въ построенія А. Вольскаго.

неоплаченный продуктъ чужого труда, труда пролетарія“ [1]) (ibid., ч. I, стр. 126; курс. подл.). Ясно отсюда, что высшая оплата высоко-квалифицированнаго труда представляется махаевщинѣ высшей несправедливостью—это ея основное, часто подчеркиваемое убѣжденіе, приводящее махаевщину, какъ еще увидимъ, къ теоріи уравненія доходовъ (или, быть можетъ, выводимое изъ этой теоріи); эта высшая оплата высшаго труда даетъ интеллигенціи возможность вновь сдѣлать свое потомство владѣльцемъ могущественныхъ средствъ производства—знаній. „...Общество (господъ), владѣя всѣми матеріальными богатствами, владѣетъ поэтому и всѣми человѣческими знаніями, которыя для всего рабочаго народа оно дѣлаетъ недоступною тайною,—читаемъ мы въ первомайскомъ махаевскомъ „Воззваніи“ 1902-го года.—Рабочему классу по законамъ грабителей полагается только *народное* образованіе, т.-е. невѣжество въ сравненіи съ господствующимъ ученымъ міромъ. По этимъ законамъ грабежа громаднѣйшее большинство человѣчества приговорено рождаться рабами, начинать съ малолѣтства каторгу физическаго труда, приговорено выростать изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ низшая необразованная раса людей, способная только къ физическому труду, къ механическому исполненію приказаній господъ; господа же, заграбивъ всѣ средства, воспитываютъ всѣхъ своихъ дѣтей—сколько ни будетъ тупѣйшихъ головъ въ ихъ числѣ—въ высшую расу, призванную править“. Это снова возвращаетъ насъ къ вопросу о монопольномъ и наслѣдственномъ владѣніи знаніями интеллигенціей, ибо „функція управленія... есть исключительная монополія благовоспитаннаго общества, господствующихъ буржуазныхъ классовъ, не только собственниковъ промышленнаго и торговаго капитала, но привиллегированныхъ наемниковъ капиталистическаго государства: политиковъ, журналистовъ, ученыхъ и всѣхъ «благородныхъ» профессій. Эта монополія неразрывно связана съ основою современнаго строя, покоющейся на принципѣ частной наслѣдственной собственности“ (А. Вольскій, „Умств. раб.“, ч. I, стр. 28). Отсюда ясно, что для махаевщины второй „высшей несправедливостью“ является—какъ мы въ этомъ убѣдимся и ниже—наслѣдственная семейная собственность; мы установили такимъ образомъ два основныхъ махаевскихъ идеала: уравненіе доходовъ и уничтоженіе частной наслѣдственной собственности — вотъ два краеугольныхъ камня махаевской соціологіи и будущаго махаевскаго строя...

Мы видѣли, что до сихъ поръ интеллигенція ставится махаевщиной рядомъ съ буржуазіей и безусловно противопоставляется пролетаріату: признавая интеллигенцію за особый „классъ“, А. Вольскій

[1]) Подчеркнутыя слова своего учителя г. Е. Лозинскій переписываетъ слѣдующимъ образомъ: „въ силу только одного того, что для подготовки необходимыхъ капитализму интеллигентныхъ работниковъ понадобился извѣстный „капиталъ крови и труда“, эти работники „*имѣютъ право*“—говоря словами „Vorwärts'а“, Маркса и всей соціалистической литературы—и впредь поглощать такой же капиталъ крови и труда для постепеннаго, видите ли, „погашенія“ прежняго, уже „потраченнаго“ капитала. Поистинѣ волчья логика, звѣрина справедливость!“ („Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 180—181). Этотъ примѣръ объяснитъ читателю, почему въ дальнѣйшемъ мы всюду будемъ характеризовать махаевщину по произведеніямъ А. Вольскаго, хотя почти всюду могли бы привести параллельныя мѣста и изъ Е. Лозинскаго. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у г. Е. Лозинскаго имѣется развитіе или дополненіе махаевскихъ идей, мы цитируемъ и его произведенія.

ставитъ ее въ одинъ рядъ со всѣми вообще „буржуазными классами“; тѣсная связующая нить между буржуазіей и интеллигенціей заключается именно въ томъ, „вторичномъ раздѣленіи богатствъ“, о которомъ была рѣчь выше. Разница, конечно, есть: она заключается въ различіи характера средствъ производства; но общимъ остается эксплуататорскій характеръ первичнаго и вторичнаго „раздѣленія богатствъ“ капиталистами и интеллигенціей. Какъ мы уже видѣли, махаевщина доказываетъ, что интеллигенція присваиваетъ себѣ, подъ видомъ вознагражденія за высоко-квалифицированный трудъ, прибавочную стоимость и передаетъ въ формѣ воспитанія и образованія своему потомству; такимъ образомъ „величайшее богатство человѣчества — знаніе, наука — дѣлается наслѣдственной монополіей привилегированнаго меньшинства. *Только члены этого наслѣдственнаго привиллегированнаго меньшинства могутъ быть силой «высшаго качества», всѣ же остальные милліоны владѣютъ наслѣдственной монополіей рабскаго ручного труда*“ (ibid, ч. I, стр. 126; курс. подл.). Ясно поэтому, что интеллигенція есть „классъ“ эксплуататорскій и типично анти-пролетарскій. Но это только съ одной стороны. Съ другой стороны изъ всего вышесказаннаго далеко еще не слѣдуетъ — доказываетъ махаевщина — что интересы интеллигенціи совпадаютъ съ интересами буржуазіи; отнюдь нѣтъ. Крупная буржуазія захватываетъ себѣ львиную долю прибавочной стоимости и удѣляетъ изъ нея только сравнительно незначительную часть интеллигенціи. Поэтому въ капиталистическомъ обществѣ интересы интеллигенціи лежатъ, повидимому, тамъ же гдѣ и интересы пролетаріата; оба эти „класса“, поскольку они являются эксплуатируемыми

крупной буржуазіей, стремятся къ одной и той же цѣли: къ отнятію изъ рукъ буржуазіи національной прибавочной стоимости, къ обобществленію средствъ и орудій производства. Но, по мнѣнію махаевщины, такая общность интересовъ класса интеллигенціи и класса пролетаріата является только кажущейся, такъ какъ интеллигенція есть „классъ“ не только эксплуатируемый буржуазіей, но (и главнымъ образомъ) „классъ“ эксплуататорскій по отношенію къ пролетаріату; поэтому въ дѣйствительности интересы интеллигенціи и пролетаріата не только не совпадаютъ но оказываются діаметрально-противоположными. Обобществленіе средствъ и орудій матеріальнаго производства — это требованіе, характеризующее собою, по мнѣнію махаевщины, весь современный соціализмъ, есть основное требованіе интеллигенціи; но зато обобществленіе средствъ интеллектуальнаго производства, „обобществленіе знаній“ — это требованіе, характеризующее собою махаевщину, есть, по ея мнѣнію, основное требованіе пролетаріата, идущее противъ интересовъ интеллигенціи. Отсюда два любопытныхъ вывода: во-первыхъ *соціализмъ есть «классовый идеалъ» и идеологія интеллигенціи*, а во-вторыхъ *махаевщина есть «классовый идеалъ» и идеологія пролетаріата*.

Соціализмъ есть идеологія интеллигенціи: вотъ еще одно изъ основныхъ положеній махаевщины. „Переходъ средствъ производства въ руки общества безъ нарушенія всѣхъ остальныхъ священныхъ правъ собственности есть соціалистическій идеалъ «умственныхъ рабочихъ», образованнаго общества“ (ibid., ч. II, стр. 74). Этотъ идеалъ выработанъ интеллигенціей и пойдетъ въ пользу этой самой интеллигенціи. „Соціализмъ истекшаго вѣка — гово-

3*

ритъ А. Вольскій—создавался тѣми средними слоями капиталистическаго общества, которые могутъ надѣяться на свое освобожденіе и безъ уничтоженія рабочей неволи, могутъ надѣяться на достиженіе своего господскаго положенія въ буржуазномъ строѣ. Это, преимущественно, образованная часть буржуазіи и, главнымъ образомъ, профессіональная интеллигенція" („Бурж. рев. и раб. дѣло", стр. 36). „Соціализмъ истекшаго столѣтія—повторяетъ А. Вольскій въ другомъ мѣстѣ—оставляетъ неприкосновенными всѣ доходы бѣлоручекъ, какъ, «заработную плату умственнаго рабочаго»..." („Умств. раб.", ч. III, в. II, стр. 3). Интеллигенція стремится къ обобществленію орудій и средствъ производства, ибо негодуетъ „по поводу собственнаго своего превращенія въ наемника кулаковъ" и жаждетъ „скорѣйшаго участія въ пользованіи богатствами, присвоенными горстью плутократовъ" (А. Вольскій, „Банкротство соціализма XIX столѣтія", стр. 28); такимъ образомъ, весь соціализмъ есть не что иное, какъ проявленіе стремленія интеллигенціи перейти отъ вторичнаго къ первичному распредѣленію богатствъ, уничтожить капиталистовъ, „экспропріировать экспропріаторовъ" и самой стать единственной потребительницей „годового національнаго дохода", ибо „экспропріація класса капиталистовъ вовсе еще не означаетъ экспропріаціи всего буржуазнаго общества,—доказываетъ А. Вольскій.—Однимъ упраздненіемъ частныхъ предпринимателей современный рабочій классъ, современные рабы не перестаютъ быть рабами, осужденными на пожизненный ручной трудъ; стало быть не исчезаетъ, а переходитъ въ руки демократическаго государства—общества, создаваемая ими національная прибыль, какъ фондъ

для паразитнаго существованія всѣхъ грабителей, всего буржуазнаго общества. Послѣднее, послѣ упраздненія капиталистовъ, остается такимъ же, какъ и раньше господствующимъ обществомъ, образованнымъ правителемъ, міромъ бѣлоручекъ, остается владѣльцемъ національной прибыли, которая распредѣляется въ видѣ столь же приличныхъ какъ и нынѣ «гонораровъ» умственныхъ рабочихъ"... („Умств. раб.", ч. III, в. II, стр. 3). Въ настоящее время — доказываетъ махаевщина, исходя изъ экономическихъ построеній марксизма—изъ всего общественнаго годового дохода, изъ всей національной прибыли $^2/_3$ потребляетъ „образованное общество", $^1/_6$—рабочіе и $^1/_6$—капиталисты; послѣдняя $^1/_6$ часть и является съ точки зрѣнія интеллигенціи эксплуататорски присвоенной капиталистами прибавочной стоимостью; только за эту часть соціализмъ ведетъ борьбу съ капиталистами, но вовсе не собирается передать въ рабочія руки и тѣ $^2/_3$, которыя потребляются интеллигенціей (А. Вольскій, „Умств. раб.", ч. II, гл. I и III). По отношенію къ пролетаріату „соціализмъ послужилъ ей (интеллигенціи) простымъ средствомъ вовлеченія рабочихъ массъ въ борьбу за тотъ конституціонный и демократическій рай, въ которомъ нынѣ она полноправный хозяинъ" (А. Вольскій, „Банкротство соціализма", стр. 28); и далѣе интеллигенція заманиваетъ пролетаріатъ по пути соціализма, суля ему золотые горы и подмѣняя классовый идеалъ рабочихъ массъ—экспропріацію не только средствъ и орудій производства, но и вообще всего „образованнаго общества"—классовымъ идеаломъ самой интеллигенціи, однимъ только обобществленіемъ. Современный марксизмъ—заявляетъ махаевщина—какъ и всякій соціализмъ вообще „дѣло

освобожденія рабочаго класса, т.-е. *захватъ имъ имущества* господствующихъ классовъ, подмѣняетъ голой перспективой *ассоціаціоннаго способа производства*"...; соціализмъ проповѣдуетъ „утопію достиженія равенства не прямымъ путемъ *нападенія порабощенныхъ на владѣющіе классы* и пріобрѣтенія ими равныхъ имущественныхъ правъ на всю цивилизацію, на все наслѣдіе вѣковъ, а окольнымъ, спеціальнымъ путемъ *преобразованія способа производства* по особымъ кооперативнымъ принципамъ"... (А. Вольскій, „Умств. раб.", ч. III, в. I, стр. 17 и 33; курс. подл.). А потому „соціализмъ есть нѣчто совершенно отличное отъ стремленія самихъ рабочихъ массъ бороться съ ихъ собственной неволей" (А. Вольскій, „Бурж. рев. и раб. дѣло", стр. 36), ибо соціализмъ, какъ идеологія интеллигенціи, ведетъ борьбу только съ первичными присвоителями прибавочной стоимости—капиталистами, но въ то-же время объявляетъ себя защитникомъ современной культуры и цивилизаціи. Соціализмъ, по убѣжденію махаевщины, раскрываетъ только одну сторону соціально-экономической несправедливости и какъ разъ ту сторону, которая является эксплуатирующей по отношенію къ самой интеллигенціи; но зато соціализмъ „прикрываетъ непроницаемымъ щитомъ всѣ остальные способы паразитнаго существованія, всю новую развивающуюся форму грабежа. Все бо́льшая и бо́льшая часть буржуазнаго общества получаетъ фондъ для своего паразитнаго существованія, какъ интеллигенція, какъ армія умственныхъ рабочихъ, невладѣющая лично средствами производства, но безпрерывно увеличивающая и умножающая свои доходы, которые достаются ей, какъ наслѣдственному владѣльцу всѣхъ знаній, культуры и цивилизаціи. Все это паразитное существованіе современнаго образованнаго общества, результатъ вѣкового грабежа, спеціальная новѣйшая (?) форма присвоенія меньшинствомъ всего наслѣдія вѣковъ, грабежъ, обрекающій большинство человѣчества на положеніе низшей необразованной расы рабовъ — этотъ грабежъ старательно заслоненъ щитомъ соціалистическаго ученія, по которому единственные эксплуататоры — владѣльцы фабрикъ и земли, а интеллигенція живетъ собственнымъ трудомъ. Подъ щитомъ соціалистической науки произростаетъ безпрепятственно новѣйшая форма грабежа" (А. Вольскій, „Банкротство соціализма", стр. 28—29).

Въ чемъ же однако вина соціализма, а значитъ и интеллигенціи, идеологіей которой является соціализмъ? Очевидно въ томъ, что онъ не признаетъ „уравненія доходовъ", не признаетъ несправедливости высшей оплаты высоко-квалифицированнаго и просто квалифицированнаго труда. Къ старымъ соціалистическимъ принципамъ распредѣленія, выражаемымъ въ знаменитыхъ формулахъ „à chacun selon ses oeuvres" и „à chacun selon ses besoins" махаевщина относится совершенно отрицательно и взамѣнъ выставляетъ свой махаевскій принципъ: *каждому поровну, независимо отъ качества его труда*; въ этомъ и должно состоять махаевское „уравненіе доходовъ". Отрицаніе подобнаго принципа—а „общественная наука", какъ увидимъ, не можетъ не отрицать его—и является основнымъ смертнымъ грѣхомъ соціализма; отрицаніе равной оплаты неравнаго труда махаевщина отождествляетъ съ эксплуататорскими тенденціями интеллигенціи, а стремленіе послѣдней къ обобществленію средствъ и орудій производства—съ закрѣпленіемъ средствъ

интеллектуальнаго производства за ихъ прежнимъ монопольнымъ владѣльцемъ, т.-е. самой же интеллигенціей. Соціализмъ не желаетъ признать эксплуататорскаго характера средствъ производства, находящихся въ рукахъ интеллигенціи, эксплуататорскаго характера знаній: „по основному марксистскому положенію (знанія есть рабочая сила), интеллигенція *не причастна къ эксплуатаціи*“ (А. Вольскій, „Умств. раб.“, ч. II, стр. 84); махаевщина, какъ мы знаемъ, считаетъ знанія средствами производства, а потому и не устаетъ заявлять, что интеллигенція классъ эксплуататорскій, что интеллигенція и пролетаріатъ поэтому враги, а не союзники, враждебные другъ другу „классы“... *Интеллигенція есть «классъ» эксплуататорскій и враждебный пролетаріату, а значитъ настолько же враждебенъ пролетаріату и соціализмъ, какъ идеологія той же интеллигенціи.* „Соціализмъ есть идеологія пролетаріата“, „интеллигенція борется за народные интересы“—все это только „обманныя формулы“; „народолюбіе“ интеллигенціи—это только маска, которую интеллигенція надѣваетъ передъ рабочими массами. Исторія есть классовая борьба за шкурные интересы; за шкурные же свои интересы борется и интеллигенція, которая не можетъ бороться за „народные интересы“, противоположные ея собственнымъ. „Рабство большинства, обреченнаго до рожденія на пожизненную каторгу ручного труда нужно самому этому (образованному) обществу; не кучкѣ лишь плутократовъ, не горсти капиталистовъ, а всѣмъ привилегированнымъ классамъ, и не только собственникамъ земли, фабрикъ и мастерскихъ, но и владѣльцамъ культуры и цивилизаціи, образованному обществу, арміи умственныхъ рабочихъ“...

(А. Вольскій, „Банкр. соц.“, стр. 27). Гдѣ ужъ тутъ говорить о борьбѣ интеллигенціи за народные интересы! Интересы самой интеллигенціи совершенно противоположны интересамъ рабочихъ массъ уже по одному тому, что интеллигенція является эксплуатирующимъ, а пролетаріатъ — эксплуатируемымъ классомъ; между пчелами-пролетаріями и трутнями-интеллигентами не можетъ быть общности интересовъ, а только безпощадная борьба. А интеллигенція—это поистинѣ трутень, или, по махаевскому выраженію, *паразитъ*, созданный капиталистической культурой, „ибо образованное общество и не является на свѣтъ иначе, какъ въ образѣ привилегированнаго слоя, и первой его общественной «услугой» является потребленіе національной прибыли“ (А. Вольскій, „Умств. раб.“, ч. II, стр. 98). И естественно, что интеллигенція заинтересована въ постоянномъ ростѣ, въ постоянномъ повышеніи уровня этого годового общественнаго дохода: „чѣмъ выше національная прибыль, тѣмъ больше потребительный фондъ привилегированнаго образованнаго общества. Не только капиталисты заинтересованы въ эксплуатаціи пролетарія и размѣрахъ прибыли, но и все образованное общество. Ибо рабочій эксплуатируется не для праздной жизни лишь горсти капиталистовъ, а для паразитнаго существованія всего образованнаго общества, производителей «нематеріальныхъ благъ»“... (ibid., ч. II, стр. 63). И еще, и еще разъ повторяетъ А. Вольскій эти слова объ эксплуататорскомъ характерѣ интеллигенціи, этотъ своего рода лейтъ-мотивъ махаевщины... „Надъ рабочими массами,—повторяетъ онъ,—обреченными на пожизненный ручной трудъ, господствуетъ не только горсть вельможъ, богачей, но весь ученый міръ. Эта



неволя рабочихъ массъ существуетъ въ настоящее время въ той же степени, какъ во всѣ истекшіе вѣка цивилизаціи. Грабежемъ живутъ не только владѣльцы земли и фабрикъ, но и все образованное общество. Паразитную жизнь обезпечиваетъ не только владѣніе капиталомъ, но и владѣніе образованіемъ. Ученый дипломъ даетъ его владѣльцу господскій доходъ не ниже капиталистическаго... Пользуясь грабительскимъ доходомъ, глава интеллигентской семьи воспитываетъ своихъ дѣтей въ такихъ же какъ онъ бѣлоручекъ. Такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе потомкамъ паразитовъ еще до ихъ рожденія предназначено стать мудрецами, учеными, правителями, господами, а потомство рабочихъ осуждено на такое же невѣжество и пожизненное рабство, какое несутъ его отцы“ („Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 114). Такова общественная роль интеллигенціи, и махаевщина употребляетъ всѣ усилія, чтобы вскрыть эту роль передъ пролетаріатомъ, привести его къ познанію истинной сущности интеллигенціи. „По мѣрѣ этого познанія—замѣчаетъ А. Вольскій—передъ пролетаріатомъ будетъ обнаруживаться все болѣе та общественная сила, которая до сихъ поръ самымъ старательнымъ образомъ скрывала свою природу отъ его (пролетаріата) глазъ и отождествляла себя съ нимъ,—*умственный рабочій*. Пролетарій познаетъ, что онъ слишкомъ довѣрчиво отнесся къ этой силѣ, которая нападаетъ вмѣстѣ съ нимъ на капиталъ, но по своимъ соображеніямъ“... („Умств. раб.“, ч. II, стр. 57). Интеллигенція нападаетъ только на капиталъ, но не на привилегію вообще; поэтому задача пролетаріата заключается въ раскрытіи въ интеллигенціи—„*новаго врага пролетаріата и въ призывѣ на борьбу съ нимъ*, «*чтобы покончить*

со всякой привилегіей»“ (ibid., ч. I, стр. 122; курс. подл.). Это и составляетъ задачу махаевщины, которая сама себя называетъ „пролетарскимъ соціализмомъ“... Задача махаевщины—объяснить пролетаріату, что „врагъ пролетарія - интересы интеллигенціи, какъ класса, заключающіеся въ существованіи эксплуатаціи пролетаріата, безъ которой интеллигенція, какъ классъ, немыслима“ (ibid., ч. I, стр. 119); задача махаевщины—выяснить, что соціализмъ и является именно „классовымъ идеаломъ“ интеллигенціи и что поэтому онъ не только не можетъ быть идеологіей пролетаріата, но даже враждебенъ интересамъ послѣдняго...

Но если соціализмъ есть идеологія и классовый идеалъ интеллигенціи, то въ такомъ случаѣ болѣе чѣмъ очевидно, что *махаевщина есть классовый идеалъ и идеологія пролетаріата*; не даромъ же сама махаевщина называетъ себя „пролетарскимъ соціализмомъ“. Итакъ въ махаевщинѣ мы имѣемъ истинно-пролетарскую идеологію, основныя черты которой достаточно ясны изъ всего вышеизложеннаго. Соціализмъ, какъ идеологія интеллигенціи, требуетъ обобществленія средствъ и орудій производства, а требовать бо́льшаго и идти дальше—не въ его интересахъ, какъ доказываетъ махаевщина; махаевщина же, какъ идеологія пролетаріата, идетъ дальше этого: въ интересы пролетаріата входитъ не только обобществленіе орудій матеріальнаго производства, но также (и даже главнымъ образомъ) обобществленіе средствъ производства интеллектуальнаго, „обобществленіе знаній“, при уничтоженіи частной семейной собственности. „Упраздняя наслѣдственную семейную собственность и всѣ частные фонды и средства воспитанія, онъ

(пролетаріатъ) принудитъ употребить конфискованное имущество на организацію общественнаго воспитанія, на «обобществленіе знаній»“ (ibid., ч. II, стр. 74). Ибо, „пока знанія не сдѣлаются владѣніемъ всѣхъ людей, пока всѣ люди не станутъ одинаково образованными, пока существуютъ ограбленныя массы, знающія одинъ ручной трудъ, до тѣхъ поръ существуютъ господа и слуги, господа и рабы“... (А. Вольскій, „Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 34). Обобществленіе знаній будетъ знаменовать собою окончательную гибель классоваго строя, а пріобрѣтеніе знаній въ современномъ обществѣ есть только расширеніе и углубленіе классовыхъ различій: „распространеніе и пріобрѣтеніе знаній въ классовомъ строѣ совсѣмъ не есть распространеніе знаній между людьми вообще. Культура составляетъ исключительную собственность господствующаго общества, благодаря чему оно и господствуетъ. Пріобрѣтеніе и распространеніе знаній капиталистической наукой доводитъ лишь до высшей точки развитія классовое расчлененіе націи, лежащее въ основѣ современнаго господства, на господствующее образованное общество, съ одной стороны, и на обреченное на рабство физическаго труда большинство, съ другой“... (А. Вольскій, „Умств. раб.“, ч. II, стр. 97). И никакое обобществленіе орудій производства не поможетъ этому обреченному на рабство большинству свергнуть съ себя рабское иго: пока рабочіе не добьются „обобществленія знаній“, пока они не вырвутъ „изъ рукъ ученаго міра знаній, пока они остаются такими, какъ въ настоящее время рабочими, знающими только ручной трудъ и воспитанными въ рабовъ, ими всегда будутъ командовать ихъ господа — интеллигенты, бѣлоручки — даже въ со-

ціалъ-демократическомъ государствѣ, даже въ анархической общинѣ“... А до того времени имъ нечего и думать бороться за интеллигентскій соціалистическій идеалъ обобществленія орудій производства, раньше надо добиться умѣнія управлять этими орудіями производства, добиться обобществленія знаній, такъ какъ рабочіе „вѣковымъ грабежемъ лишены не только средствъ производства, но и умѣнія управлять всею современною усовершенствованною промышленностью, ибо еще до рожденія приговорены оставаться невѣжественными, не имѣть никакого понятія о всѣхъ человѣческихъ знаніяхъ, о всѣхъ современныхъ наукахъ. Раньше чѣмъ взять производство въ свои руки, рабочіе должны добиться для себя и для своихъ дѣтей права пріобрѣтать знанія такимъ же путемъ, какъ ихъ пріобрѣтаютъ господа бѣлоручки“... Добиться же такого права, добиться уничтоженія невѣжества рабочихъ массъ, этого результата грабежа производимаго интеллигенціей, можно только уничтоженіемъ этого грабежа, „только захватомъ имущества господскаго общества, захватомъ, который позволитъ пролетарскимъ дѣтямъ воспитываться такъ же, какъ до сихъ поръ воспитываются только буржуазныя дѣти“... Тутъ же намѣчается махаевщиной и тотъ путь, которымъ рабочіе добьются обобществленія знаній, права на образованіе; „такое право рабочіе пріобрѣтутъ тогда, когда подымутъ цѣну за свой трудъ до такой высоты, какую (высоту?) получаютъ бѣлоручки и которая даетъ имъ средства для содержанія своихъ дѣтей во время долгихъ лѣтъ ученія“ (А. Вольскій, „Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 111 и 113).

Итакъ „обобществленіе знаній“ — вотъ что махаевщина выдвигаетъ на первый планъ, вотъ что

должно быть достигнуто рабочими раньше обобществленія капиталовъ; экспропріація интеллигенціи — вотъ цѣль еще болѣе важная, чѣмъ экспропріація капиталистовъ; „обобществленіе знаній“, наряду съ „уравненіемъ доходовъ“ — вотъ два основныхъ пункта махаевщины, тѣсно связанные другъ съ другомъ если и не въ причинномъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ въ отношеніи сопослѣдовательности: сперва уравненіе доходовъ, а послѣ него и благодаря ему — обобществленіе знаній. И то и другое неосуществимо однако, безъ предварительнаго осуществленія уже знакомаго намъ третьяго основного махаевскаго принципа — *уничтоженія института семейной наслѣдственной собственности*, ибо „этотъ то именно институтъ обезпечиваетъ вѣковой грабежъ, обезпечиваетъ только имущему меньшинству и только его потомству владѣніе всѣми богатствами и трудомъ вѣковъ, всѣмъ наслѣдіемъ человѣчества, всею культурой и цивилизаціею. Этотъ именно институтъ осуждаетъ большинство человѣчества рождаться неимущими рабами, обреченными на пожизненный ручной трудъ“ (А. Вольскій, „Умств. раб.“, ч. III, в. II, стр. 3). Когда этотъ институтъ будетъ упраздненъ, то въ махаевскомъ строѣ этимъ будетъ создана возможность для каждаго члена общества «*рождаться равнымъ съ другими владѣльцемъ богатствъ земли и цивилизаціи, пріобрѣтать своимъ рожденіемъ право и матеріальныя средства на одинаковое для всѣхъ проведеніе дѣтства и юности, на равное воспитаніе и образованіе*» (ibid, ч. I, стр. X; курс. подл.). Здѣсь всѣ три основоположенія махаевщины связаны воедино: уничтоженіе частной наслѣдственной собственности приведетъ къ уравненію доходовъ, а знa-

читъ и къ обобществленію знаній; таковы три тѣсно связанныя звена махаевскаго соціализма.

Намъ осталось теперь познакомиться съ тѣми средствами, какими махаевщина думаетъ добиться своей цѣли, съ той тактикой, какою махаевщина предполагаетъ осуществить свою программу; мы коснемся этого только мимоходомъ, такъ какъ „средства“ и „тактика“ относятся не столько къ „махаевщинѣ“, сколько къ „рабочему заговору“, не столько къ внутреннему содержанію, сколько къ внѣшней формѣ. На предыдущихъ страницахъ мы уже встрѣчались мелькомъ съ намѣчаемымъ махаевщиной путемъ достиженія махаевскаго строя: рабочіе тогда добьются обобществленія знаній — слышали мы отъ махаевскаго первоучителя — когда „подымутъ цѣну за свой трудъ до такой высоты, какую (высоту?) получаютъ бѣлоручки“, или наоборотъ, когда сведутъ всѣ высшіе доходы „до того уровня, который (уровень?) будетъ получать въ тотъ моментъ (т.-е. въ моментъ махаевской революціи. И.-Р.) ручной рабочій“ („Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 116), когда уничтожатъ капиталистическую и интеллигентскую эксплуатацію „захватомъ имущества господскаго общества“ (см. выше стр. 45) Но какъ достигнуть этого „захвата“? Какъ поднять заработную плату до уровня гонорара „бѣлоручекъ“?

Отвѣчая на это, махаевщина прежде всего въ корнѣ отрицаетъ всякую политическую борьбу, всякую „политику“, возвращаясь въ этомъ отношеніи къ старому „аполитизму“ народничества начала семидесятыхъ годовъ. „...Строй политической свободы есть лишь строй укрѣпленнаго господства буржуазіи, лишь болѣе прочная тюрьма для рабочихъ массъ“, — категорически заявляетъ А. Вольскій („Умств. раб.“,

ч. I, стр. XVIII), и посвящаетъ развитію этой мысли не мало страницъ въ своихъ произведеніяхъ, особенно въ брошюрѣ „Буржуазная революція и рабочее дѣло", какъ видно и изъ самаго заглавія; историческому обоснованію аполитизма посвящаетъ свою брошюру и г. Е. Лозинскій („Итоги парламентаризма"). Борьба за политическую свободу — доказываетъ махаевщина — есть классовая задача интеллигенціи, ибо только интеллигенція, купно съ буржуазіей, пользуется плодами этой свободы; всякая политическая революція есть поэтому въ широкомъ смыслѣ „буржуазная революція", не приносящая ничего „рабочему дѣлу", кромѣ новой кабалы, новаго рабства. Въ то же время политическая борьба во всѣхъ ея формахъ—будь то парламентаризмъ или революція—есть именно та удочка, на которую интеллигенція ловитъ пролетаріатъ, суля ему отъ политической свободы всевозможныя великія и богатыя милости; но конечно, посулы эти остаются журавлями въ небѣ. „Демократическій идеалъ—заявляетъ А. Вольскій—для достиженія всеобщей свободы выдумываетъ всевозможныя свои изобрѣтенія, какъ подъ видомъ соціалъ-демократизма, такъ и подъ видомъ анархизма. Но преподноситъ ли онъ идеальное демократическое государство, или идеальную самостоятельную мелкую общину, все равно — ни въ одномъ, ни въ другой никакая свобода не наступаетъ еще для того, кто рождается неимущимъ, обреченнымъ на ручной трудъ, кто ничего не знаетъ кромѣ своей рабской ручной работы, которой онъ съ дѣтства занятъ, въ то время, какъ другіе, счастливые, рождаются владѣльцами цивилизаціи, воспитываются въ образованныхъ, въ правителей. И когда въ такомъ идеальномъ обществѣ «средства производства переходятъ въ руки

общества» (а это пока ближайшая цѣль политической борьбы соціализма, И.-Р.), вѣковой грабежъ оказывается совсѣмъ ненарушеннымъ, ибо *управленіе* производствомъ, вся культура и ея плоды остаются въ рукахъ бѣлоручекъ, а у рабочихъ остается все то же старое счастіе быть исполнителями, рабами ученыхъ господъ. Демократическая свобода, все равно—является ли она въ видѣ соціалъ-демократическаго государства или въ видѣ анархистской коммуны — даетъ свободу лишь образованному обществу, владѣльцу цивилизаціи и знаній. Свобода для рабочихъ завоевывается совсѣмъ на другомъ пути"... („Банкр. соц.", стр. 30). Какой этотъ путь—ясно само собою: если блага „буржуазно-интеллигентской" политической борьбы являются для пролетаріата журавлемъ въ небѣ, то очевидно, что синицей въ рукахъ будетъ для него проповѣдуемая махаевщиной „истинно-пролетарская", чисто-экономическая борьба (недаромъ отцомъ махаевщины является русскій марксизмъ стадіи „экономизма"). Политическая свобода еще болѣе закрѣпощаетъ рабочія массы подъ игомъ буржуазіи, — упорно твердитъ махаевщина зады аполитическаго народничества семидесятыхъ годовъ; — оружіемъ рабочаго класса должна быть только экономическая борьба; *всемірная экономическая стачка*—вотъ путь для захвата пролетаріатомъ *политической* власти (такимъ образомъ и „аполитизмъ" въ концѣ концовъ не обходится безъ „политики"...), вотъ идеалъ, къ которому должна стремиться махаевщина, вотъ путь партіи „рабочаго заговора". Махаевщина утверждаетъ, что отнынѣ „рабочему классу предстоитъ новая эпоха борьбы, эпоха *всемірныхъ рабочихъ заговоровъ, диктующихъ, посредствомъ всемірныхъ рабочихъ стачекъ, законы*

государственной власти. Въ этой новой эпохѣ борьбы, ведущейся исключительно за требованія *ручныхъ рабочихъ* (чисто-экономическія требованія), рабочіе... совершатъ *экспропріацію не только капиталистовъ, но и всего образованнаго общества*, всѣхъ потребителей доходовъ, превышающихъ доходъ рабочаго" (А. Вольскій, „Умств. раб.", ч. I, стр. VIII женевскаго изд.; курс. подл.), т.-е. совершатъ обобществленіе не только средствъ матеріальнаго, но и интеллектуальнаго производства, не только орудій, но и знаній, экспропріируютъ не только капиталистовъ, но и интеллигенцію. Конечно, этой цѣли никогда не достигнутъ отдѣльныя экономическія стачки, какъ бы широки и сильны онѣ ни были; необходима организація, способная связать въ одно могучее цѣлое разрозненныя вспышки протеста рабочихъ массъ; такой организацiей можетъ явиться, конечно, только „истинно-пролетарская" партія „рабочаго заговора", исповѣдующая махаевскую идеологію. Эта партія „истинно-пролетарская", ибо анти-интеллигентская; родоначальникъ махаевщины уже давно заявлялъ, что „...организація, служащая реальнымъ интересамъ рабочаго, можетъ быть создана лишь тогда, когда изъ движенія будетъ исключена обуздывающая его сила—интересъ «умственнаго рабочаго», когда пролетарское движеніе будетъ провозглашено не какъ соціалъ-демократическая борьба противъ «горсти капиталистовъ», а какъ борьба съ буржуазнымъ строемъ, *съ господствующимъ образованнымъ обществомъ*"; уже давно махаевскій первоучитель указывалъ, что необходимо созданіе «...*организаціи, которая объединила бы разрозненные взрывы, создала бы планомѣрное массовое движеніе соединенныхъ крупныхъ центровъ за все болѣе возрастающія реальныя*

требованія и претензіи рабочихъ въ условіяхъ ихъ труда» („Умств. раб.", ч. II, стр. 110; курс. подл.). Въ „рабочемъ заговорѣ" мы и должны теперь имѣть такую истинно-пролетарскую партію; въ махаевщинѣ мы и имѣемъ идеологію этой партіи, цѣлью которой является, какъ мы видѣли, *всемірная* экономическая стачка ручныхъ рабочихъ. Поэтому „рабочій заговоръ" долженъ быть партіей вполнѣ космополитической, интернаціональной: „пролетарская революція есть революція въ цивилизованномъ мірѣ. Захватъ власти пролетаріатомъ есть актъ міровой. А стало быть и его сознательное подготовленіе можетъ быть выражено только какъ международное дѣло, котораго никакимъ образомъ не уложишь въ націанальныя рамки... *Міровая организація пролетаріата, его международная конспирація и единодушная акція, какъ одного цѣлаго — вотъ единственный путь къ его господству, къ его революціонной диктатурѣ, организація захвата политической власти*» (ibid., ч. I, стр. 45; курс. подл.). Таковы міровые замыслы новорожденной партіи, замыслы явно окрашенные, какъ видитъ читатель, въ цвѣта бланкизма: революціонная диктатура пролетаріата, организація захвата политической власти, международная конспирація и единодушная акція... все это было бы ново, если бы появилось столѣтіемъ раньше. Однако, махаевщина усиленно подчеркиваетъ свой бланкизмъ, какъ центральную, главную, наиболѣе важную сторону своей тактики; въ этомъ она видитъ свое отличіе отъ всѣхъ остальныхъ соціалистическихъ и анархическихъ партій всего міра. Всѣ эти партіи въ культурныхъ странахъ дѣйствуютъ при свѣтѣ дня, организуютъ массы противъ буржуазіи на глазахъ у этой самой буржуазіи; „развѣ онѣ могутъ быть до того наивными

младенцами,—спрашиваетъ махаевщина,—чтобы готовить на глазахъ у полиціи то рабочее возстаніе, которое должно напасть на имущество буржуазіи и отнять его, ту всеобщую стачку, которая должна какъ громъ свалиться на голову буржуазіи?.. Развѣ не понимаетъ всякій, что возстаніе, поскольку его надо подготовлять, необходимо подготовлять втайнѣ, въ подпольѣ, съ помощью заговора?" (А. Вольскій, „Бурж. рев. и раб. дѣло", стр. 23). „Повидимому, въ области соціализма прошлаго вѣка такъ-таки и не найдешь той дороги, на которой не приходится вступать въ сдѣлки съ существующимъ буржуазнымъ строемъ. Такая дорога лежитъ цѣликомъ и исключительно *въ подпольѣ* современнаго буржуазнаго строя... ...Единственный прямой путь къ низверженію существующаго строя неволи, единственный путь свободный отъ компромиссовъ съ буржуазнымъ закономъ—*подпольный заговоръ, для превращенія вспыхивающихъ столь часто и столь дурно рабочихъ стачекъ въ возстаніе, въ всемірную рабочую революцію*", — говоритъ А. Вольскій въ другомъ мѣстѣ („Умств. раб.", ч. III, в. II, стр. 5—6; курс. подл.), и указываетъ, что этотъ путь „лежитъ цѣликомъ за предѣлами ученія современнаго соціализма", но зато—продолжимъ мы—въ центрѣ ученія современной махаевщины, которая не устаетъ сотни разъ повторять, подчеркивать, варьировать это основоположеніе своей тактики. „Необходимо повсемѣстное возстаніе рабочихъ, всемірная рабочая стачка,—заявляетъ еще и еще разъ А. Вольскій;—необходимо такое возстаніе, которое обезоружило бы всѣ арміи, защищающія вѣковой грабежъ. Необходимъ всемірный заговоръ, всемірная стачка" („Бурж. рев. и раб. дѣло", стр. 19). И махаевщина увѣрена, что

подъ этимъ знаменемъ ей удастся повести за собою народныя массы—и рабочихъ и безработныхъ, и фабричный и сельскій пролетаріатъ; такое экономическое рабочее движеніе, думаетъ махаевщина, „привлекло бы скоро всѣ безъ исключенія слои рабочаго класса. Оно присоединило бы къ себѣ всѣхъ безработныхъ, всѣхъ босяковъ, которыхъ отталкиваютъ соціалисты, ибо уже ради утвержденія и удержанія завоеваній занятыхъ рабочихъ, потребовало бы хлѣба для голодныхъ, обезпеченія ихъ отъ безработицы. Но лишь только такому возстанію рабочихъ удалось бы принудить провинціальныя и столичныя власти создать общественныя работы для безработныхъ, на сторонѣ рабочаго возстанія оказываются тогда всѣ голодные милліоны деревни, для которыхъ получается, наконецъ, возможность жить, а не помирать въ мечтаніяхъ о черномъ передѣлѣ" (ibid., стр. 77—78). Всемірная экономическая стачка, предшествуемая „международной конспираціей" пролетаріата и его „міровой организаціей"—вотъ тотъ путь, на которомъ махаевщина или, вѣрнѣе, „рабочій заговоръ" побѣдитъ буржуазно-интеллигентскій міръ... Мы не намѣрены входить въ подробности этой „міровой организаціи" пролетаріата махаевщиной, ибо, какъ видитъ читатель, это область „подполья", здѣсь передъ нами „секретнѣйшій союзъ"; однако, кое-что можно и отмѣтить, ибо этотъ „секретнѣйшій союзъ" часто проявляетъ себя если и не въ „клубѣ Англійскомъ" (какъ нѣкогда тотъ „секретнѣйшій союзъ", о которомъ Репетиловъ разсказывалъ Чацкому), то по крайней мѣрѣ на страницахъ махаевскаго журнала „Противъ Теченія". Въ одномъ изъ №№ этого журнала г. Е. Лозинскій намѣчаетъ „новый типъ общеклассовой организаціи пролетаріата", которая

заключается въ системѣ „выборныхъ делегатскихъ комитетовъ отъ каждой мастерской, отъ каждой фабрики, отъ каждой болѣе или менѣе значительной группы для руководства экономической борьбой въ области данной мастерской, данной профессіи или даннаго района. Представители отъ комитетовъ, объединенные въ болѣе центральныя организаціи (областныя и общероссійскую [1]) руководятъ болѣе широкими и серьезными выступленіями. Такимъ только путемъ можно создать мощную истинно-классовую организацію пролетаріата для систематической и перманентной экономической борьбы,—организацію, какъ представительницу *рабочей воли*, диктующей классовому строю свои требованія. Такая новая партія или союзъ рабочей (а не «народной») воли имѣлъ бы своей конечной цѣлью освобожденіе пролетаріата изъ путъ классового рабства, т.-е *рабочую волю*" („Противъ Теченія", 1907 г., № 3, стр. 11). Само собой разумѣется, что идеологіей этой „истинно-пролетарской" партіи и является махаевщина; само собой разумѣется, что этой „истинно-пролетарской" партіей и является партія „рабочаго заговора" (которую г. Е. Лозинскому хочется перекрестить въ партію „рабочей воли"). На томъ положеніи, что „истинно-пролетарской" идеологіей является именно махаевщина мы подробно останавливались выше и указывали, что сама махаевщина называетъ себя „пролетарскимъ соціализмомъ"; не менѣе рѣшительно именуетъ махаевщина партію „рабочаго заговора" — истинно-пролетарской партіей;

[1]) А затѣмъ „общеевропейскую" и, наконецъ, „міровую"—какъ ясно изъ знакомыхъ уже намъ категорическихъ утвержденій А. Вольскаго объ интернаціонализмѣ махаевщины... И.-Р.

только этой партіи — вполнѣ прозрачно намекаетъ она – не хватало рабочимъ массамъ для руководительства ими на пути рабочаго движенія. Махаевщина убѣждена, что, существуй она, какъ партія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ — событія въ Россіи могли бы пойти совсѣмъ иначе... Вотъ, напримѣръ, грандіозная экономическая стачка 1903 года, охватившая весь югъ Россіи: „если бы возставшіе рабочіе нашли тогда организацію, способную правдиво выразить ихъ возмущеніе и объединить ихъ въ одномъ общемъ экономическомъ требованіи, рабочее возстаніе залило бы все государство"... (А. Вольскій, „Бурж. рев. и раб. дѣло", стр. 78). Все дѣло, какъ видимъ, въ томъ, что тогда не было еще махаевской организаціи. „Когда рабочія массы дождутся, наконецъ, такой своей партіи, которая не станетъ ихъ толкать въ господскія дѣла,—заявляетъ А. Вольскій въ другомъ мѣстѣ той же брошюры,—кончится безплодная для рабочихъ борьба за свободу въ неволѣ, за политическую свободу бѣлоручекъ. Партія рабочей революціи, партія рабочихъ возстаній не станетъ требовать политической свободы, она будетъ жить въ подпольѣ, какъ подъ абсолютизмомъ, такъ и въ демократіи. Единственными ея требованіями будутъ экономическія требованія, касающіяся ручного труда. Единственнымъ ея дѣломъ будетъ заговоръ съ цѣлью объединенія въ одно всемірное возстаніе массовыхъ рабочихъ стачекъ" (ibid., стр. 115). Теперь рабочія массы дождались, наконецъ, такой своей истинно-рабочей партіи: пришла махаевщина...

V.

Читатель теперь знакомъ съ махаевщиной, „квинтъ-эссенцію“ которой мы попытались дать въ предыдущей главѣ съ возможной полнотой и безпристрастіемъ. Но, конечно, знакомя читателя съ махаевщиной, все предыдущее еще не отвѣтило на поставленный вопросъ — „что же такое, наконецъ, махаевщина?“; напротивъ того, мы теперь только подходимъ къ этому вопросу, къ опредѣленію мѣста махаевщины среди другихъ общественныхъ теченій; отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ дать не только изложеніе, но и критическое освѣщеніе разбираемой системы. Мимоходомъ мы давали такое освѣщеніе въ двухъ-трехъ пунктахъ; теперь же необходимо было бы посмотрѣть на махаевщину „при полномъ бенгальскомъ освѣщеніи“, какъ говорится въ какой-то старой комедіи.

Устраивать махаевщинѣ такое полное бенгальское освѣщеніе, разбирать ее шагъ за шагомъ, детально — трудъ весьма неблагодарный, ибо слишкомъ элементарный: литературные представители махаевщины не блещутъ особливыми познаніями и впадаютъ черезъ два шага въ третій въ такія вольныя и невольныя „ошибки“, что только руками разводишь. Мы ограничимся поэтому разборомъ только основныхъ махаевскихъ положеній, не входя въ детали, но сперва посвятимъ нѣсколько минутъ ознакомленію съ различными „перлами и адамантами“, которыми такъ богата махаевщина; это покажетъ читателю, съ какимъ легковѣснымъ научнымъ и фактическимъ багажемъ г-да махаевцы смѣло пускаются въ путешествіе, какими они пользуются „полемическими пріемами“, какія Аме-

рики открываютъ они на каждомъ шагу, въ какія самопротиворѣчія впадаютъ сплошь и рядомъ, какъ замалчиваютъ или искажаютъ неудобные для нихъ факты... Коснуться всего этого необходимо для характеристики научнаго и этическаго уровня махаевщины.

Начать съ того, что къ фактамъ, махаевщина относится съ вполнѣ гегелевскимъ пренебреженіемъ. Извѣстно, что когда неопровержимо установленные научные факты противорѣчили натурфилософіи Гегеля, то послѣдній съ великолѣпнымъ презрѣніемъ заявлялъ: „тѣмъ хуже для фактовъ“... Махаевщина идетъ по стопамъ Гегеля и совершенно не желаетъ замѣчать противорѣчащіе ея положеніямъ факты. Такъ, напримѣръ, каждому партійному работнику, имѣвшему связи и сношенія съ рабочей массой второй половины девяностыхъ годовъ, извѣстенъ тотъ основной фактъ, что рабочіе *первые* толкнули соціалъ-демократію изъ стадіи экономизма къ началу политической борьбы, точно также какъ и теперь, не во гнѣвъ будь сказано махаевщинѣ, они первые толкаютъ интеллигенцію отъ политической борьбы снова къ экономизму. Махаевщина утверждаетъ, наоборотъ, что интеллигенція первая совратила рабочихъ на путь политики. Тщетно десятки интеллигентовъ будутъ разсказывать вамъ о своей борьбѣ съ политическими тенденціями рабочихъ той эпохи, тщетно они будутъ доказывать эти факты документальными данными: „тѣмъ хуже для фактовъ“ — пренебрежительно отвѣтитъ махаевщина и наменетъ на то, что показанія интеллигентовъ не могутъ считаться достовѣрными, ибо въ этомъ втягиваніи рабочихъ въ политику интеллигенція есть заинтересованная сторона...

Возьмемъ примѣръ изъ другой области, посмотримъ на факты западно-европейской революціи 1848-го года въ изображеніи махаевщины. Вотъ какъ махаевщина характеризуетъ эту революцію. До февраля 1848 г. буржуазіи и интеллигенціи надо было свергнуть плутократическое правительство Луи Филиппа; они, конечно, призвали на помощь пролетаріатъ. Пролетаріатъ возсталъ, республика была добыта, буржуазія и интеллигенція стали господами положенія; „когда два соціалистическихъ депутата, попавшихъ во временное правительство, стали заниматься своими дѣтскими планами, буржуазія, чтобы отвлечь рабочихъ отъ соціалистовъ и перетянуть ихъ на свою сторону, учредила въ Парижѣ, шутки ради (!), національныя мастерскія“... Какъ вамъ нравится такое милое объясненіе факта организаціи общественныхъ работъ въ революцію 1848 г.? Но дальше еще лучше. Вскорѣ эти мастерскія — продолжаетъ А. Вольскій — были закрыты буржуазной палатой народныхъ представителей. Вспыхнула іюньская рабочая революція; но тутъ уже буржуазія и интеллигенція соединились противъ рабочихъ: „рабочіе видѣли, какъ противъ нихъ, точно противъ злѣйшихъ враговъ, выступила не только вся армія, не только несомнѣнная защитница всеобщей свободы — національная гвардія, но и всѣ ихъ вчерашніе союзники—студенчество, интеллигенція“... („Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 42—44). Что это такое: обмолвка? съ размаху сорвавшаяся фраза? полнѣйшее невѣжество? или явная подтасовка? Нѣтъ, это просто полное пренебреженіе къ фактамъ, это возсозданіе исторіи не такой какъ она была, а такой какъ это угодно и удобно махаевщинѣ; по крайней мѣрѣ эту явную ложь А. Вольскій не устаетъ повторять во

всѣхъ своихъ произведеніяхъ. „Какъ іюньскіе повстанцы 48 г. въ Парижѣ, поднявшіе бунтъ противъ республики осудившей ихъ на голодную смерть, такъ и другіе безработные, возстававшіе позже, не могли достигнуть такого счастья, чтобы въ ихъ средѣ очутился хоть одинъ ученый соціалистъ, революціонеръ“,—повторяетъ А. Вольскій въ другомъ мѣстѣ (ibid., стр. 97). И еще: „въ іюньскіе дни его (пролетаріатъ) покинули, какъ неблагодарнаго бунтовщика, даже тѣ, кто такъ недавно пѣлъ ему пѣсенки объ «организаціи труда» и «рабочихъ ассоціаціяхъ»“ („Умств. раб.“, ч. I, стр. 32). И еще, и еще разъ: пролетаріатъ получилъ отъ демократіи „непоколебимый отвѣтъ въ іюньской рѣзнѣ. Отвѣтъ дали не плутократы, не грубые городскіе кулаки и лавочники, а образованное общество, «цвѣтъ» французской націи, аристократія духа. Усмирителями явились недавніе конспираторы, вызвавшіе рабочихъ на борьбу за «торжество свободы». «Горе іюню!» кричала вмѣстѣ съ Кавеньякомъ революціонная соціалистическая интеллигенція, учащаяся молодежь“ („Банкр. соц.“, стр. 27). Итакъ, усмирительницей пролетаріата въ іюньскіе дни 1848 г. явилась не только буржуазія, а и революціонная соціалистическая интеллигенція, студенчество, учащаяся молодежь; такъ говоритъ махаевщина. Конечно, факты говорятъ нѣчто совсѣмъ иное, но—тѣмъ хуже для фактовъ! Вотъ, напримѣръ, Герценъ, бывшій въ Парижѣ „стороннимъ наблюдателемъ“ въ эти страшные дни, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ про тѣ факты, очевидцемъ которыхъ онъ былъ: онъ разсказываетъ, какъ соціалистическая интеллигенція, учащаяся молодежь, студенты вмѣстѣ съ рабочими строили баррикады и умирали на нихъ въ іюньскіе дни 1848

года; десятки очевидцевъ разсказываютъ объ этихъ же фактахъ... Но что до того махаевщинѣ? Ей нужно во что бы то ни стало доказать рознь интеллигенціи и пролетаріата; противорѣчащіе этому положенію факты могутъ говорить что угодно—тѣмъ хуже для фактовъ! Да къ тому же съ ними всегда можно такъ или иначе справиться; можно, напримѣръ, по прежнему намекнуть на то, что вѣдь самъ Герценъ тоже былъ „интеллигентъ", а потому его показанія не заслуживаютъ довѣрія. Это очень удобный пріемъ: въ вопросахъ о достовѣрности историческаго факта интеллигенція отводится въ сторону, какъ заинтересованная сторона, а такъ какъ другого свидѣтеля нѣтъ (вѣдь всѣ книги написаны той же „интеллигенціей"), то махаевщина получаетъ возможность обращаться съ фактами по собственному усмотрѣнію,—желательные факты принимать, а факты нежелательные отвергать или измѣнять ad libitum... Просто и удобно! И мы уже видѣли на двухъ примѣрахъ, какъ примѣняется въ махаевщинѣ подобная система...

Но такихъ примѣровъ у насъ не два, а сколько угодно; отъ перечисленія ихъ всѣхъ мы избавимъ и себя и читателя, а ограничимся только еще двумятремя. Вотъ, напримѣръ, утвержденіе А. Вольскаго, что „въ Россіи раньше, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, возникло бернштейніанство (раньше появленія Бернштейна-реформиста) и раньше чѣмъ вездѣ оно «совершенно» исчезло, превращаясь благополучно въ сплошную ортодоксію" („Банкр. соц.", стр. 16); насколько несомнѣнна первая половина этого утвержденія, настолько же „расходится съ фактами" его вторая половина: слишкомъ общеизвѣстно, что критическое теченіе въ русскомъ марксизмѣ не только

не исчезло, а разрослось шире чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Зачѣмъ же понадобилось А. Вольскому это явное измышленіе, это очевидное искаженіе фактовъ? Причина простая: махаевщина видитъ не то что было, а то что ей хочется видѣть; А. Вольскому хочется доказать, что ортодоксальный марксизмъ и соціалъ-демократизмъ настолько выгодное для русскихъ буржуазно-интеллигентскихъ классовъ міровоззрѣніе, что къ нему мало по малу пришли всѣ—и ортодоксы, и бернштейніанцы и даже... народники! Все это настолько невѣроятно, что мы должны привести длинную цитату изъ подлинныхъ словъ А. Вольскаго: „...только послѣ того,—говоритъ этотъ махаевскій первоучитель,—какъ западно-европейская соціалъ-демократія рѣшительно объявила себя сторонницей законныхъ средствъ, отвергла окончательно планы подготовленія соціальнаго переворота,... только тогда русское буржуазное общество допустило интеллигентовъ въ рабочую среду, для пропаганды соціалъ-демократической классовой борьбы(!). Но чтобы молодые люди не увлекались... ихъ сопровождалъ безпрерывно раздающійся по всей Россіи громкій народническій вой и ругань противъ «грубыхъ матеріалистовъ». Русскіе соціалъ-демократы, какъ ни издѣвались надъ этимъ воемъ, приняли его однако въ соображеніе: они поняли, что общество требуетъ отъ нихъ яснаго отчета въ томъ, до какого именно предѣла они думаютъ играть съ огнемъ, и надежной гарантіи того, что движеніе дальше извѣстнаго предѣла не пойдетъ"... Русскіе марксисты дали обществу такую гарантію въ „Манифестѣ" Русск. Соц.-Дем. Раб. Парт. (1898 г.), послѣ чего исчезъ анти-марксистскій протестъ въ рядахъ этого передового буржуазнаго общества: „зачѣмъ же бороться противъ

такого марксизма и такой классовой борьбы? Горячіе споры прекращаются, страсти укладываются. Успокаивается и Михайловскій и довольно откровенно разглашаетъ тайну всего похода анти-марксистовъ противъ грубаго матеріализма"... („Умств. раб"., ч. I, стр. 86—87). Такъ пишется исторія махаевщиной, такъ „объясняется" расколъ русской интеллигенціи девяностыхъ годовъ, такъ измышляется послѣдующее „примиреніе" и чуть ли не всеобщее сліяніе русскихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ теченій въ марксизмѣ: „вся революціонная интеллигенція сдѣлалась вдругъ соціалъ-демократической" — пишетъ А. Вольскій въ другомъ мѣстѣ („Воззваніе", 1902 г.). Черезъ пять страницъ самъ А. Вольскій понялъ, что все это—претенціозный вздоръ, а если и не понялъ, то по крайней мѣрѣ проговорился, что заставляя всю русскую оппозицію быть марксистской онъ нѣсколько безцеремонно обращался съ фактами: на страницѣ 87-ой, какъ мы видѣли, анти-марксистское теченіе исчезало совершенно, а на страницѣ 91-ой А. Вольскій заставляетъ русскихъ марксистовъ „съ удивленіемъ замѣтить", что революціонныя и анти-марксистскія теченія все растутъ, что самый фактъ существованія марксистовъ „усиливаетъ нелегальную дѣятельность революціонеровъ-антимарксистовъ". Послѣднее, конечно, справедливо; но тогда зачѣмъ же было извращать факты, утверждая что у насъ теперь одна сплошная ортодоксія, что антимарксизмъ исчезъ? И зачѣмъ было строить на этомъ фундаментѣ поистинѣ юмористическое „объясненіе" вражды народничества съ марксизмомъ?

Не ограничиваясь этимъ „объясненіемъ" А. Вольскій переходитъ и къ другому еще болѣе „научному" объясненію причины смѣны народническаго міровоз-

зрѣнія марксистскимъ. На этотъ разъ А. Вольскій желаетъ поступать по строго марксистскому рецепту: онъ желаетъ объяснить смѣну идеологій чисто-экономическими причинами (недаромъ же махаевщина родилась отъ марксизма!). Объясненіе слѣдующее: русская интеллигенція эпохи народничества семидесятыхъ годовъ „клялась, что ни за что не допуститъ господства капиталистовъ въ своей странѣ, что своимъ великодушіемъ повернетъ ходъ исторіи въ Россіи и благославляемую ею русскую сельскую общину преобразуетъ прямо въ настоящее соціалистическое общежитіе"... Оставимъ въ сторонѣ совершенно невѣрное освѣщеніе махаевщиной народничества семидесятыхъ годовъ: оно отнюдь не было оптимистичнымъ, какимъ хочетъ выставить его А. Вольскій, а наоборотъ, характеризовалось прогрессивно-возрастающимъ пессимизмомъ; оставимъ это въ сторонѣ, такъ какъ дальше насъ ждутъ прямо изумительные махаевскіе перлы... Пока русское народничество „клялось" лечь костьми въ борьбѣ противъ капиталистовъ, послѣдніе „накопляли благополучно богатства и значительную долю преподносили образованному обществу. *Богатства эти оказались столь вкусными, что мечтательная русская интеллигенція скоро сочла вздорными затѣи своей юности*"... („Бурж. рев. и раб. дѣло", стр. 38—39; курс. нашъ); тогда народничество уступило свое мѣсто марксизму. Такимъ образомъ, смѣна идеологій „объяснена" строго-научно, чисто экономическими причинами... И если первое „объясненіе" возбуждало къ себѣ вполнѣ юмористическое отношеніе, то второе вызываетъ только легкую тошноту при видѣ такой истинно-махаевской нравственной нечистоплотности. Мы еще увидимъ ниже, что г. Е. Ло-

зинскій въ этомъ отношеніи побилъ рекордъ и далеко опередилъ своего учителя.

Уже по послѣднимъ двумъ примѣрамъ можно вывести заключеніе о степени цѣнности махаевскихъ „объясненій“ тѣхъ или иныхъ соціальныхъ или историческихъ фактовъ; и такія классическія объясненія махаевщина даетъ на каждомъ шагу. Два-три примѣра. Изъ какого факта—спрашиваетъ махаевщина—выводило русское народничество свое основное положеніе о социалистичности русскаго крестьянства? Изъ того факта,—гласитъ махаевскій отвѣтъ,—что „рабовладѣльцу удобно было въ Россіи въ теченіе вѣковъ предоставлять своимъ крѣпостнымъ ихъ рабскій паекъ на общинныхъ началахъ и удерживать такимъ образомъ «первобытные коммунистическіе устои»“... (А. Вольскій, „Умств. раб.“, ч. III, в. I, стр. 18). Вотъ отчего въ Россіи существовала община! Она существовала милостію и волею рабовладѣльцевъ: *такъ какъ* она имъ была выгодна, *то* и существовала... Причинная связь установлена блестяще; жаль только, что А. Вольскій не знаетъ, что русская община создавалась въ эпоху организаціи московскаго великокняжества, т.-е. задолго до появленія рабовладѣльца. . Но, конечно, тѣмъ хуже для фактовъ. Почему однако за эту столь выгодную для рабовладѣльца общину стояло все русское народничество, начиная съ Герцена и Чернышевскаго? У А. Вольскаго есть свое „объясненіе“ и на это: оказывается, что Герценъ и Чернышевскій были поражены и напуганы все тѣмъ же іюньскимъ возстаніемъ рабочихъ въ революцію 1848 г.; вдумываясь въ это событіе, они пришли къ заключенію, что предохранить Россію отъ такого возстанія можетъ только община. „...Чѣмъ глубже, грандіознѣе представлялся имъ предстоящій Россіи общественный

переворотъ, тѣмъ прочнѣе, надежнѣе долженъ быть и тотъ предохранительный клапанъ безопасности, куда можно было бы удалять всѣ разгорѣвшіяся во время соціальной революціи страсти милліоновъ русскихъ рабовъ“... (ibid., стр. 11). Вотъ почему Герценъ и Чернышевскій боролись за общину и противъ „язвы пролетаріатства“! Въ общинѣ они видѣли, оказывается, только клапанъ отъ рабочей революціи! Ихъ страшила, оказывается, не участь тѣхъ милліоновъ крестьянъ, которые должны были „вывариться въ фабричномъ котлѣ“, а участь буржуазно интеллигентскаго общества при неизбѣжно слѣдующемъ за „вываркой“ рабочемъ возстаніи! Вотъ въ чемъ сущность ихъ—да и всего народническаго—народолюбія и правдолюбія: боязнь за собственную шкуру!.. И современные соціалисты-революціонеры являются вѣрными учениками Герцена и Чернышевскаго: соціалъ-революціонная партія — заявляетъ махаевщина — мечтаетъ о томъ, „какъ сдѣлать безопаснымъ для буржуазнаго отечества взрывъ голодающихъ въ Россіи милліоновъ. Она не только деревенскихъ босяковъ не позволитъ оторвать отъ соціалистическаго сокровища—общины; она пошлетъ еще въ деревню и городскихъ безработныхъ, для того чтобы буржуазная собственность въ городахъ не подверглась нападенію со стороны наиболѣе опаснаго для современнаго строя пролетарскаго элемента“... (ibid., стр. 18). Въ другомъ мѣстѣ еще лучше: „соціализація земли по способу соціалистовъ-революціонеровъ передала бы въ руки государства всю землю, которая и сдавалась бы крестьянамъ въ аренду. Громаднѣйшій грабительскій доходъ съ земли раздѣлялся бы между зажиточными арендаторами и всѣмъ господскимъ буржуазнымъ обществомъ, владѣющимъ государствен-

ными доходами“ (А. Вольскій, „Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 50). Читаешь это и диву даешься: какъ это до сихъ поръ вся буржуазія поголовно не состоитъ въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ! Какъ это до сихъ поръ люди сами своего счастія не понимаютъ!

Итакъ, иногда пренебреженіе къ фактамъ, иногда подтасовка фактовъ и чрезвычайно „своеобразное“ (то юмористическое, то вызывающее брезгливость) ихъ толкованіе — вотъ двѣ постоянныя внѣшнія черты махаевщины. Когда же почему-либо нельзя пренебречь фактомъ или трудно перетолковать его — тогда махаевщина можетъ прибѣгнуть и къ замалчиванію неудобныхъ фактовъ, замалчиванію опасныхъ возраженій. Есть два рода замалчиванія: одно замалчиваніе, или, вѣрнѣе, просто молчаніе — отъ пренебреженія; такъ крыловскій слонъ шелъ себѣ впередъ, ничѣмъ не отвѣчая на отчаянный лай моськи, такъ и слонъ-соціализмъ идетъ себѣ впередъ, относясь съ полнымъ пренебреженіемъ (и мы видимъ, что онъ имѣетъ на это право) къ лаю моськи-махаевщины.. Другого рода замалчиваніе — отъ безсилія отвѣтить, отъ той самой „impotentiae intellectualis“, въ которой махаевщина любитъ обвинять всѣхъ своихъ противниковъ, весь соціализмъ, сваливая съ больной головы на здоровую. Особенно отличается въ этомъ г. Е. Лозинскій который находитъ, что всѣ его критики и оппоненты - недоучки, либо явно недобросовѣстные, либо явно невѣжественные люди, которымъ онъ повелительно покрикиваетъ: „zurück also in die Schule!“ (см. его журналъ „Противъ Теченія“). Это становится особенно пикантнымъ, когда познакомишься съ уровнемъ познанія литературныхъ представителей махаевщины,

г-дъ А. Вольскаго и Е. Лозинскаго... Тоже и относительно замалчиванія: г. Е. Лозинскій очень сердитъ на „замалчиваніе“ махаевщины соціализмомъ; онъ убѣжденъ, что это молчаніе происходитъ отъ „интеллектуальнаго безсилія“, отъ невозможности возразить что-либо дѣльное махаевщинѣ; онъ съ торжествомъ подчеркиваетъ, что до сихъ поръ никто не возразилъ ему ничего по существу. Но вотъ частный примѣръ: на книгу г. Е. Лозинскаго „Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“ была довольно обстоятельная рецензія г. Изгоева, затронувшая часть вопросовъ именно „по существу“ (см. „Русская Мысль“, 1907 г. № 4); г. Е. Лозинскій немедленно же отвѣчалъ на эту рецензію (см. „Противъ Теченія“, № 3). Отвѣчая съ излишней подробностью г. Изгоеву на разныя замѣчанія, - и притомъ съ явной подтасовкой, какъ можетъ убѣдиться всякій, внимательно сличившій рецензію и отвѣтъ, — г. Е. Лозинскій совершенно замалчиваетъ центральное возраженіе г. Изгоева, доказывающаго, что критика г. Е. Лозинскимъ (вслѣдъ за А. Вольскимъ) марксовой теоріи общественнаго постояннаго капитала есть перлъ невѣжества, что г. Е. Лозинскій не знаетъ азбуки того вопроса, о которомъ берется разсуждать вслѣдъ за своимъ учителемъ. На все это — ни звука, ни слова въ отвѣтъ... Что же это, какъ не явное testimonium pauperitatis? Другой примѣръ: тотъ же г. Е. Лозинскій упорно замалчиваетъ существованіе цѣлаго ряда теченій среди интеллигенціи, которыя во всеуслышаніе провозглашаютъ urbi et orbi теорію господства интеллигенціи, — чтобы не далеко ходить, упомянемъ о Ренанѣ, о Нитцше, не говоря уже о рядѣ соціологовъ бо́льшей или меньшей величины. Отчего г. Е. Лозинскій ни слова

не говоритъ объ этихъ теченіяхъ? а ужъ ему-ли, кажется, не плыть „противъ теченій“, громко провозглашающихъ господство интеллигенціи и имѣющихъ самое близкое, самое непосредственное отношеніе къ темѣ „критико-соціологическаго опыта“ г. Е. Лозинскаго „Что же такое, наконецъ, интеллигенція“? Здѣсь молчаніе г. Е. Лозинскаго происходитъ не отъ невѣжества, а отъ другой причины: вѣдь на протяженіи всего своего „опыта“ г. Е. Лозинскій употребляетъ геройскія усилія для доказательства того положенія, что интеллигенція всегда дьявольски-хитро и дьявольски-лицемѣрно скрывала свои истинные планы господства и одурачивала всѣхъ и вся, пока не явился онъ, Евгеній Лозинскій, сорвавшій, наконецъ, маску съ Ея Величества интеллигенціи (съ этимъ маніакальнымъ бредомъ мы еще познакомимся ниже). И вдругъ оказывается, что среди „интеллигенціи“ давнымъ давно (начиная съ Платона) были теченія, открыто объявлявшія эту интеллигенцію предназначеннымъ къ господству классомъ; вдругъ оказывается, что еще въ семидесятыхъ годахъ Михайловскій посвятилъ критикѣ этихъ взглядовъ обширную статью въ „Отечественныхъ Запискахъ“!.. Если все это извѣстно г. Е. Лозинскому, то отчего же онъ замалчиваетъ это? Если же неизвѣстно, — то zurück also in die Schule, г. Е. Лозинскій, — если, конечно, еще не поздно... (см. „Противъ Теченія“, № 3, стр. 13).

Иногда бываютъ, впрочемъ, случаи, когда замолчать тотъ или иной фактъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ онъ слишкомъ общеизвѣстенъ; тогда гг. А. Вольскій и Е. Лозинскій прибѣгаютъ къ одному любопытному и истинно-махаевскому по своему глубокомыслію пріему объясненія факта.

Иллюстрируемъ на примѣрѣ. Если соціализмъ еще за полъ-вѣка до махаевщины говорилъ то самое, что теперь повторяетъ она (объ уничтоженіи частной наслѣдственной собственности, соціальномъ уравненіи и т. п.), то, по объясненію махаевщины, соціализмъ проповѣдывалъ это съ цѣлью „дьявольски-хитраго“ обмана рабочихъ массъ; если же соціализмъ высказывалъ положенія, сближающія его съ буржуазіей (бернштейніанство и т. п.), то это значитъ, по махаевщинѣ, что онъ „въ припадкахъ откровенности“ самъ выдавалъ себя головой, „пробалтывался“ о своей сущности... Глубокомысліе достойное Киѳы Мокіевича! Оппортунисты-бернштейніанцы, — съ вполнѣ серьезнымъ видомъ объясняетъ А. Вольскій, — „готовы были разболтать всему міру ту великую тайну, что въ соціалъ-демократическія сказки ни одинъ умный соціалъ-демократъ уже не вѣритъ. Но болѣе предусмотрительная часть партіи, именно ортодоксы, гнѣвно и рѣшительно воспротивились этимъ легкомысленнымъ разоблаченіямъ. Рѣшено было Марксовы сказки и предсказанія, надъ которыми многіе соціалъ-демократы въ душѣ хохочутъ, считать по прежнему безошибочнымъ пролетарскимъ ученіемъ“... („Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр 83; см. также „Банкр. соц.“, стр. 14). И г. Е. Лозинскій повторяетъ за своимъ учителемъ, что „оппортунисты проболтали лишь то, къ чему одинаково стремятся и они и ихъ болѣе осторожные братья“, что эти оппортунисты и ревизіонисты „по глупости-ли, по экспансивности-ли темперамента, или въ увлеченіи межфракціонной борьбой, или еще по какимъ-либо особымъ причинамъ (человѣческая душа вѣдь сложна!) — неосторожно раскрываютъ свои карты, разбалтываютъ, забѣгаютъ, впередъ“... („Что же та-

кое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 63). Предоставляемъ самимъ читателямъ оцѣнить всю глубокомысленность и научность такого „объясненія“. .

Пренебреженіе къ фактамъ, извращеніе и замалчиваніе ихъ — самое сильное оружіе въ махаевскомъ арсеналѣ; нѣкоторымъ объясненіемъ и оправданіемъ этого можетъ служить истинно-махаевское невѣжество. Незнакомство съ основными историческими фактами (іюньское возстаніе), невѣжественныя „объясненія“, незнаніе даже основныхъ фактовъ (про русскую общину), неумѣніе отвѣтить на основныя возраженія — со всѣми этими чертами махаевщины мы уже познакомились выше; здѣсь ограничимся только однимъ, особенно разительнымъ примѣромъ изъ области свѣдѣній махаевщины о русскомъ народничествѣ. Не будемъ ужъ говорить о томъ, что А. Вольскій искренно увѣренъ, что русское народничество выводило свою теорію преобразованія общины въ соціалистическую организацію „прямо изъ... проповѣди Интернаціонала“ (!), прямо „изъ... резолюцій марксистовъ“ (!) („Умств. раб.“, ч. II, стр 78); это еще только цвѣточки, а ягодки насъ ждутъ у г. Е. Лозинскаго. Онъ, вслѣдъ за А. Вольскимъ, усиленно стремится доказать, что русская интеллигенція всюду и всегда (единственное исключеніе — гг. махаевцы) стремилась къ примату національнаго богатства надъ народнымъ благосостояніемъ, къ увеличенію такъ называемой національной прибыли Уже одно это — выдающійся перлъ невѣжества, такъ какъ именно характернѣйшей чертой русскаго народничества являлось признаніе примата народнаго благосостоянія надъ національнымъ богатствомъ, признаніе особенно яркое у Чернышевскаго и развитое впослѣдствіи въ теченіи „кающагося дворянства“; черта эта, харак-

терная только для народничества, послужила впослѣдствіи главнымъ пунктомъ для нападеній марксизма; наконецъ, именно это черта заимствована у народничества и самой махаевщиной, какъ мы это еще отмѣтимъ ниже. Когда г. Е. Лозинскому былъ указанъ (пишущимъ эти строки, см. журн. „Книга“ 1907 г, № 10) такой странный пробѣлъ въ его знаніяхъ, то г. Е. Лозинскій отвѣтилъ буквально слѣдующее: Чернышевскій и народники боролись за пониженіе національной прибыли только на словахъ, для обмана простаковъ, ибо слова только для того и существуютъ, чтобы прикрывать мысли (см. Противъ Теченія“ № 1, стр. 13)... Невѣроятно, но фактъ! именно такова суть отвѣта г. Е. Лозинскаго! И онъ не одинокъ: еще задолго до этого А Вольскій утверждалъ, что въ то время какъ русское народничество на словахъ требовало увеличенія народнаго потребленія, на дѣлѣ оно, какъ оказалось, имѣло въ виду только „увеличеніе собственнаго жалованья“... („Умств. раб.“, ч. I, стр. 124). Опровергнувъ такимъ истинно-махаевскимъ путемъ, вслѣдъ за А. Вольскимъ, тотъ фактъ, что народничество стремилось къ примату народнаго благосостоянія надъ національнымъ богатствомъ, г. Е Лозинскій продолжаетъ: „я только не понимаю, почему г. Ивановъ-Разумникъ сослался на одно только народничество, а не присовокупилъ сюда и всей *марксистской* литературы“... Это уже такой перлъ невѣжества, что остается только руками развести; вотъ ужъ поистинѣ „расписался въ полученіи“!.. Конечно, г. Е. Лозинскому дѣлаетъ честь, что онъ такъ откровенно признается въ своемъ незнаніи и непониманіи; ему можно объяснить, что въ данномъ случаѣ къ народничеству нельзя „присовокупить всю марксистскую литера-

туру“ именно потому, что вся марксистская литература все время вела борьбу съ народническимъ принципомъ примата распредѣленія надъ производствомъ и народнаго благостоянія надъ національнымъ богатствомъ.

Все это — азбука, которой еще не знаетъ махаевщина; удивительно-ли послѣ этого, что, обладая такой научной безграмотностью, махаевщина на каждомъ шагу то противорѣчитъ сама себѣ, то внезапно изобрѣтаетъ порохъ, то вдругъ открываетъ давно открытыя Америки. Такъ, напримѣръ, А. Вольскій, только что установивъ основной махаевскій догматъ о соціализмѣ какъ идеологіи интеллигенціи, вдругъ вопреки самому себѣ категорически заявляетъ, что существованіе русскаго абсолютизма цѣлесообразно и необходимо ради интересовъ всего образованнаго общества, которому самодержавіе прекрасно обезпечиваетъ доходы („Умств. раб.“, ч. II, стр. 74 и 108). Что остается отъ махаевщины послѣ такого утвержденія ея родоначальника! Это не мѣшаетъ, конечно, А. Вольскому въ другомъ мѣстѣ снова и не менѣе категорически заявить, что образованное общество враждебно системѣ абсолютизма („Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 4); быть можетъ, въ какой-нибудь новой своей работѣ онъ еще разъ выскажетъ противоположный взглядъ. Вообще съ этимъ принципомъ — „соціализмъ есть идеологія интеллигенціи“ — у А. Вольскаго дѣла обстоятъ неважно: никакъ ему не удается связать логическіе концы съ концами. По точному смыслу махаевщины соціализмъ есть классовый идеалъ умственныхъ рабочихъ и обратно, классовый идеалъ умственныхъ рабочихъ есть соціализмъ; но вотъ оказывается, что въ Америкѣ цѣлое столѣтіе не было соціализма: какой

отсюда выводъ должна вывести махаевщина со своимъ основнымъ принципомъ? Одинъ изъ двухъ: или за все это время въ Америкѣ не существовало умственныхъ рабочихъ, интеллигенціи, или, если послѣдняя и была на лицо, то еще не осознавшая своего „классоваго идеала“. Но у А. Вольскаго другая логика: „въ Америкѣ — заявляетъ онъ — соціализмъ не появлялся въ теченіе цѣлаго столѣтія потому, что тамъ никогда не существовало абсолютизма“ („Бурж. рев и раб. дѣло“, стр. 37). Такое объясненіе идетъ противъ махаевщины; абсолютизма въ Америкѣ не было, но вѣдь капитализмъ процвѣталъ тамъ какъ нигдѣ; а вѣдь „умственные рабочіе“ и „образованные господа“ выставляютъ свой „классовый идеалъ“ соціализма противъ капиталистическаго грабежа... Да къ тому же, какъ мы только что слышали, „образованные господа“ прекрасно уживаются съ абсолютизмомъ: какимъ же образомъ послѣ этого отсутствіе абсолютизма можетъ вести за собою отсутствіе соціализма? Какъ видимъ, логика А. Вольскаго хромаетъ на обѣ ноги; вотъ ужъ поистинѣ „ich rate dir zuerst Collegium Logicum“...

Однако довольно съ насъ всѣхъ этихъ махаевскихъ перловъ и адамантовъ, хотя мы не исчерпали и десятой доли ихъ; всего не перечислишь. Мы полагаемъ, однако, что и по этому немногому читатель могъ убѣдиться, какой глубокій кладезь учености, иногда доходящей до комизма, представляетъ изъ себя махаевщина.. Научная безграмотность, замалчиваніе и извращеніе фактовъ—вотъ внѣшнія черты махаевщины, которыя могутъ оттолкнуть отъ нея сразу самаго „благожелательнаго читателя“; быть можетъ именно эти причины – и причины вполнѣ уважительныя—заставляли до сихъ поръ критику обхо-

дить махаевщину съ нѣкоторой брезгливостью, а если обстоятельства принуждали наступить въ нее, то по возможности мимоходомъ, безъ особаго углубленія...

VI.

Какъ ни скучно, но необходимо было подчеркнуть тѣ стороны махаевщины, которыя заставляютъ обходить ее сторонкой, необходимо было выяснить ея этическій и научный уровень; необходимо было указать, насколько заслуживаетъ довѣрія махаевское освѣщеніе фактовъ, насколько вѣрно рисуетъ она историческую перспективу. На многихъ примѣрахъ мы удостовѣрились, что извращеніе исторической перспективы — постоянный махаевскій пріемъ; уже одинъ этотъ выводъ избавляетъ насъ отъ необходимости устраивать махаевщинѣ „полное бенгальское освѣщеніе"... Мы убѣдились также, что въ области „объясненія" и „созиданія" махаевщину по бо̀льшей части ждетъ полнѣйшій провалъ, что нельзя претендовать на строительство и путеводительство съ такими истинно-махаевскими пріемами и съ такими познаніями въ области общественной науки (недаромъ же А. Вольскій ее совершенно „отрицаетъ", на подобіе тѣхъ скептическихъ институтокъ, которыя „не вѣрятъ въ географію"...)

Въ нашу цѣль, однако, не входитъ ограничиться такой слишкомъ легкой побѣдой надъ махаевщиной; необходимо критически освѣтить — и этому посвящено послѣдующее изложеніе — основныя положенія махаевщины, ея критику соціализма; конечно, мы будемъ имѣть при этомъ въ виду всѣ уже добытые нами выводы, будемъ надѣвать галоши въ особенно грязныхъ мѣстахъ, но все-таки совершимъ нашъ переходъ черезъ махаевщину, такъ какъ это въ общемъ очень интересное путешествіе. Дѣйствительно, въ махаевщинѣ мы имѣемъ критику соціализма съ точки зрѣнія „истинно-пролетарскаго соціализма", какимъ мнитъ себя махаевщина; поэтому махаевщина имѣетъ значеніе для насъ какъ оселокъ, на которомъ можетъ отточиться соціалистическое міровоззрѣніе, на которомъ могутъ пріобрѣсти достаточную четкость и остроту соціалистическіе взгляды; махаевщина имѣетъ поэтому, съ нашей точки зрѣнія, своего рода „педагогическое" значеніе, будучи той ступенью, которую полезно пройти каждому неофиту соціализма, но которая въ концѣ концовъ „überwinden werden soll". Это съ одной стороны. Съ другой — и это гораздо интереснѣе и важнѣе — махаевщина является послѣдней ступенью марксизма въ соціально-экономическомъ пониманіи интеллигенціи; махаевское рѣшеніе, на нашъ взглядъ, окончательно рѣшаетъ вопросъ о существѣ и строеніи этой соціальной группы. Послѣдній вопросъ — центральный вопросъ махаевщины — намъ особенно интересенъ и мы его коснемся особо и съ наибольшей подробностью; но сперва мы обратимся къ первому, „педагогическому" значенію махаевщины, къ ея критикѣ соціализма. Само собой разумѣется, что, возражая махаевщинѣ, мы не говоримъ отъ лица соціализма; мы даемъ только рядъ замѣчаній и возраженій съ нашей отнюдь не партійно-соціалистической точки зрѣнія на анти-соціалистическія построенія махаевщины, на ея общую концепцію и на ея частныя положенія.

Начнемъ съ мелочей, весьма характерныхъ, однако, для махаевщины — съ категорическаго отрицанія

А. Вольскимъ „общественной науки“. Мы видѣли, что родоначальникъ махаевщины считаетъ общественную науку проявленіемъ классоваго интеллигентскаго надувательства; по словамъ его ученика, „никакихъ научныхъ теорій въ соціологіи и никакихъ методологическихъ пріемовъ г. Вольскій не признаетъ. Вся общественная наука, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ обманная «система господства надъ волей и мыслью массъ»“... („Противъ Теченія“, № 1, стр. 12; см. выше стр. 28); въ этомъ А. Вольскій настолько убѣжденъ, что даже—верхъ безпристрастія! — даже „критико-соціологическій опытъ“ своего послѣдователя относитъ къ той же „обманной системѣ“, что́ вынужденъ съ грустью констатировать самъ г. Е. Лозинскій (ibid.). Это убѣжденіе родоначальника махаевщины вытекаетъ изъ его пониманія роли личности въ исторіи. А. Вольскій началъ съ борьбы противъ марксистскаго фатализма, отвергая то положеніе, что коммунистическій строй наступитъ „съ естественной необходимостью“, „независимо отъ воли людей“ (см. „Банкр. соц.“. стр. 10); но, отрицая марксистскій фатализмъ, А. Вольскій не съумѣлъ привести его къ детерминизму, а покатился по наклонной плоскости къ чистому индетерминизму, къ полному отрицанію соціологіи. Марксизмъ отвергалъ примѣненіе категоріи справедливости къ соціальному процессу, а примѣненіе категоріи причинности доводилъ до фатализма [1]); въ отвѣтъ на это А. Вольскій вывернулъ

[1]) Въ другомъ мѣстѣ мы указали, что основной ошибкой марксизма было въ этомъ случаѣ признаніе того положенія, что „каждое слѣдствіе можетъ быть результатомъ только одного причиннаго ряда“; марксизмъ не обращалъ вниманія на возможность разнопричинности тождественныхъ слѣдствій. См. „Истор. русск. обществ. мысли“, т. II, гл. VI.

марксизмъ на изнанку: онъ примѣняетъ къ соціальному процессу только категорію справедливости и совершенно отвергаетъ приложеніе къ нему категоріи причинности, совершенно отрицаетъ законосообразность этого процесса и его формъ; онъ возмущается тѣмъ, что современный соціализмъ, становясь наукой, призналъ законосообразность формъ общежитія, которыя являются только организаціей рабства и неволи (ibid.). А. Вольскій не видитъ и не понимаетъ, что соціальный процессъ можетъ быть одновременно и прогрессивно растущей организаціей рабства (допустимъ это на минуту) и законосообразнымъ процессомъ; болѣе того, что онъ *не можетъ не быть* таковымъ. Конечно, подходить къ г-дамъ махаевцамъ съ вопросами о томъ, что такое законосообразность, что такое причинность — вполнѣ безнадежное дѣло: по ихъ мнѣнію это область буржуазно-интеллигентской науки, обманной системы господства надъ массами; неудивительно поэтому, что не умѣя и не желая отвѣтить на основные проблемы соціальной науки, А. Вольскій предпочитаетъ совершенно „отрицать“ ее, предпочитаетъ „не вѣрить въ географію“... Отсюда—полный индетерминизмъ А. Вольскаго; онъ не устаетъ повторять на всѣ лады, что „никакихъ независимыхъ отъ воли людей законовъ общечеловѣческаго производства и непререкаемаго историческаго хода вещей“—нѣтъ и быть не можетъ, что никакого „соціалистическаго провидѣнія нѣтъ, никакихъ независящихъ отъ воли людей законовъ развитія общества нѣтъ“... Въ своей борьбѣ противъ детерминистическаго фатализма А. Вольскій повторяетъ только зады стараго народничества съ его противопоставленіемъ „естественнаго хода вещей“ (выраженіе Михайловскаго) гибели милліоновъ

обреченныхъ; и А. Вольскій повторяетъ буквально, что „историческому ходу противостоитъ подавленная жизнь громаднаго большинства человѣческихъ существъ“ и выражаетъ свое возмущеніе противъ „историческаго хода, присуждающаго большинство человѣчества къ рабству“ („Умств. раб.“, ч. Ш, в. II, стр. 8, 16, 17 и др.). Но старое народничество никогда не унижалось до того индетерминизма, въ которомъ его впослѣдствіи обвинялъ марксизмъ, никогда не отрицало категоріи причинности въ ея приложеніи къ соціальному процессу, никогда не утверждало, что „личность все можетъ“ (какъ впослѣдствіи П. Струве обвинялъ Михайловскаго). А. Вольскій дошелъ до этого предѣла. Онъ отрицаетъ какіе бы то ни было „законы развитія человѣческаго общества“, презрительно именуетъ ихъ „философіей“ и пророчески предсказываетъ, что „придетъ время, когда бунтующіяся рабочія массы объявятъ эту философію ученыхъ соціалистовъ о таинственныхъ экономическихъ силахъ господскимъ измышленіемъ“ („Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 81—2); онъ считаетъ исторію „исключительно дѣломъ рукъ человѣческихъ, исключительно результатомъ человѣческой воли“, онъ отказывается прилагать къ ней категорію причинности и тѣмъ самымъ заявляетъ, что „личность все можетъ“... Конечно, ужъ какая тутъ общественная наука если личность все можетъ и если къ соціальному процессу непримѣнима категорія причинности! А если общественная наука — вздоръ и обманъ, то и „общество“—только фикція; нѣтъ никакого единаго общества и единаго человѣчества, а есть только рабы и господа, только двѣ расы человѣческаго рода, „двѣ расы *въ силу законовъ грабежа* несоединимые, на подобіе двухъ жи-

вотныхъ видовъ и вырастающіе *неизбѣжно* въ каждомъ человѣческомъ поколѣніи, въ каждомъ человѣческомъ обществѣ“ („Банкр. соц.“, стр 10; курс. нашъ). Читатель съ изумленіемъ видитъ, что и махаевщина признала вдругъ какіе то „законы“ и какую то „неизбѣжность“; гдѣ же отрицаніе законосообразности общественныхъ формъ и соціальныхъ процессовъ? Или опять здѣсь передъ нами одинъ изъ махаевскихъ перловъ самопротиворѣчія?

Не трудно сообразить, въ какую ошибку впалъ А. Вольскій: это старая ошибка тургеневскаго Пигасова, которую подчеркнулъ еще Рудинъ; искреннимъ убѣжденіемъ Пигасова было отрицаціе всякихъ убѣжденій... Нѣсколько позднѣе Писаревъ и писаревщина упорно проповѣдывали теорію отрицанія всякой теоріи; въ подобное же самоубійственное противорѣчіе впадаетъ и А. Вольскій въ своей системѣ, отрицающей всякую систему... Онъ не видитъ, что всякій рядъ соціально-политическихъ убѣжденій, воззрѣній или взглядовъ „неизбѣжно“ слагается въ систему, которая въ свою очередь является „неизбѣжнымъ“ проявленіемъ „общественной науки“, столь ненавидимой А. Вольскимъ. C'est la fatalité. Чтобы избавиться отъ такой „системы“, А. Вольскій прибѣгаетъ къ полнѣйшей безсистемности, но, разумѣется, и это героическое средство не помогаетъ: хочетъ А. Вольскій или не хочетъ, но его разбросанные клочками безсистемные отрывки слагаются въ одну „махаевщину“, (доказательствомъ чего является вся IV ая глава настоящей работы); на словахъ А. Вольскій можетъ сколько угодно отрицать „общественную науку“, а на дѣлѣ выше лба уши не растутъ даже у А. Вольскаго. Вотъ почему онъ одной рукой разрушаетъ всякіе законы и тео-

рію причинности, а другой рукой выводитъ ясно и четко: „въ силу законовъ“..., „неизбѣжно“...; оказывается, что причинность обязательна даже для махаевщины... И если А. Вольскій, какъ мы слышали выше, не признаетъ „никакихъ научныхъ теорій въ соціологіи и никакихъ методологическихъ пріемовъ“, то такое „непризнаніе“ нисколько не мѣшаетъ ему тутъ же рядомъ пользоваться методологическимъ пріемомъ столь осуждаемаго имъ марксизма и соціализма. Усердно подрывая корни дуба-марксизма, А. Вольскій не видитъ, что махаевскіе желуди росли на этомъ же деревѣ: принципъ классовой борьбы всецѣло заимствованъ махаевщиной у марксизма; правда, махаевщина заявляетъ, что теорія классовой борьбы только ею „продумана до конца“—но вѣдь отъ этого она не перестала быть теоріей и методологическимъ пріемомъ?

Итакъ, вотъ краеугольный камень всей махаевщины: теорія классовой борьбы, которую и А. Вольскій и Е. Лозинскій „продумываютъ до конца“ каждый по своему: А. Вольскій, какъ „отрицающій“ общественную науку—проще и лубочнѣе, а г. Е. Лозинскій, какъ признающій таковую—нѣсколько сложнѣе и съ научными манерами. А. Вольскій продумываетъ до конца такъ: общество—фикція, общественный прогрессъ—обманъ, ибо есть только двѣ расы, два класса людей—рабы и господа, физическіе и умственные рабочіе, между которыми велась, ведется и будетъ вестись „классовая борьба“ не на жизнь, а на смерть. Классъ господъ состоитъ изъ избраннаго наслѣдственнаго меньшинства, которое „призвано пользоваться органомъ *человѣка*“, т.-е. мозгомъ; въ другой классъ, классъ рабовъ, входятъ всѣ остальные милліоны, „которые лишены возможности приводить въ дѣятельность этотъ свой органъ, обречены служить человѣческому обществу только движеніемъ своихъ *животныхъ* органовъ“ („Умств. раб,“, ч. II, стр. 105 — 106). Всякое иное дѣленіе на классы—вздоръ и обманъ; есть только два враждебныхъ другъ другу класса: эксплуататоры и эксплуатируемые. Очевидно поэтому, что въ классъ эксплуататоровъ одновременно войдутъ и фабрикантъ и профессоръ, и капиталистъ и народный учитель; всѣхъ ихъ А. Вольскій объединяетъ общимъ названіемъ: „образованные классы“, „образованные господа“; точно также въ классъ эксплуатируемыхъ, классъ ручныхъ рабочихъ входитъ одинаково и фабричный и сельскій пролетаріатъ, и все „трудовое крестьянство“ (ср. „Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 12). Такъ „продумываетъ до конца“ теорію классовой борьбы А. Вольскій; однако, въ самомъ концѣ онъ упирается въ тупикъ противорѣчія. Именно, онъ заявляетъ сначала, о грабежѣ „ста милліоновъ всероссійскихъ рабовъ—рабочихъ“, имѣя въ виду, что всякій „ручной“ трудъ—рабскій и что крестьянинъ землепашецъ, какъ ручной рабочій, также принадлежитъ къ классу эксплуатируемыхъ; однако, черезъ нѣсколько страницъ А. Вольскій беретъ свои слова обратно и доказываетъ, что „владѣніе землей есть дѣло грабительское, все равно, является ли собственникомъ ея отдѣльный крестьянинъ, большая крестьянская семья или сельская община“; теперь онъ признаетъ эксплуатируемымъ классомъ только фабричный и сельскій пролетаріатъ: деревенская бѣднота, по его мнѣнію, только тогда встанетъ на истинный путь, „когда броситъ разъ навсегда свои надежды на черный передѣлъ, когда обособитъ себя отъ тѣхъ крестьянъ, которые хо-

тятъ укрѣпить и расширить крестьянское землевладѣніе“ (ibid., стр. 49—50; ср. стр. 53, 54 и 77—78). Хорошо. Но вотъ вопросъ: къ какому классу припишетъ теперь А. Вольскій „трудовое крестьянство“? Онъ выбросилъ его изъ класса эксплуатируемыхъ и не можетъ помѣстить въ классъ эксплуатирующихъ, ибо послѣдній, по А. Вольскому, характеризуется умственнымъ трудомъ. Продуманная до конца А. Вольскимъ теорія классовой борьбы расползается тутъ по всѣмъ швамъ; но такое неудачное „продумываніе“ не мѣшаетъ А. Вольскому класть во главу угла своихъ махаевскихъ воззрѣній методологическій пріемъ—принципъ классовой борьбы.

Но тутъ на помощь своему учителю спѣшитъ г. Е. Лозинскій, которому въ свою очередь хочется продумать теорію классовой борьбы до конца. Онъ и продумываетъ. Прежде всего онъ принимаетъ, хотя и не безъ оговорокъ, „общественную науку“ („Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 39—40), заявляя впрочемъ, что „соціалистическая наука“ (т.-е. теорія марксизма) совершенно ненаучна (ibid., стр. 171); затѣмъ онъ явно возстаетъ противъ своего учителя, противъ его дѣленія всего человѣчества на два класса, эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ: „такое раздѣленіе «на два *класса*»— заявляетъ г. Е. Лозинскій—на руку только разнымъ хищническимъ соціальнымъ группамъ“... (ibid., стр. 159). По этой причинѣ г. Е. Лозинскій считаетъ необходимымъ развитіе теоріи общественныхъ классовъ, ея продумываніе до конца; это продумываніе онъ совершаетъ въ рамкахъ той самой соціалистической науки, которую тутъ же признаетъ совершенно ненаучной; онъ безъ дальнихъ разговоровъ принимаетъ основныя положенія марксизма и

этимъ еще разъ показываетъ воочію, что махаевскіе желуди растутъ на марксистскомъ дубѣ. Надо замѣтить при этомъ, что неофиты всегда отличаются способностью быть plus royalistes que le roi, а потому новоявленный марксисто-махаевецъ, еще вчера бывшій противникомъ марксизма, а сегодня уже принявшій его основныя положенія, особенно ревностно продумываетъ до конца теорію классовой борьбы, нисколько не смущаясь тѣмъ, что она его приводитъ въ концѣ концовъ къ абсурду. Въ слѣдующей главѣ мы познакомимъ читателя съ выводами г. Е. Лозинскаго; здѣсь же намъ хотѣлось только указать, что эти желуди выросли на дубѣ марксизма. И самъ г. Е. Лозинскій не можетъ этого скрыть. Онъ заявляетъ, что мѣрило для расчлененія общества на классы необходимо взять изъ области экономическихъ отношеній, ибо эта область „играетъ важнѣйшую и рѣшающую роль въ соціальной жизни“ (ibid., стр. 159—160); онъ говоритъ, что „марксисты учили насъ прилагать къ анализу всякаго общественнаго явленія «матеріалистическій» методъ. Мы принимаемъ этотъ методъ лишь *въ слѣдующей его части*: исторія двигается борьбою экономическихъ интересовъ общественныхъ группъ и классовъ“... („Итоги парламентаризма“, стр. 95—96; курсивъ нашъ: недурная часть, которая вмѣщаетъ въ себя цѣлое!). „Исторія есть классовая борьба,—повторяетъ онъ еще разъ,—взаимная междуусобная война коллективныхъ эгоистическихъ организмовъ. Классовый интересъ есть тотъ рычагъ, который двигаетъ и дѣлаетъ исторію“ („Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 159). „Всемірная исторія—слышимъ мы еще и еще разъ—есть классовая борьба. Въ какія бы идеалистическія формы

она ни облекалась, эта борьба всегда ведется за экономическіе интересы того или иного класса, за право эксплуатаціи или за освобожденіе отъ нея“ („Противъ Теченія“, № 1, стр. 4). Но напитавшись такимъ образомъ до-сыта марксистскими желудями, г. Е. Лозинскій тутъ же подрываетъ корни вскормившаго его дерева, заявляя, что марксизмъ есть классовая идеологія интеллигенціи, геніально-задуманное надувательство. Однимъ словомъ, хотя соціалистическая наука—обманъ и надувательство, но въ ея основоположенія г. Е. Лозинскій вѣруетъ слѣпо.

Догматизмъ основоположеній махаевщины—вотъ первый выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ предыдущаго. Взять на-прокатъ отъ марксизма основныя историко-соціологическія положенія еще не значитъ заложить фундаментъ собственнаго воззрѣнія; однако на заимствованномъ отъ марксизма принципѣ строится вся махаевщина. Поскольку этотъ принципъ принимается махаевщиной на вѣру, постольку и вся махаевщина—типично догматическое вѣроученіе. А. Вольскій неоднократно отмѣчалъ религіозные элементы соціализма, значеніе его какъ вѣрованія: этому посвящена III часть „Умственнаго рабочаго“ (вып. II: „Соціалистическая наука какъ новая религія“) и особенно „Банкротство соціализма XIX столѣтія“; въ этихъ указаніяхъ мало новаго, но зато дѣйствительно есть кое-что вѣрное. Дѣйствительно, по мѣрѣ роста и развитія соціализма, въ отношеніи къ нему массы адептовъ замѣчаются религіозныя, въ широкомъ смыслѣ, ноты; толпа готова „вѣрить“ въ соціализмъ, что́, конечно, болѣе понятно, чѣмъ попытка А. Вольскаго не вѣрить въ географію. По мнѣнію А. Вольскаго, однако, и самый соціализмъ

есть типично-религіозная проповѣдь, „проповѣдь о счастьи, о справедливой жизни, о всеобщемъ равенствѣ будущихъ человѣческихъ поколѣній“... „Соціализмъ есть проповѣдь подобная тѣмъ, какую дарили рабамъ всѣ религіи. Соціализмъ есть религія для рабовъ буржуазнаго строя“ („Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 79—80). Послѣ отмѣченнаго выше догматизма махаевскихъ основоположеній, мы могли бы, слѣдуя примѣру А. Вольскаго, написать цѣлую главу о „Махаевщинѣ, какъ новой религіи“; право, это было бы довольно любопытно, хотя и завело бы насъ далеко въ сторону. Мы предпочитаемъ поэтому свести вопросъ съ религіозной на соціологическую почву и будемъ говорить не о религіи, а объ идеологіи. Если соціализмъ есть религія для рабовъ буржуазнаго строя, если соціализмъ есть идеологія интеллигенціи, то чьей же религіей, чьей идеологіей является махаевщина?

Мы знаемъ, какъ отвѣчаетъ на это махаевщина: она считаетъ себя истинно-пролетарской идеологіей. Мы со своей стороны отвѣчаемъ на этотъ вопросъ нѣсколько иначе: въ своемъ современномъ состояніи *махаевщина есть идеологія только Lumpen-proletariat'a, идеологія чернорабочихъ, идеологія „не-квалифицированныхъ“ рабочихъ, идеологія безработныхъ;* въ такомъ опредѣленіи во всякомъ случаѣ болѣе вѣрнаго, чѣмъ въ махаевскомъ саморекламированіи себя истинно-рабочей идеологіей. Махаевщина питаетъ особенно нѣжныя чувства къ Lumpen-proletariat'у, къ „босякамъ, лобузамъ и хулиганамъ“, по ея выраженію; нѣтъ никакого сомнѣнія, что чувства ея не останутся нераздѣленными и что именно среди Lumpen-proletariat'а махаевщина найдетъ самое широкое распространеніе. Симпатіи „босяковъ, лобу-

зовъ и хулигановъ“ къ махаевщинѣ будутъ при этомъ основываться на демагогическихъ стремленіяхъ махаевщины, а нѣжныя чувства махаевщины къ „босякамъ, лобузамъ и хулиганáмъ“ вытекаютъ непосредственно изъ махаевскихъ основоположеній. Остановимся немного на обоихъ этихъ пунктахъ.

Дѣйствительно, симпатіи махаевщины къ Lumpen-proletariat'у являются неизбѣжными слѣдствіями антипатіи махаевщины съ одной стороны къ „сознательнымъ“ рабочимъ, а съ другой—къ квалифицированному труду. Чѣмъ рабочіе „сознательнѣе“ и „развитѣе“, тѣмъ они обыкновенно являются болѣе и болѣе партійными соціалистическими работниками; эту бóльшую сознательность махаевщина объясняетъ одурачиваніемъ и отуманиваніемъ этихъ развитыхъ рабочихъ интеллигенціей. Болѣе благодарнымъ элементомъ для воспріятія теорій махаевщины является, конечно, группа наименѣе „сознательныхъ“, наиболѣе темныхъ рабочихъ; отсюда и симпатіи къ послѣднимъ со стороны махаевщины. Соціализмъ—негодуетъ А. Вольскій—признаетъ „пролетаріями“ лишь „порядочныхъ, уважающихъ культуру рабочихъ“, а босяка пренебрежительно обзываетъ „люмпенъ, паразитъ“ („Умств. раб.“, ч. III, в. I, стр. 17), организованныя же рабочія массы идутъ за одно съ буржуазіей противъ „босяковъ, лобузовъ, хулигановъ“ („Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 17), между тѣмъ какъ только эти одни безсознательно чувствуютъ въ настоящее время, „сколько лжи въ этой соціалистической болтовнѣ“ (ibid., стр. 9). „И когда образованные слои рабочихъ лѣзутъ въ разставленныя господами сѣти, когда ученые соціалистическіе рабочіе забываютъ о мукахъ голода всѣхъ рабочихъ массъ и защищаютъ господское дѣло, этимъ голоднымъ массамъ не остается ничего другого, какъ при первомъ удобномъ случаѣ побольше истребить, побольше разрушить до тла тѣхъ проклятыхъ богатствъ, которыя вѣчно создаешь, которыя вѣчно господа цѣликомъ отбираютъ не оставляя своимъ безработнымъ рабамъ даже куска чернаго хлѣба“ (ibid., стр. 10). А отсюда уже два шага до апологіи черносотенныхъ погромовъ; и махаевщина храбро дѣлаетъ эти шаги, даетъ цѣлую философію черносотенства и оправдываетъ эти погромы, видя въ нихъ возстаніе Lumpen-proletariat'а противъ ненавистнаго ей класса интеллигенціи. „За время своей освободительной борьбы—съ удовольствіемъ констатируетъ А. Вольскій—россійская интеллигенція убѣдилась, что у нея есть еще одинъ ненавистнѣйшій врагъ; она его называетъ черныо, хулиганами. Ими она думаетъ наполнить всѣ россійскія тюрьмы, послѣ окончательнаго достиженія всеобщей свободы“ (?!)... Интеллигенты и соціалисты рабочіе „гибнутъ уже не отъ царскихъ пуль, а отъ ножа оборваннаго босяка. Прилично одѣтыхъ проповѣдниковъ соціалистическаго идеала, свободы и всеобщаго счастья, бьютъ, жгутъ, рѣжутъ люди въ лохмотьяхъ!..“ Скрытое злорадство этихъ словъ проявляется достаточно ясно; дальше будетъ еще яснѣе. „Интеллигенція по этому поводу, конечно, считаетъ себя великимъ мученикомъ всеобщей свободы,—продолжаетъ А. Вольскій:—всероссійское черносотенство—это невѣжество и покорность вѣковыхъ рабовъ, которые, молъ, ни за что не хотятъ гибели своего рабства даже тогда, когда имъ предлагаютъ свободу... Въ этомъ непоколебимо убѣждена вся русская интеллигенція, всѣ революціонеры, всѣ соціалисты. Избивающіе интеллигентовъ хулиганы, увѣряетъ интеллигенція, это

поголовно оплаченные въ участкахъ изверги, разбойники, ничѣмъ не отличающіеся отъ царскихъ шпіоновъ и полицейскихъ; всѣ побитые ими интеллигенты — невинныя жертвы на алтарѣ свободы“ (ibid., стр. 72—73). Всѣ симпатіи махаевщины—на сторонѣ избивающихъ, а не избиваемыхъ, ибо въ лицѣ интеллигентовъ „черносотенцы бьютъ своихъ господъ, которые, не довольствуясь тѣмъ, что живутъ грабежемъ рабочихъ, пользуются еще самою рабочею борьбою для полнаго укрѣпленія своей паразитной жизни“ (ibid., 74). Оставляемъ безъ комментаріевъ всю эту махаевскую апологію черносотенства и подчеркиваемъ въ ней только симпатіи махаевщины къ Lumpen-proletariat'у и антипатіи къ организованнымъ рабочимъ; изъ послѣдней въ свою очередь вытекаетъ антипатія махаевщины къ представителямъ квалифицированнаго труда. Чернорабочіе характеризуются самой низшей степенью квалифицированности труда и это вызываетъ къ нимъ симпатіи махаевщины. Мы видѣли выше, что, согласно махаевщинѣ, квалифицированность рабочей силы получается путемъ вложенія части прибавочной стоимости въ образованіе; если даже, въ исключительныхъ случаяхъ, роль primi motoris сыграла не прибавочная стоимость, а заработная плата, т.-е. если самъ рабочій за счетъ своихъ „денегъ крови и пота“ достигъ нѣкоторыхъ знаній, дающихъ ему возможность быть рабочей силой высшей мѣновой стоимости,—то даже и въ этомъ случаѣ махаевщина вполнѣ отрицательно относится къ высшей оплатѣ квалифицированнаго труда этого рабочаго, ибо эта высшая оплата приближаетъ его или его потомство къ возможности перехода изъ класса эксплуатируемыхъ въ классъ эксплуатирующихъ, изъ пролета-

ріата въ буржуазію или интеллигенцію. Пусть даже этотъ переходъ и не совершится, но во всякомъ случаѣ — констатируетъ махаевщина — неизбѣжна рознь между владѣльцами болѣе или менѣе квалифицированной силы и остальными, низшими слоями пролетаріата. Всѣ симпатіи махаевщины лежатъ, конечно, на сторонѣ послѣднихъ; соціализмъ же наоборотъ, утверждаетъ махаевщина, всегда стоитъ на сторонѣ высшаго слоя рабочаго класса, а потому и „за все время дѣятельности соціалистовъ въ средѣ рабочихъ устанавливалась и развивалась эта взаимная вражда между лучшеоплачиваемыми рабочими и наименѣе обезпеченными слоями рабочаго населенія, чернорабочими, босяками“ (ibid., стр. 77). Конечно, несмотря на все это махаевщина вовсе не желаетъ ограничивать сферу своего дѣйствія однимъ этимъ низшимъ слоемъ рабочихъ массъ; наоборотъ, она претендуетъ на мѣсто истинно-пролетарской идеологіи и единой истинно-рабочей партіи, она именуетъ себя истинно-пролетарскимъ соціализмомъ (см. выше стр. 43). Послѣ всего изложеннаго, послѣ выясненныхъ симпатій махаевщины къ Lumpen-proletariat'у и къ чернорабочимъ, послѣ выясненной антипатіи ея къ рабочимъ владѣльцамъ квалифицированной силы, мы съ бо́льшимъ основаніемъ можемъ противопоставить махаевскимъ иллюзіямъ и претензіямъ, то положеніе, по которому *махаевщина есть идеологія Lumpen-proletariat'а.*

Но это только одна сторона вопроса, этимъ выяснены только симпатіи махаевщины къ „босякамъ, лобузамъ и хулиганамъ“; спрашивается теперь, можетъ-ли махаевщина надѣяться на взаимность? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію, ибо имѣющіяся въ махаевщинѣ демаго-

гическія тенденціи и анти-культурныя стремленія должны вполнѣ удовлетворять собою всѣ наименѣе „сознательные“ слои рабочей массы, весь Lumpenproletariat, всѣхъ „босяковъ, лобузовъ и хулигановъ“. На этомъ вопросѣ отношенія махаевщины къ культурѣ интересно остановиться хотя бы мимоходомъ, потому что именно въ этомъ вопросѣ выясняется лучше всего психологія махаевщины. Психологія эта въ высокой степени пессимистическая и таковымъ же оказывается отношеніе махаевщины къ цивилизаціи, къ культурѣ, къ прогрессу, къ исторіи; для махаевщины „будущее открывается въ безпросвѣтномъ мракѣ и туманѣ“, а все прошлое было лишь „одной безконечной и безпрерывной цѣпью *насилія и надувательства*“ (Е. Лозинскій, „Итоги парламентаризма“, стр. 3 и 5); ясно поэтому, какъ махаевщина можетъ относиться къ культурѣ и прогрессу. Въ своемъ отношеніи къ культурѣ махаевщина является типично-интеллигентскимъ теченіемъ русской общественной мысли, непосредственно примыкающимъ къ писаревщинѣ и толстовству; хотя г. Е. Лозинскій въ своей книгѣ объ интеллигенціи и замалчиваетъ оба эти теченія русской интеллигентской мысли, но связь между ними и махаевщиной не можетъ не броситься въ глаза: махаевщина въ своемъ отношеніи къ культурѣ и цивилизаціи—это писаревщина и толстовство, одѣтыя въ доспѣхи марксизма. „Культура“ для махаевщины такъ-же малоцѣнна, какъ и для толстовства; какъ и для писаревщины, для махаевщины все заслоняетъ собою вопросъ о „голодныхъ и раздѣтыхъ“. Соціализмъ стремится къ достиженію соціальной справедливости безъ пониженія уровня культуры; мы присоединяемся къ такому стремленію, ибо находимъ, что еще *никѣмъ* (и

махаевщиной въ томъ числѣ) *не доказано, что соціальная справедливость и уровень культуры находятся въ обратно-пропорціональной зависимости другъ отъ друга*. Если намъ докажутъ противное, то мы сдѣлаемся писаревцами, толстовцами, махаевцами и вообще пожертвуемъ культурой въ пользу справедливости; но до тѣхъ поръ мы отрицаемъ постановку вопроса въ видѣ дилеммы: культура или справедливость? Конечно, если бы возможна была только такая постановка вопроса, то отвѣтъ могъ бы быть только одинъ: долой культуру и да воцарится соціальная справедливость! Намъ кажется, что именно такъ ставитъ вопросъ и отвѣчаетъ на него махаевщина въ лицѣ А. Вольскаго, который глубоко убѣжденъ въ томъ, что вся культура—одно сплошное насиліе, что культурное общество „родилось и существуетъ до сихъ поръ для порабощенія людей, что историческій ходъ есть выраженіе воли господствующаго меньшинства“... („Банкр. соц.“, стр. 21; какъ видимъ исторію дѣлаетъ кучка „господъ“). На голову соціализма А. Вольскій обрушиваетъ всѣ свои громы за то, что соціализмъ не раздѣляетъ подобной, устарѣвшей на полсотни лѣтъ, точки зрѣнія и борется не противъ культуры, а противъ вырожденія этой культуры въ буржуазномъ обществѣ, борется не съ самимъ обществомъ, а „*лишь противъ вырожденія этого общества*“ (ibid., стр. 23; курс. подл.); онъ обрушиваетъ на соціализмъ всѣ свои громы, за то, что послѣдній является непримиримымъ противникомъ „*не по отношенію къ современному класовому строю неволи, не по отношенію къ буржуазному строю вообще* (?), *а лишь къ вырождающейся формѣ цивилизованнаго общества*“: за то, что соціализмъ возстаетъ только „противъ «болѣзненныхъ ненормаль-

ностей» современнаго общества, а не противъ цивилизованнаго общества вообще" („Умств. раб.", ч. III, в. II, стр. 6; курс. подл.), между тѣмъ, какъ для голодныхъ массъ первый врагъ—именно это „цивилизованное общество", которое „родилось и растетъ для грабежа, для неволи рабочихъ массъ" („Бурж. рев. и раб. дѣло", стр. 102). Всѣ эти громы А. Вольскаго достаточно ясно показываютъ, что стремленіе соціализма къ соціальному переустройству въ высшей степени ненавистно махаевщинѣ, которая обвиняетъ за это соціализмъ въ постепеновствѣ и въ измѣнѣ былымъ революціоннымъ порывамъ, между тѣмъ какъ махаевщина хотѣла бы смести съ лица земли то „цивилизованное общество", которое соціализмъ желаетъ только „переустроить". Во всемъ этомъ доля истины та, что соціализмъ, дѣйствительно, сталъ эволюціоннымъ по отношенію къ культурѣ, къ прогрессу, оставшись революціоннымъ по отношенію къ „цивилизованному обществу"; махаевщина видитъ въ этомъ измѣну и „надувательство", такъ какъ и прогрессъ для нея—такое же „надувательство" и обманъ: „подъ обманчивой и блестящей мишурой «культурнаго прогресса» умножаются и углубляются съ каждымъ днемъ черты самаго безнадежнаго варварства и скотства во всѣхъ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ" („Противъ Теченія", № 1, стр. 4). Поэтому эволюціонная точка зрѣнія соціализма на культуру и прогрессъ тождественна, по мнѣнію махаевщины, съ примиреніемъ соціализма съ буржуазнымъ „цивилизованнымъ обществомъ". „Кто сдѣлался вѣрующимъ соціалистомъ,—говоритъ А. Вольскій,—кто вмѣстѣ съ соціалистами повѣрилъ, что весь ходъ современнаго общества, что развитіе современнаго строя само по себѣ ведетъ къ освобожденію рабочихъ, къ все-

общему равенству, *тотъ уже не можетъ смотрѣть на современный строй только, какъ на грабежъ*, тотъ начинаетъ цѣнить и любить этотъ грабительскій строй, какъ подготовленіе рабочаго счастья и освобожденія, тотъ уже обязанъ заботиться о развитіи его, тотъ уже будетъ бороться за усовершенствованіе грабительскаго строя и будетъ увѣренъ, что выбралъ ближайшій и единственный путь рабочаго освобожденія" („Бурж. рев. и раб. дѣло", стр. 85; курсивъ нашъ). Какъ видимъ отсюда, для махаевщины современный строй *только* грабежъ; ясно поэтому, какъ она можетъ рѣшать дилемму: культура или справедливость? Для махаевщины это равносильно вопросу: справедливость или грабежъ?—на что двухъ отвѣтовъ быть не можетъ; въ этомъ лежитъ основаніе анти-культурныхъ тенденцій махаевщины, а также и ея демагогическихъ стремленій. Хочетъ или не хочетъ махаевщина, но она является типичной демагогіей, что̀ и должно создать ей взаимную симпатію всѣхъ „босяковъ, лобузовъ и хулигановъ"; по крайней мѣрѣ мы не можемъ объяснить иначе, какъ типичной демагогіей знакомыя намъ заявленія махаевщины, что этимъ „босякамъ, лобузамъ и хулиганамъ" и вообще Lumpen-proletariat'у „*не остается ничего другого, какъ при первомъ удобномъ случаѣ побольше истребить, побольше разрушить до тла тѣхъ проклятыхъ богатствъ, которыя вѣчно создаешь* („босяки, лобузы и хулиганы" создаютъ богатства!), *которыя вѣчно господа цѣликомъ отбираютъ*" (курсивъ нашъ). Это идеалъ не только Lumpen-proletariat'a, но и махаевщины, которая стремится прежде всего *къ захвату* имущества господскихъ классовъ; вопросъ о производствѣ ей глубоко безразличенъ, ее интересуетъ только распредѣленіе богатствъ, въ чемъ

махаевщина еще разъ повторяетъ зады стараго народничества. „Пролетаріатъ, путемъ своей міровой конспираціи и диктатуры, достигнетъ господства надъ государственной машиной не для того, чтобы выводить изъ затрудненія, изъ анархіи и банкротства хозяйственный строй, который не можетъ справиться съ переросшими его тѣсныя имущественныя рамки производительными силами... Онъ будетъ стремиться къ господству надъ властью для того, чтобы *захватить имущество* господствующаго образованнаго общества, имущество ученаго міра“ (А. Вольскій, „Умств. раб.“, ч. II, стр. 55 женевск. изд.; курс. подл.). Дальше—многоточіе, ибо махаевщина совершенно не умѣетъ отвѣтить на проблему производства цѣнностей. „Захватить“-то не трудно, достигнувъ опредѣленной силы; но что будетъ *послѣ* захвата? Какъ организовать тогда производство, какъ устроить общественную жизнь? На эти центральныя проблемы соціализма махаевщина не имѣетъ отвѣта; когда же ее припираютъ къ стѣнѣ этими вопросами, то она, въ лицѣ г. Е. Лозинскаго, отвѣчаетъ, что всѣ эти вопросы очень нескромны и что она, махаевщина, не намѣрена отвѣчать на нихъ: еще бы! этакъ сразу раскрыть предъ волками-интеллигентами всѣ свои карты! („Противъ Теченія“, № 2 стр. 16)... Демагогія проще теоріи и отрицаніе легче созидательства.

Въ чемъ однако тутъ основная ошибка махаевщины? Мы уже отмѣтили ее выше: она заключается въ догматическомъ признаніи обратно-пропорціональной зависимости между „культурой“ и соціальной справедливостью; здѣсь махаевщина слѣпо идетъ по стопамъ не кого другого, какъ критическаго народничества Михайловскаго. Въ другомъ мѣстѣ мы доказывали, что Михайловскій ошибочно и вполнѣ догматически признавалъ обратно-пропорціональную связь между широтой и глубиной человѣческой индивидуальности [1]); идеаломъ Михайловскаго была возможно большая *широта* личности, ведущая къ всеобщему равенству, которое и является проявленіемъ правды-справедливости; этой правдѣ-справедливости Михайловскій жертвовалъ *глубиной* личности, экономически выражаемой въ раздѣленіи труда, а значитъ и въ квалифицированности его, и ведущей къ возвышенію уровня культуры. Какъ видимъ, взгляды махаевщины совершенно тождественны со всѣмъ этимъ; тождественно и отношеніе къ прогрессу. Для Михайловскаго „прогрессъ“ былъ въ сущности регрессомъ, какъ это замѣтилъ еще Лавровъ, ибо человѣчество все время шло отъ широты къ глубинѣ личности, отъ всеобщаго равенства къ раздѣленію труда, въ то время какъ справедливость требуетъ именно всеобщаго равенства. Махаевщина заимствуетъ и это положеніе, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ К. Маркса (эпохи „Святого семейства“), что „всякій прогрессъ духа являлся до сихъ поръ прогрессомъ противъ массы человѣчества“.

„Чтобы дѣйствительно достигнуть классовой позиціи рабочихъ массъ,—пишетъ махаевецъ-переводчикъ „Святого семейства“ К. Маркса, — надо обладать... тѣми положеніями, что до низверженія рабочей неволи «все протекающее историческое развитіе противорѣчитъ великой массѣ человѣчества»“ („Святое семейство“, изд. „Новаго Голоса“; в. II, стр. 46—47); иными словами, историческій процессъ есть регрессъ—такъ повторяетъ махаевщина старо-народническія положенія. Конечно, Михайловскій ни душой ни тѣ-

[1]) См. „Истор. русск. обществ. мысли“, т. II, гл. III.

ломъ не виноватъ въ томъ, что его положенія усвоены теперь махаевщиной; но это не мѣшаетъ махаевщинѣ обосновываться на старой народнической ошибкѣ отрицанія „глубины“ изъ-за „широты“, культуры и прогресса изъ-за справедливости. Махаевщина не понимаетъ возможности синтеза „культуры“ со „справедливостью“, не понимаетъ возможности отношенія соціализма къ капиталистическому обществу—революціоннаго, къ выработанной имъ культурѣ—эволюціоннаго; махаевщина борется только за справедливость, но не за культуру, признаетъ только революціонное отношеніе ко всему окружающему, но не эволюціонное. Махаевщина не понимаетъ того, что признаніе эволюціи не есть еще отрицаніе революціи, что эволюціонная точка зрѣнія не есть еще „постепеновство“; эволюціонное развитіе поэтому непонятно махаевщинѣ — и въ этомъ нельзя не видѣть вліянія на махаевщину того самаго Л. Толстого, котораго А. Вольскій называетъ „лицемѣрнымъ старикомъ“... Махаевщинѣ непонятно, что „постепенность, такъ же какъ и непрерывность, неотъемлемы всякому процессу разумѣнія“ (слова Герцена); въ процессѣ общественнаго развитія она видитъ, вслѣдъ за Л. Толстымъ, только смѣну желѣзныхъ кандаловъ на золотые; постепенность развитія махаевщина отвергаетъ. Но вотъ что любопытно: эту постепенность махаевщина отвергаетъ только для рабочаго класса, но вполнѣ признаетъ ее, напримѣръ, для „класса“ умственныхъ рабочихъ: интеллигенція ведетъ борьбу сперва съ абсолютизмомъ за конституцію, затѣмъ съ конституціонной монархіей за демократическую республику, и наконецъ съ демократической республикой за соціалистическій строй, этотъ „классовый идеалъ“ интеллигенціи... И махаевщина восхищается

„дьявольски-хитрой“ и „дьявольски-умной“ тактикой интеллигенціи, сама же для класса ручныхъ рабочихъ признаетъ лишь единый путь: скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы...

Съ этой махаевской тактикой мы уже знакомы; въ этомъ своемъ скачкѣ махаевщина видитъ свою истинно-революціонную сущность, отдѣляющую ее отъ всѣхъ другихъ соціалистическихъ теченій. Добиваться шагъ за шагомъ человѣческихъ условій жизни рабочихъ массъ; подготовлять и организовать массы; не разбивать лба объ стѣну, но и не удовлетворяться никакими буржуазными уступками; пользоваться каждымъ моментомъ, каждой слабой стороной противника, чтобы попытаться нанести ему ударъ; не ограничивать борьбы никакими предѣлами, хотя-бы и диктуемыми „здравымъ разсудкомъ“: — все это махаевщина считаетъ измѣной и обманомъ со стороны соціализма. Махаевщина хочетъ достигнуть сразу всего; путь ея при этомъ намъ извѣстенъ: „міровая организація пролетаріата, его международная конспирація и единодушная акція“ (см. выше стр. 51). Организація, конспирація и акція: въ махаевщинѣ эти „тріе едино суть“. „Міровая организація“—это, впрочемъ, очень не ново и было нѣкогда воплощено въ идеѣ Интернаціонала; „международная конспирація“—и это взято оттуда же, какъ и „единодушная акція“ всего этого законспирированнаго пролетаріата; зато эта вѣра въ возможность законспирировать весь пролетаріатъ и составляетъ характерную черту махаевщины, ея типичный и доходящій до послѣднихъ логическихъ предѣловъ бланкизмъ. Соціализму душно въ подпольи, онъ спѣшитъ при первой возможности выйти оттуда, такъ какъ горькимъ опытомъ онъ познал, что нѣтъ лучшей почвы для

созданія кружковщины, чѣмъ подполье; а кружковщина—тяжелая болѣзнь, отъ которой партіи чаще всего умираютъ. Но махаевщина не вѣритъ въ географію и думаетъ, что для нея законъ не писанъ: она вполнѣ сознательно и намѣренно хочетъ жить и расти въ подпольи; болѣе того, она хочетъ втянуть въ подполье и весь пролетаріатъ, что настолько же исполнимо, какъ попытка вырастить дубъ въ цвѣточномъ горшкѣ и подъ желѣзнымъ колпакомъ. Какъ интеллигентская партія, махаевщина, конечно, можетъ жить и подпольной жизнью, но она не избѣжитъ при этомъ обычнаго вліянія подполья; даже теперь, когда у насъ всего на всего два махаевца, одинъ изъ нихъ, А. Вольскій, не признаетъ истиннымъ махаевцомъ второго, г. Е. Лозинскаго; что же будетъ дальше? Съ ростомъ кружковщины — а она не можетъ не расти въ подпольи — два махаевца, чего добраго, распадутся на три-четыре „группы“ или „партіи“!.. Будемъ ли мы свидѣтелями существованія такихъ дробныхъ частей махаевщины или нѣтъ, но несомнѣнно одно, что рабочія массы не послѣдуютъ примѣру махаевцевъ. Но если даже и допустить, что махаевщинѣ удастся невозможное и что она достигнетъ „міровой организаціи“ пролетаріата и его „международной конспираціи“, то все же его „единодушная акція“ остается еще болѣе невозможной, даже съ махаевской точки зрѣнія, ибо „акція“ не рождается въ пустомъ пространствѣ, а возникаетъ на почвѣ политической и экономической. Одновременная экономическая забастовка въ Россіи, Англіи и Испаніи невозможна уже по одному тому, что, говоря фигурально, въ Испаніи или Россіи идетъ дождь, когда въ Англіи свѣтитъ солнце; экономическія и политическія условія жизни пролетаріата

этихъ странъ настолько различны (и будутъ таковыми и впредь), что „единодушная акція“ въ нихъ немыслима, несмотря ни на какую „международную конспирацію“. Только для Lumpen-proletariat'а имѣется на лицо равенство условій, такъ что только на него и можетъ разсчитывать махаевщина въ своей „міровой организаціи“ пролетарскихъ массъ; это еще разъ подтверждаетъ то положеніе, что махаевщина есть и можетъ быть идеологіей только Lumpen-proletariat'а. Но кромѣ всего этого, не выдерживаетъ критики и самая точка зрѣнія махаевщины на роль и значеніе кружковъ бланкистскаго типа для перевода экономической стачки въ рабочее возстаніе; эта точка зрѣнія неизбѣжно вытекаетъ изъ махаевской вѣры въ всемогущество личности и въ то, что всемірную исторію можетъ направлять по своему усмотрѣнію кучка людей... Если такъ, то „стоитъ только захотѣть“ (какъ выражается Л. Толстой) — и сразу можно перевести экономическую стачку въ рабочее возстаніе; вся бѣда въ томъ, что соціалисты намѣренно этого не хотятъ! Такъ напримѣръ, громадная стачка 1903 г. на югѣ Россіи могла легко перейти во всероссійское рабочее возстаніе, если бы только тогда тамъ существовала махаевская организація (см. выше стр. 55); соціалистамъ же „провозгласить въ этотъ моментъ возстаніе *не было никакого резона*“ (А. Вольскій, „Умств. раб“., ч. I, стр. XXI; курс. нашъ). Точно только въ „резонѣ“ тутъ дѣло! точно соціалистамъ „стоило только захотѣть“ и провозгласить всеобщее возстаніе, какъ оно тотчасъ разразилось бы! Махаевщина не можетъ понять того, что соціалисты не потому не „провозгласили возстанія“ что имъ „не было резона“ провозглашать („резонъ“-то всегда есть!), а потому

имъ и „не было резона“, что изъ такого „провозглашенія“ все равно ничего бы не вышло. Въ своемъ бланкистскомъ ослѣпленіи махаевщина полагаетъ, что революціи „провозглашаются“ (стоитъ только захотѣть!), что возстанія „дѣлаются“... Невольно вспоминается „испанскій король Фердинандъ VII“, который былъ увѣренъ, что луну дѣлаютъ въ Гамбургѣ...

Нѣтъ, отъ всеобщей экономической стачки до всеобщаго рабочаго возстанія — дистанція громаднаго размѣра, черезъ которую никакой махаевщинѣ не удастся перепрыгнуть; тутъ дѣло не въ „резонѣ“, какъ полагаетъ наивная въ своемъ раціонализмѣ махаевщина, а въ сложномъ рядѣ столь ненавистныхъ ей „объективныхъ условій“, въ экономической структурѣ общества, въ его политическомъ строеніи; махаевщинѣ не поможетъ въ этомъ случаѣ никакое отрицаніе общественной науки, никакое пренебреженіе къ „политикѣ“. Махаевская вѣра въ „конспирацію“, махаевская надежда на подполье — все это только отрыжка того самаго утопизма, въ которомъ махаевщина такъ любитъ обвинять весь соціализмъ огуломъ (см. особенно А. Вольскій, „Умств. раб“., ч. III, в. II); къ этому же утопизму сводится и махаевская ненависть къ „политикѣ“ и противопоставленіе ея „экономикѣ“. Опять-таки это старая пѣсня, возвращающая насъ еще къ эпохѣ бакунизма начала семидесятыхъ годовъ. Махаевщина негодуетъ, что рабочему классу навязываютъ кромѣ экономической борьбы еще и политическую; это навязываніе—злостное втравливаніе пролетаріата интеллигенціей въ борьбу за интересы послѣдней. Соціализмъ утверждаетъ, что при столкновеніи пролетаріата съ капиталистами, послѣднимъ всегда прихо-

дитъ на помощь государственная власть, находящаяся въ рукахъ тѣхъ же капиталистовъ; вслѣдствіе этого всякая чисто-экономическая борьба неизбѣжно и неотвратимо переходитъ въ борьбу политическую. борьба противъ капитала въ борьбу противъ власти. Отсюда тотъ основной выводъ, что къ соціальному можно идти только черезъ политическое, что всякая классовая борьба не можетъ не быть политической. Этотъ выводъ особенно возмущаетъ махаевщину. „Кто приходитъ на помощь капиталистамъ въ видѣ государственной власти? — вопрошаетъ А. Вольскій, и отвѣчаетъ:—... развѣ не вся *совокупность имущихъ* классовъ, въ которой владѣльцы фабрикъ и земли составляютъ лишь часть? развѣ не все стоящее надъ рабами ручного труда общество — *потребитель* взимаемой капиталистами *національной прибыли?* развѣ не все буржуазное общество, для котораго капиталисты лишь уполномоченные, которому капиталистическая эксплуатація рабочихъ создаетъ фондъ для паразитнаго существованія? развѣ не вся выстроенная вѣками *организація владѣльцевъ богатствъ* страны?“ („Банкр. соц.“, стр. 17). Отсюда выводъ: „грабежъ, служащій исходнымъ пунктомъ и основой цивилизованнаго общества, вручая грабителямъ *владѣніе* матерьяльными богатствами и культурой, даетъ имъ тѣмъ же самымъ *власть* надъ ограбленными, власть, организующую *государство*. Уничтоженіе государства есть уничтоженіе вѣкового грабежа“ (ibid., стр. 29; курс. подл.). Вотъ основа махаевскаго аполитизма: всякая „политика“ есть компромиссъ съ государствомъ, которое должно быть радикально уничтожено путемъ чисто-экономической борьбы, переходящей въ рабочее возстаніе; нѣтъ поэтому и не можетъ быть никакого раздѣленія „экономики“ и

„политики“, а есть только единое „рабочее дѣло“ — экспропріація всего „образованнаго общества“. Рабочее дѣло, экспропріація общества — все это прекрасно; но какъ же махаевщина не видитъ, что въ остальномъ она повторяетъ фразы соціализма, nur mit ein bischen anderen Worten? Вѣдь и согласно марксизму, есть только *одна* борьба—классовая; нѣтъ борьбы экономической и борьбы политической, но экономическая борьба есть въ то же время и борьба политическая („всякая классовая борьба есть борьба политическая“—слова К. Маркса. Извиняемся за эти труизмы, но для махаевщины повторить ихъ необходимо). Экономическая борьба „за пятачекъ“ есть въ то же время неизбѣжно и неотвратимо политическая борьба; махаевщина, при всемъ своемъ „экономизмѣ“, неизбѣжно говоритъ, сама того не зная, на политическомъ языкѣ, подобно тому, какъ мольеровскій „bourgeois-gentilhomme“ всю свою жизнь говорилъ прозой, самъ того не подозрѣвая... C'est de la prose, monsieur Jourdain!.. И это наивное невѣдѣніе часто приводитъ махаевщину къ самымъ пикантнымъ положеніямъ; такъ, напримѣръ, отрицая всякую „политику“, махаевщина проповѣдуетъ „всеобщую экономическую стачку“ для достиженія... „диктатуры пролетаріата“! Вотъ ужъ, поистинѣ: гони „политику“ въ дверь—она влетитъ въ окно... Интересно было бы услышать отъ махаевщины, къ какой области относится „диктатура пролетаріата“ — къ экономической или политической? Другой примѣръ: махаевщина предлагаетъ „бороться... за проведеніе въ рамкахъ еще классоваго строя такихъ *законовъ*, которые давали бы реальныя экономическія выгоды пролетаріату“ („Противъ Теченія“, № 3, стр. 11; курс. подл.). Очень хорошо: бороться, такъ бороться; но какъ? путемъ экономической стачки за политическое проведеніе въ жизнь закона? Такимъ путемъ махаевщина, чего добраго, придетъ еще и къ парламентаризму! А пока до этого дѣло еще не дошло, интересно было бы узнать отъ махаевщины, на какой почвѣ строитъ она юридическое понятіе „закона“ — на экономической или политической? Конечно, махаевщина дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ всѣхъ этихъ своихъ противорѣчій и прилагаетъ всѣ свои усилія убѣдить рабочія массы, что „политика“ — обманъ и надувательство, что разныя „свободы“ — для рабочихъ ни къ чему, что всякіе Habeas Corpus Act'ы нужны только интеллигенціи. И это пишется въ самый разгаръ дѣятельности военно-окружныхъ и военно-полевыхъ судовъ, въ періодъ всеобщаго, равнаго, явнаго и массоваго убійства и разстрѣла россійскихъ гражданъ всѣхъ классовъ и всѣхъ сословій!.. И это говорится въ такое время, когда безработица гонитъ рабочаго на безумную, отчаянную „экспропріацію“, въ финалѣ которой виднѣется петля палача!.. Поистинѣ нужна большая... смѣлость, чтобы въ такое время убѣждать рабочаго, что на Западѣ еще хуже, чѣмъ у насъ, или по крайней мѣрѣ tout comme chez nous; поистинѣ нужна большая... отвага, чтобы въ такое время относиться съ высоты махаевскаго величія хотя бы къ Habeas Corpus Act'у, каковы бы ни были его недостатки, каковы бы ни были „язвы буржуазно-демократическаго строя“... Даже для Lumpen-proletariat'а, „классовымъ идеаломъ“ котораго является махаевщина, далеко не безразлично, съ чисто-шкурной точки зрѣнія, жить подъ демократическимъ либо подъ военно-полевымъ режимомъ.

До сихъ поръ мы отвѣчали на первую половину

махаевскихъ воззрѣній, которая объединяется утвержденіемъ, что махаевщина есть истинно-пролетарская идеологія; мы видѣли, къ какой болѣе скромной формулѣ можно свести это утвержденіе. Теперь обратимся ко второй половинѣ махаевщины, къ ея утвержденію, что соціализмъ есть идеологія интеллигенціи, что обобществленіе средствъ и орудій производства, есть классовый идеалъ умственныхъ рабочихъ. Интересно отмѣтить для начала, что махаевщина вполнѣ и безусловно принимаетъ этотъ идеалъ, суммируя его съ другимъ стариннымъ соціалистическимъ идеаломъ — „обобществленіемъ знаній“, по выраженію махаевщины; это тѣмъ интереснѣе, что самъ А. Вольскій иронизируетъ надъ соціализмомъ, высмѣиваетъ его за то, что „путемъ простого сложенія двухъ завѣдомо недостаточныхъ и негодныхъ истинъ (обобществленія и демократизма, И.-Р.) современный соціализмъ стремится обезпечить за собой свою абсолютную безошибочность“ („Банкр. соц.“, стр. 26). А. Вольскій не замѣчаетъ, что эту басню онъ разсказываетъ о самомъ себѣ, ибо махаевщина именно есть простое сложеніе двухъ завѣдомо недостаточныхъ и негодныхъ, по мнѣнію махаевщины, истинъ современнаго соціализма! А. Вольскій утверждаетъ, что „соціалистическая панацея недостаточна“, что соціализмъ можетъ совершить только часть дѣла (ibid., стр. 25), а потому онъ беретъ въ свою махаевщину весь соціализмъ (обобществленіе) и дополняетъ его по своему разумѣнію. Любопытная картина: „классовый идеалъ“ эксплуататорской интеллигенціи цѣликомъ входитъ въ „классовый идеалъ“ эксплуатируемаго пролетаріата! „Сіе необъяснимо и неизъяснимо“, какъ и очень многое въ махаевщинѣ, какъ, напримѣръ, и тотъ фактъ, что „классоваго

идеала“ интеллигенціи не исповѣдуетъ значительная часть этого „класса“. Вѣдь соціализмъ есть идеологія умственныхъ рабочихъ, „классовый идеалъ“ интеллигенціи? И вѣдь только наивные, близорукіе или недогадливые интеллигенты не дошли до столь выгоднаго имъ „классоваго идеала“, до соціализма? Ну, а тѣ которые дошли, вѣроятно, уже крѣпко сидятъ въ твердынѣ своей „классовой идеологіи“? (за исключеніемъ, конечно, гг. махаевцевъ, которые преодолѣли соціализмъ...). Но, если такъ, то какая муха укусила марксистовъ, измѣняющихъ своей ортодоксіи? Какъ объяснить переходъ такихъ типичныхъ „интеллигентовъ“ какъ гг. Струве, Булгаковъ, Бердяевъ и др. „отъ марксизма къ идеализму“? Для махаевщины „сіе неизъяснимо и необъяснимо“...

Но все это только мимоходомъ; гораздо интереснѣе остановиться на махаевскихъ доказательствахъ эксплуататорскаго характера какъ самой интеллигенціи, такъ и исповѣдуемаго ею „классоваго идеала“ — соціализма. Мы знакомы съ этими доказательствами: общественный годовой доходъ, согласно махаевской схемѣ, дѣлится на три неравныя части, изъ которыхъ первую — $^1/_6$ часть годового дохода — потребляютъ капиталисты, вторую — тоже $^1/_6$ часть — рабочіе, и третью — $^2/_3$ годового общественнаго дохода — интеллигенція. Конечно, это только условная схема, выводимая махаевщиной по марксистскому образцу въ томъ предположеніи, что норма эксплуатаціи равна 100%, а отношеніе перемѣннаго капитала къ постоянному во всемъ общественномъ производствѣ равно $^1/_4$; но съ этой схемой махаевщина оперируетъ безъ всякихъ оговорокъ и увѣренно заявляетъ, напримѣръ, что цѣлыя $^2/_3$ годового общественнаго дохода потребляются интеллигенціей. Въ

этомъ потребленіи и выражается эксплуататорское значеніе интеллигенціи; а тотъ фактъ, что соціализмъ собирается передать пролетаріату только $^1/_6$ часть общественнаго годового дохода, присвояемую теперь капиталистами, доказываетъ эксплуататорскій характеръ соціализма, какъ классоваго идеала интеллигенціи (см. выше стр. 37). Въ этой махаевской схемѣ коренится цѣлый рядъ противорѣчій, которыя махаевщина тщательно замалчиваетъ. Начать съ того, что капиталисты, по махаевскимъ же теоріямъ, должны получать не $^1/_6$, а $^5/_6$ годового общественнаго дохода, ибо интеллигенція, какъ мы видѣли, получаетъ свои $^2/_3$ годового дохода путемъ вторичнаго раздѣленія ихъ, отъ капиталистовъ же. Но если мы даже и согласимся съ махаевской схемой, то нисколько не избавимся отъ затрудненій. Дѣйствительно, интеллигенція борется съ буржуазіей за идеалъ соціализма по той причинѣ, — слышали мы отъ махаевщины, — что капиталисты захватываютъ себѣ львиную долю прибавочной стоимости и удѣляютъ изъ нея только малую долю интеллигенціи. Какъ же такъ? Вѣдь только-что махаевщина утверждала, что изъ всего общественнаго дохода, подлежащаго изъ года въ годъ раздѣлу, рабочіе получаютъ $^1/_6$ часть, капиталисты тоже $^1/_6$, а интеллигенція — остальныя $^2/_3$... Если даже принять, что капиталисты получаютъ $^5/_6$ годового дохода, то и въ такомъ случаѣ они, какъ оказывается, львиную долю — цѣлыхъ $^2/_3$ годового общественнаго дохода или цѣлыхъ $^4/_5$ своего годового дохода — отдаютъ интеллигенціи! Бѣдные капиталисты, какъ ихъ эксплуатируетъ интеллигенція! [1])

[1]) Интересно сопоставить съ этими махаевскими вычисленіями дѣйствительныя данныя: въ Россіи, по приблизительному разсчету, 100.000 капиталистовъ съ ежегоднымъ доходомъ около 885 милліоновъ рублей, и около 300.000 „умственныхъ рабочихъ“ съ ежегоднымъ доходомъ въ 600 милліоновъ рублей. Иначе говоря, „умственныхъ рабочихъ“ *втрое* больше, чѣмъ капиталистовъ, но годовой доходъ послѣднихъ *въ полтора раза* больше; это значитъ, что если махаевщина желаетъ привести свою схему къ дѣйствительности, оставляя норму эксплуатаціи=100% и считая по прежнему постоянный капиталъ въ общественномъ производствѣ вчетверо больше перемѣннаго, то она должна выразить свою схему слѣдующей формулой: $^1/_4 + ^3/_8 + ^3/_8 = 1$. Это будетъ значить, что $^3/_8$ годового общественнаго дохода потребляютъ капиталисты, $^3/_8$ — рабочіе и $^1/_4$ — интеллигенція... Конечно, цѣнность самой схемы, въ ея махаевскомъ пониманіи, отъ этого нисколько не увеличится.

Но оставимъ въ сторонѣ и это обстоятельство; обратимъ вниманіе на то махаевское утвержденіе, что борьба интеллигенціи за соціализмъ есть борьба за „экспропріацію капиталистовъ“; въ такомъ случаѣ совершенно непонятно, чего ради борется интеллигенція за свой „классовый идеалъ“ соціализма, чего ради затрачиваетъ она свои силы на „дьявольски-хитрыя“ и „дьявольски-умныя“ комбинаціи и махинаціи: вѣдь, экспропріировавъ капиталистовъ, интеллигенція передастъ прибавочную стоимость, т. е. $^1/_6$ часть годового дохода, присвояемую прежде капиталистами — пролетаріату; такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ самъ А. Вольскій („Умственный Раб.“, ч. II, стр. 18). Слѣдовательно, при соціалистическомъ строѣ пролетаріатъ будетъ потреблять вдвое больше ($^1/_6 + {}^1/_6$), его заработная плата удвоится; интеллигенція же останется по прежнему при своихъ $^2/_3$ грабительскаго дохода! И изъ за такого результата интеллигенціи надо придумывать дьявольски-хитрые планы, геніальныя комбинаціи!.. Итакъ, при соціализмѣ, какъ только-что доказала махаевщина, годовой доходъ пролетаріата удвоится, въ то время какъ интелли-

генція останется при совершенно прежнемъ годовомъ доходѣ; слѣдовательно — умозаключаемъ мы за махаевщину — соціализмъ есть классовый идеалъ именно... пролетаріата! И такимъ образомъ махаевщина сама себя опровергла самымъ блестящимъ образомъ... не въ первый, впрочемъ, и не въ послѣдній разъ.

Но мы могли бы и не утруждать вниманія читателей всѣми этими „вычисленіями“, такъ какъ самая махаевская схема представляетъ изъ себя сплошной махаевскій перлъ. Какъ читатель можетъ убѣдиться, обратившись къ книгѣ А. Вольскаго, $^2/_3$ годового общественнаго дохода, которыя онъ считаетъ потребляемыми интеллигенціей („образованнымъ обществомъ“), суть не предметы потребленія, а *средства производства*, стоимость которыхъ входитъ въ валовую стоимость годового товарнаго продукта. Согласно схемѣ К. Маркса, двѣ трети этой валовой стоимости перешли къ намъ отъ предыдущаго года, являясь въ данное время скрытой въ орудіяхъ производства потенціальной энергіей, которая, при приложеніи къ ней „живого труда“, не только возсоздастъ стоимость прошедшаго „мертваго труда“ (двѣ трети), но и создастъ новую стоимость, новые предметы потребленія (одну треть). (Вотъ эти-то двѣ трети махаевщина и считаетъ *потребляемыми интеллигенціей!*). Вся изложенная выше теорія К. Маркса, по мнѣнію махаевщины, есть только „вульгарно-классовое надувательство“, „наглая софистика“; махаевщина категорически отвергаетъ марксовскую теорію двойственнаго характера труда, ибо не понимаетъ возможности полученія стоимости въ единицу отъ приложенія „живого труда“ въ треть единицы; махаевщина видитъ въ этомъ творчество изъ ничего. „Согласно Марксовой доктринѣ, «прошлый трудъ» обладаетъ таинственнымъ свойствомъ, благодаря которому онъ, когда его «охватитъ пламя живого труда», переноситъ на продуктъ этого труда всю свою кристализированную въ немъ стоимость, — иронизируетъ надъ Марксомъ А. Вольскій: —...развѣ это не чудо?“ („Умств. Раб.“, ч. II, стр. 14). И съ такими аргументами махаевщина идетъ противъ Маркса, на такомъ фундаментѣ она строитъ свои схемы, заставляя интеллигенцію быть потребительницей двухъ третей общественнаго годового дохода, существующихъ въ видѣ средствъ производства! Неужели же А. Вольскому не пришло въ голову, что съ такими своими аргументами онъ идетъ не только противъ экономическихъ теорій Маркса, но и противъ... законовъ физики? Дѣйствительно, вѣдь съ точки зрѣнія махаевщины потенціальная энергія есть нѣчто въ высшей степени таинственное: легкій толчокъ, сообщенный мною камню, поднятому на высоту, можетъ быть причиной громадной механической работы — развѣ это не чудо? Нѣтъ, не чудо, г. Вольскій, ибо и въ физикѣ „прошлый трудъ“ (поднятіе камня на высоту) обладаетъ отнюдь не таинственнымъ свойствомъ, благодаря которому онъ, когда его „охватитъ пламя живого труда“ (толчокъ, сообщенный мною камню), переноситъ на продуктъ этого труда (механическая работа и ея результаты) всю свою кристализированную въ немъ стоимость (потенціальную энергію)... Прежде чѣмъ возражать Марксу, не мѣшало бы слегка просмотрѣть хотя бы курсъ элементарной физики...

Такъ неудачно сражается махаевщина съ несправедливымъ распредѣленіемъ годового общественнаго дохода; не болѣе удачны и ея выступленія противъ

несправедливости частной наслѣдственной собственности и противъ несправедливости высшей оплаты квалифицированнаго труда—противъ двухъ высшихъ, по мнѣнію махаевщины, соціальныхъ несправедливостей. Основное требованіе махаевщины, какъ мы знаемъ, это — „уравненіе доходовъ“, одинаковая оплата всякаго, и квалифицированнаго и неквалифицированнаго труда. Соціальная справедливость будетъ удовлетворена, — слышали мы отъ А. Вольскаго,—когда рабочіе „подымутъ цѣну за свой трудъ до такой высоты, какую получаютъ бѣлоручки“, или когда сведутъ всѣ высшіе доходы „до того уровня, который будетъ получать въ тотъ моментъ (моментъ махаевской революціи) ручной рабочій“ (см. выше, стр. 47); первое, конечно, немыслимо, а возможно только второе. Махаевщина считаетъ высшей справедливостью такое уравненіе доходовъ; она полагаетъ, что современное высшее вознагражденіе квалифицированнаго, а особенно высоко-квалифицированнаго умственнаго труда является основной язвой классоваго строя; она тщательно раздѣляетъ въ своей теоріи трудъ физическій (ручной) отъ умственнаго, считая первый рабскимъ, а второй—господскимъ и глубоко сочувствуя престарѣлому ученію допотопной политической экономіи о томъ, что единственный „производительный“ трудъ есть трудъ физическій, ручной; несправедливость въ томъ, что этотъ трудъ есть въ то-же время и рабскій. Ужасъ рабочей неволи не въ томъ, что рабочіе нанимаются, *продаютъ* свой трудъ,—говоритъ махаевщина: — „сущность рабочей неволи заключается въ томъ, что они принуждены наниматься на *рабскій* трудъ, что они обречены всю жизнь исполнять механическій, *ручной трудъ рабовъ*, слугъ“... („Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 94—95).

Это совершенно справедливо; интересно только было бы узнать отъ махаевщины, куда она причислитъ такія профессіональныя и общественныя группы, какъ, напримѣръ, телеграфистовъ, мелкихъ почтовыхъ служащихъ, конторщиковъ и т. п.: все это „умственные рабочіе“, обреченные въ громадномъ большинствѣ случаевъ на пожизненный рабскій трудъ. Это не мѣшаетъ махаевщинѣ относить ихъ къ числу „господъ“ и считать ихъ только „озлобленными волками“, которые, даже голодные и воющіе, не заслуживаютъ ни капли сочувствія или снисхожденія... (Е. Лозинскій, „Что-же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 142—144). Но оставимъ въ сторонѣ этихъ „господъ“, получающихъ за свой квалифицированный трудъ пролетарское вознагражденіе, и обратимся къ общимъ взглядамъ махаевщины на условія оплаты труда.

И соціалисты и анархисты, по мнѣнію махаевщины, извращаютъ постановку и рѣшеніе этого вопроса. Соціалисты, утверждаетъ А. Вольскій, видятъ все зло въ продажѣ труда, а анархисты—въ оцѣнкѣ труда; соціалисты, повторяетъ Е. Лозинскій, мѣриломъ распредѣленія считаютъ количество работы и провозглашаютъ принципъ „каждому по труду“, а анархисты принципомъ распредѣленія выставляютъ „каждому по потребностямъ“ („Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 94—95 и „Противъ Теченія“, № 3, стр. 11). Но второй принципъ — à chacun selon ses besoins—по мнѣнію махаевщины крайне субъективенъ и неопредѣлененъ, что, впрочемъ, уже давнымъ давно, еще въ эпоху Прудона и сенъ-симонистовъ, отмѣчено въ литературѣ; болѣе того, этотъ принципъ вполнѣ утопиченъ и невыполнимъ, такъ что не мы будемъ его защищать передъ махаевщиной. Что же касается пер-

ваго прицйпа, то онъ — à chacun selon ses oeuvres — несправедливъ, „ибо изъ того, что одинъ сильнѣе, ловче или талантливѣе другого, еще не слѣдуетъ, что онъ долженъ получать больше“, заявляетъ г. Е. Лозинскій: несправедливость природы не должна быть усилена соціальной несправедливостью. Возраженіе, не попадающее въ цѣль, ибо въ общемъ человѣческія способности, за ничтожнымъ исключеніемъ, находятся на общемъ среднемъ уровнѣ; а кромѣ того — и это гораздо важнѣе — принципъ „каждому по его труду“ относится не къ качеству, а къ количеству труда, не къ его быстротѣ, а къ его продолжительности: единицей измѣренія здѣсь является не талантливость, ловкость или сила, а *число рабочихъ часовъ*. Съ этой точки зрѣнія принципъ „à chacun selon ses oeuvres“ является вполнѣ справедливымъ, а возраженіе махаевщины — не выдерживающимъ критики. Но у махаевщины есть и другое, болѣе важное возраженіе. „...Во *всей* своей несправедливости предстанетъ предъ нами этотъ принципъ распредѣленія, — продолжаетъ г. Е. Лозинскій, — если мы вспомнимъ, что умственный трудъ соціалисты считаютъ болѣе интенсивнымъ и высшаго качества, а стало быть и высшей стоимости...“. Какъ видимъ, дѣло снова сводится къ несправедливости высшей оцѣнки высококвалифицированнаго труда; махаевщина со своей стороны считаетъ справедливымъ принципъ *равной оцѣнки неравнаго труда*: вотъ ужъ, поистинѣ, послѣднее горше перваго! Махаевщина не видитъ, что одну несправедливость она замѣняетъ другой, еще худшей несправедливостью... Но самое главное то, что махаевскій принципъ еще болѣе утопиченъ, чѣмъ осужденный махаевщиной принципъ распредѣленія по потребностямъ; болѣе того, онъ невозможенъ ни

при какомъ строѣ — ни при буржуазномъ, ни при соціалистическомъ, ни при махаевскомъ. Махаевскій принципъ, „принципъ равенства доходовъ, при обязательности посильнаго труда“ („Противъ Теченія“, № 3, стр. 11) есть замѣна отвергаемыхъ принциповъ „каждому по его труду“ и „каждому по его потребностямъ“ — новымъ принципомъ: „каждому поровну, независимо отъ качества его труда“; мѣриломъ распредѣленія является лишь *количество* труда. Это и мы подчеркивали выше, опровергая указанія махаевщины на субъективные моменты стоимости труда; но махаевщина пытается включить въ рядъ этихъ субъективныхъ моментовъ (талантливость, ловкость, сила и т. п.) такой объективный элементъ, какъ *сумму знанія;* конечно, это можетъ быть только попыткой съ негодными средствами. Неосуществимость этой попытки, даже при махаевскомъ строѣ, очевидна даже по чисто психологическимъ основаніямъ. Представимъ себѣ, дѣйствительно, что мы дожили до махаевской революціи. Классовое общество уничтожено; экспропріаторы — капиталисты и интеллигенція — экспропріированы; наслѣдственная частная собственность уничтожена; средства матеріальнаго и умственнаго производства обобществлены; всѣ доходы уравнены до общаго „чернорабочаго“ минимума, совпавшаго съ „квалифицированнымъ“ максимумомъ; всѣ отнынѣ имѣютъ возможность воспитывать и образовывать дѣтей до одинаковаго уровня... Допустимъ все это и посмотримъ, что будетъ „на другой день махаевской революціи“, или даже не на „другой день“, а хотя бы и послѣ сотни лѣтъ господства махаевскаго режима, такъ какъ „на другой день“ будетъ, вѣроятно, сильная неразбириха: придется рѣшать въ первую голову „аграрный вопросъ“, — а

какъ его рѣшить, когда махаевщина одинаково презрительно относится и къ націонализаціи, и къ соціализаціи, и къ муниципализаціи земли, когда она заявляетъ, что и общинное землевладѣніе есть дѣло грабительское? (см. А. Вольскій, „Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 49); придется организовать на новыхъ началахъ производство и распредѣленіе, что требуетъ громаднаго запаса знаній, свѣдѣній и цѣлую армію организаторовъ разныхъ ранговъ — кто же будетъ это организовать? неужели снова все та же, только что „экспропріированная“... интеллигенція? Возникаетъ цѣлый рядъ подобныхъ вопросовъ, на которые махаевщина, конечно, не даетъ, да и не можетъ дать никакого отвѣта; поэтому мы лучше не будемъ и задавать ихъ, а примемъ на вѣру, что махаевщина блестяще справится со всѣми этими, мягко выражаясь, „затрудненіями“; допустимъ это и перенесемся черезъ сто лѣтъ послѣ махаевской революціи, въ царство правды и справедливости. Конечно, и черезъ сто лѣтъ махаевской революціи не будетъ — да и никогда не можетъ быть — общаго уровня знаній у всѣхъ людей; будетъ только, чего теперь нѣтъ, *возможность* при желаніи достигнуть любого уровня знаній: никакихъ соціальныхъ препятствій къ этому не будетъ. Но вотъ что интересно: откуда возьмутся эти *желанія?* Въ виду полнаго равенства доходовъ, въ махаевскомъ строѣ инженеръ получаетъ столько же, сколько и желѣзнодорожный чернорабочій; интересно знать, откуда тогда махаевщина возьметъ инженеровъ? Въ виду того, что интересы будутъ двигать людьми и въ махаевскомъ строѣ (едва ли махаевщинѣ удастся вытравить изъ людей эгоизмъ), то какимъ путемъ махаевщина создастъ желаніе десятокъ лѣтъ изучать сложную спеціальность для того, чтобы въ

результатѣ это изученіе не принесло ровно ничего? Конечно, и въ махаевскомъ строѣ останутся „ревнители чистой истины“ – тутъ дѣло не выгоды, а влеченія — но какъ быть со сложными прикладными спеціальностями, безъ которыхъ махаевская техника рискуетъ быстро опуститься до уровня каменнаго вѣка? Одно изъ двухъ: или махаевщина откажется отъ „желѣзныхъ дорогъ“ (говоря фигурально) и ничего не будетъ имѣть противъ „каменнаго вѣка“; это вполнѣ возможно, если принять во вниманіе отмѣченное нами выше отношеніе махаевщины къ культурѣ; или, во-вторыхъ, махаевщина введетъ „принудительное обученіе спеціальностямъ“, что мало гармонируетъ съ махаевскимъ стремленіемъ къ справедливости и общему равенству... Впрочемъ есть еще третья возможность; быть можетъ махаевскій строй — „это будетъ общество людей безконечно добрыхъ, безукоризненно справедливыхъ. Всѣ члены общества будутъ относиться другъ къ другу, какъ члены одной образцовой семьи, безъ всякихъ счетовъ сколько кто зарабатываетъ и сколько проживаетъ“... Мы охотно сдѣлали бы такое допущеніе, если бы приведенныя только что слова не принадлежали А. Вольскому („Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 95), который уязвляетъ ими анархическія утопіи... Но есть, наконецъ, и еще одна возможность: при равенствѣ доходовъ съ чернорабочимъ, инженеръ будетъ компенсироваться за свои знанія какими-либо льготами: напримѣръ, вмѣсто восьми рабочихъ часовъ чернорабочаго, инженеръ будетъ имѣть рабочій день только въ четыре часа; конечно, это единственное серьезное допущеніе изъ всѣхъ приведенныхъ нами выше. Но, принявъ его, махаевщина блестяще опровергаетъ сама себя: если четыре рабочихъ часа

инженера и восемь рабочихъ часовъ чернорабочаго эквивалентны одной и той же общей единицѣ стоимости, то это значитъ, что квалифицированный трудъ инженера оплачивается *вдвое выше* неквалифицированнаго труда чернорабочаго... Но вѣдь это же, согласно махаевщинѣ, высшая соціальная несправедливость! и, однако, махаевщина фатально къ ней приходитъ... послѣ чего весь махаевскій строй мгновенно обращается въ строй „классовый", съ эксплуатируемыми чернорабочими внизу и съ эксплуатирующей интеллигенціей наверху...

Не трудно сообразить, почему махаевщина неизбѣжно крутится въ этомъ фатальномъ circulus-vitiosus'ѣ: основное положеніе махаевщины объ уравненіи доходовъ и признаніе равной оплаты неравнаго труда—не только несправедливо, но и невыполнимо. Одинаковая оцѣнка неквалифицированнаго и квалифицированнаго труда не можетъ не свестись къ полной атрофіи послѣдняго, такъ какъ она отнимаетъ всякій побудительный поводъ для достиженія этой квалифицированной рабочей силы; немудрено, что одно допущеніе такой равной оцѣнки неминуемо ведетъ къ полному „банкротству махаевщины XX-го столѣтія"... Для соціалистической, какъ и для всякой общественной науки несомнѣнно, что квалифицированный трудъ долженъ оплачиваться выше неквалифицированнаго, пропорціонально степени своей квалифицированности; остается въ силѣ столь ненавистная для махаевщины точка зрѣнія К. Маркса, согласно которой „трудъ, являющійся по отношенію къ среднему общественному труду, какъ трудъ болѣе сложный, трудъ болѣе высокаго качества, есть не что иное, какъ проявленіе рабочей силы, которая требовала бо́льшихъ издержекъ на воспитаніе и обученіе, производство которой сто́итъ бо́льшаго количества рабочаго времени и которая имѣетъ поэтому болѣе высокую мѣновую стоимость, чѣмъ простая рабочая сила. Но если стоимость этой силы и выше, то она проявляется и въ трудѣ также болѣе высокаго качества и воплощается поэтому въ теченіе одного и того же времени въ стоимостяхъ, имѣющихъ сравнительно бо́льшую величину" (см. А. Вольскій, „Умств. раб." ч. I, стр. 125 и ср. Е. Лозинскій, „Что же такое, наконецъ, интеллигенція?" стр. 181 — 182). Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что и махаевщина на дѣлѣ не можетъ не принять этой столь ненавистной для нея на словахъ формулы; махаевская же формула — „каждому поровну, независимо отъ качества его труда" — есть не только явная несправедливость, но и явный соціально-экономическій nonsens. Это значитъ, что равенства въ распредѣленіи доходовъ быть не можетъ даже при махаевскомъ строѣ, или этотъ строй долженъ провозгласить полное уничтоженіе квалифицированнаго труда, то есть полное уничтоженіе столь ненавистной для махаевщины культуры...

Хотя это и не входитъ въ нашу задачу, но небезинтересно, пожалуй, будетъ коснуться кстати вопроса, какимъ путемъ соціалистическій строй можетъ и долженъ будетъ рѣшить проблему соціальной справедливости, столь неудачно рѣшаемую махаевщиной. Уже изъ-за одного поучительнаго примѣра махаевщины мы должны признать неосуществимость махаевскаго уравненія доходовъ, уравненія потребленія и невозможность одинаковаго вознагражденія за разный трудъ: *въ области экономической равенство не можетъ быть осуществлено.* Но это нисколько не противорѣчитъ тому положенію, что *въ области*

соціальной равенство должно быть осуществлено и будетъ осуществлено: въ этомъ—конечная цѣль соціализма. Путемъ уничтоженія наслѣдственной семейной собственности, путемъ установленія минимальнаго восьми или шести-часоваго рабочаго дня, путемъ установленія нормы максимальнаго и минимальнаго годового личнаго и семейнаго дохода, путемъ введенія всеобщаго воспитанія и образованія (напр. до 21 года) на общественный счетъ и т. п.—соціализмъ можетъ достигнуть *соціальнаго равенства при экономическомъ неравенствѣ.* Иными словами, и въ соціалистическомъ обществѣ заработная плата, какъ единственный видъ дохода, будетъ разной высоты и высота годового заработка будетъ прямо-пропорціональна степени квалифицированности рабочей силы индивида. Конечно, при этомъ не сохранится современное отношеніе оплаты неквалифицированнаго и квалифицированнаго труда, зачастую равное въ наше время $^1/_{100}$, $^1/_{200}$ и даже свыше $^1/_{500}$; величина этого отношенія въ соціалистическомъ строѣ можетъ быть вычислена при наличности извѣстныхъ условій и можетъ колебаться, напримѣръ, въ предѣлахъ отъ единицы до одной пятой, въ зависимости отъ условленной градаціи квалифицированности труда. Такъ напримѣръ, во взятомъ нами выше примѣрѣ инженера и чернорабочаго указанное отношеніе равнялось $^1/_2$; это значитъ, что при равной величинѣ рабочаго дня, годовая заработная плата инженера будетъ вдвое больше годовой заработной платы чернорабочаго. Это экономическое неравенство не только неустранимо, но и вполнѣ справедливо, такъ какъ достиженіе высшей квалифицированности рабочей силы будетъ только дѣломъ желанія каждаго, внѣ вліянія соціальныхъ условій. Потребленіе будетъ,

такимъ образомъ, колебаться между извѣстнымъ минимумомъ и максимумомъ, причемъ минимумъ потребленія долженъ все же пріобщать его обладателя „ко всѣмъ благамъ культуры“, а максимумъ потребленія долженъ быть только чисто экономическимъ максимумомъ; иными словами, экономическое неравенство должно (и можетъ, и будетъ) сопровождаться полнымъ соціальнымъ равенствомъ. Вся ошибка и стараго народничества, и Писарева, и Толстого, и Михайловскаго заключалась *въ стремленіи къ экономическому равенству*; Михайловскій, напримѣръ, въ этомъ своемъ стремленіи требовалъ „возможно меньшаго раздѣленія труда между людьми“, такъ какъ не видѣлъ иного пути къ соціальному равенству. Буквально въ эту же ошибку впадаетъ и махаевщина, требуя равной оплаты квалифицированнаго и неквалифицированнаго труда, такъ какъ внѣ этого экономическаго равенства она не видитъ спасенія. И любопытно, что махаевщина твердо увѣрена, что еще и еще разъ повторяя эти народническіе зады, она несетъ міру новое слово... Махаевщина требуетъ экономическаго, (а значитъ и соціальнаго) равенства—Боже, до чего это ново и неслыханно! Это у насъ-то, въ Россіи, послѣ „кающагося дворянства“, послѣ толстовства, послѣ Михайловскаго! Махаевщина, съ одной стороны, выставляетъ на первый планъ конечную цѣль соціализма – соціальное равенство, а съ другой - кладетъ во главу угла своего вѣроученія принципъ равенства экономическаго. Поскольку послѣднее есть, какъ мы показали выше, contradictio in adjecto, постольку и вся махаевщина есть сплошное недоразумѣніе, ходячее противорѣчіе, квадратный кругъ и глубокая плоскость...

Этимъ мы и закончимъ критическое разсмотрѣ-

ніе основныхъ махаевскихъ положеній; еще только одинъ центральный махаевскій вопросъ остался до нѣкоторой степени въ сторонѣ на предыдущихъ страницахъ — вопросъ о классовости интеллигенціи: мы затрогивали его мимоходомъ, не удѣляя ему особенно много вниманія. Между тѣмъ, какъ извѣстно читателю, вопросъ этотъ представляется намъ особенно интереснымъ, такъ что задачей нашего „критико-соціологическаго опыта“ является отвѣтъ не только на вопросъ „что же такое, наконецъ, махаевщина?“, но также и на вопросъ—что такое интеллигенція? Послѣднему вопросу, въ его связи съ махаевщиной, посвящено дальнѣйшее изложеніе; теперь же пора подвести итоги этой не въ мѣру растянувшейся главы.

Итакъ, что же такое, наконецъ, махаевщина?

Махаевщина есть нѣкоторое теченіе русской общественной „интеллигентской“ мысли, теченіе, претендующее быть идеологіей пролетаріата и являющееся только идеологіей Lumpen-proletariat'а. Махаевщина, несмотря на свое желаніе быть крайне оригинальной и плыть противъ всѣхъ теченій одновременно, есть эклектическая соціальная теорія, представляющая собою разнородную смѣсь марксистскихъ теорій и методологическихъ пріемовъ, старо-народническихъ стремленій и современной синдикально-анархистской тактики: подъ вліяніемъ марксизма махаевщина есть *классовая теорія*, народничество отразилось въ махаевскихъ *субъективныхъ построеніяхъ*, а махаевская тактика можетъ быть охарактеризована какъ *подпольный синдикализмъ*. Устраненіе интеллигенціи отъ рабочаго движенія, отрицательное отношеніе къ политической борьбѣ и провозглашеніе всеобщей стачки—все это заимствовано махаевщиной отъ син-

дикализма; требованіе экономическаго равенства, приматъ распредѣленія надъ производствомъ и народнаго благосостоянія надъ національнымъ богатствомъ, аполитизмъ, отношеніе къ „естественному ходу вещей“ и къ культурѣ—все это взято махаевщиной изъ народничества; методъ и основныя соціологическіе принципы—этимъ махаевщина обязана марксизму. Но поскольку махаевщина стремится къ равенству, и обосновывается на принципѣ классовой борьбы, постольку махаевщина есть типично соціалистическое теченіе марксистской окраски. Въ своемъ стремленіи къ равенству, махаевщина есть соединеніе въ одно аморфное цѣлое ближайшей и конечной цѣли соціализма, причемъ ближайшая берется отъ марксизма (обобществленіе средствъ и орудій производства), а конечная цѣль—отъ стараго народничества (экономическое равенство); что же касается принципа классовой борьбы, то онъ заимствуется махаевщиной отъ марксизма. Слѣдовательно, какъ ни борется махаевщина съ интеллигенціей и съ соціализмомъ, ей это нисколько не мѣшаетъ быть типично соціалистическимъ и типично интеллигентскимъ направленіемъ русской общественной мысли... C'est de la prose, monsieur Jourdain!.. Но это въ свою очередь нисколько не мѣшаетъ махаевщинѣ быть весьма печальнымъ проявленіемъ общественной мысли: не все то, на чемъ стоитъ ярлыкъ „соціализмъ“ или „интеллигенція“ заслуживаетъ вниманія и уваженія...

Таковы выводы нашего „критико-соціологическаго опыта“, таковъ отвѣтъ на вопросъ „что же такое, наконецъ, махаевщина?“... И если, несмотря на отрицательность всѣхъ этихъ выводовъ, мы все-таки такъ долго останавливались на сущности махаевщины, то причина этого отмѣчена нами выше:

махаевщину мы считаемъ превосходнымъ оселкомъ, на которомъ должны отточиться соціалистическія воззрѣнія; махаевщина—это та наковальня, объ которую вагнеровскій Зигфридъ пробуетъ крѣпость своихъ мечей. Если отъ удара по махаевщинѣ разлетится въ дребезги мечъ соціализма, то мы всѣ станемъ махаевцами; если-же развалится сама махаевщина, то мы останемся при нашемъ мечѣ—до новаго, болѣе испытующаго удара... Только указаннымъ нами „педагогическимъ“ значеніемъ махаевщины объясняется наше продолжительное изученіе ея; но послѣ того какъ махаевская наковальня расщепилась по всѣмъ направленіямъ, можно оставить съ миромъ ея обломки и пройти дальше къ вопросу о соціально-экономическомъ строеніи интеллигенціи, гдѣ насъ ждетъ драконъ-Фафнеръ, въ образѣ ортодоксальнаго марксизма ..

VII.

Въ этой новой борьбѣ распредѣленіе ролей будетъ, однако, нѣсколько иное: если въ предыдущихъ главахъ пишущій эти строки худо ли хорошо ли игралъ роль Зигфрида, а г. Е. Лозинскій и А. Вольскій изображали махаевскую наковальню, то теперь роль Зигфрида будетъ исполнять г. Е. Лозинскій, а роль Фафнера-марксизма мы предоставимъ нѣкоему г. В. Шулятикову. ибо онъ до сихъ поръ чуть-ли не единственный изъ марксистовъ вступилъ въ споръ съ махаевщиной. Брошюра г. В. Шулятикова [1])

[1]) „Изъ теоріи и практики классовой борьбы“ (Происхожденіе командующихъ классовъ. Основы ихъ идеологіи. Вопросъ объ интеллигенціи). Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова; Москва, 1907 г.— Пишущему эти строки уже приходилось однажды говорить объ этой брошюрѣ—см. „Книга“, 1907 г., № 14.

является явнымъ отвѣтомъ махаевщинѣ, хотя самый этотъ терминъ, равно какъ ни имена гг. Вольскаго и Лозинскаго, ни работы ихъ не упоминаются въ ней ни разу. Зналъ г. Шулятиковъ или нѣтъ о существованіи работъ А. Вольскаго—для насъ безразлично; во всякомъ случаѣ брошюра г. В. Шулятикова является прямымъ отвѣтомъ на второй выпускъ III-ей части „Умственнаго рабочаго“ А. Вольскаго, а послѣдняя часть брошюры („Вопросъ объ интеллигенціи“)—въ то же время отвѣтомъ и на произведенія г. Лозинскаго. Мы остановимся только на этой послѣдней части, въ виду того, что въ ней разрабатывается тотъ вопросъ, къ которому мы теперь возвращаемся—вопросъ о соціально-экономическомъ или соціально-этическомъ пониманіи интеллигенціи.

Напомнимъ читателю наши предыдущіе выводы. Мы утверждаемъ, что ту общественную группу, которая называется „интеллигенціей“, можно понимать двояко—или соціально-этически, или соціально-экономически. Первое пониманіе было свойственно русской общественной мысли семидесятыхъ годовъ, но чѣмъ дальше тѣмъ больше вытѣснялось вторымъ пониманіемъ; однако, марксизмъ никакъ не могъ довести до логическаго конца свое утвержденіе соціально-экономическаго строенія интеллигенціи. Одни изъ марксистовъ утверждали, что интеллигенція входитъ въ классъ пролетаріата, ибо продаетъ свою рабочую силу; другіе считали ее „наростомъ на классѣ буржуазіи“ и т. п., и т. п. Махаевщина довела соціально-экономическую точку зрѣнія на интеллигенцію до логическаго конца и объявила интеллигенцію особымъ классомъ, эксплуататорскій характеръ котораго внѣ сомнѣнія. Марксизму предстоитъ теперь одновременно и защитить самый прин-

ципъ соціально-экономическаго пониманія интеллигенціи и опровергнуть примѣненіе этого принципа махаевщиной; какъ это дѣлаетъ марксизмъ — мы увидимъ изъ брошюры г. Шулятикова. Посмотримъ же, какъ Фафнеръ-Шулятиковъ будетъ защищать отъ Зигфрида-Лозинскаго марксистскія сокровища...

Фафнеръ-Шулятиковъ сразу беретъ быка за рога и приступаетъ къ рѣшенію центральнаго вопроса махаевщины: что такое знанія—рабочая сила или средства интеллектуальнаго производства? „...Дѣйствительно-ли, — спрашиваетъ г. Шулятиковъ,—въ лицѣ профессіональныхъ интеллигентовъ мы имѣемъ представителей настоящаго пролетаріата, продавцовъ рабочей силы, ничѣмъ кромѣ этой силы не располагающихъ, существующихъ единственно ея продажей и создающихъ прибавочную стоимость эксплуатирующимъ ихъ капиталистамъ?" (op. cit., стр. 72). Казалось бы, что для ортодоксальнаго марксиста не можетъ быть колебаній въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ; и г. Шулятиковъ не колеблясь рѣшаетъ его... въ смыслѣ махаевщины! „Интеллектуальный производитель, чтобъ реализовать свою рабочую силу, долженъ предварительно получить извѣстное образованіе, накопить извѣстный запасъ необходимыхъ знаній. *Можно ли отождествлять эти знанія съ рабочей силой? Ни въ какомъ случаѣ нельзя.* Эти знанія не что иное, какъ *средства* интеллектуальнаго производства" (ibid., стр. 73; курс. подл.). Старое марксистское положеніе, что „знаніе есть рабочая сила" представляется нашему марксисту въ корнѣ ложнымъ и придуманнымъ интеллигенціей для отвода глазъ рабочей массы; поддерживая такое положеніе, интеллигенты „могли отнынѣ нѣсколько затушевать даль разстоянія, раздѣляющаго ихъ отъ организуемой массы,—выдавая знаніе за рабочую силу, могли заявлять о «демократизмѣ» своего положенія"... (ibid., стр. 74). Все это совершенно совпадаетъ съ основными положеніями махаевщины; дальше начинаются пункты расхожденія. На вопросъ что такое интеллигенція, г. Шулятиковъ рѣшительно отвѣчаетъ: во всякомъ случаѣ не отдѣльный классъ. Примѣненіе экономическаго критерія, продолжаетъ г. Шулятиковъ по адресу махаевщины, часто сопровождается недостаточно критическимъ отношеніемъ къ соціальнымъ феноменамъ, да къ тому же „подъ именемъ экономическаго основанія пользуются зачастую не однимъ, а нѣсколькими основаніями. Такъ, характеризуя интеллигенцію какъ либеральную буржуазію, попеременно выдвигаютъ то фактическую принадлежность къ буржуазнымъ слоямъ (обладаніе средствами производства), то принадлежность къ буржуазіи лишь по происхожденію, то, наконецъ, принадлежность къ буржуазіи опредѣляется изъ наличности средствъ потребленія"... Все это не въ бровь, а прямо въ глазъ А. Вольскому, у котораго дѣйствительно перепутаны всѣ эти точки зрѣнія, что вполнѣ понятно въ виду его „отрицанія" общественной науки... Конечно, г. Шулятиковъ вполнѣ основательно находитъ, что „пользоваться подобнымъ методомъ доказательства значитъ ухищряться сидѣть одновременно на нѣсколькихъ стульяхъ"; онъ считаетъ, что соціально-экономическое пониманіе интеллигенціи должно быть проведено на основаніи твердо-научныхъ принциповъ, что „псевдо-научному эклектизму (читай: махаевщинѣ) должно быть противопоставлено объясненіе строго монистическаго характера. Экономическія отношенія производства (а не потребленія или распредѣленія)—

вотъ что, согласно марксистскому міросозерцанію, можетъ единственно служить исходнымъ пунктомъ при разграниченіи соціальныхъ клѣточекъ и тѣлъ“ (ibid., стр. 69—70). Монистическое объясненіе самого г. Шулятикова беретъ исходнымъ пунктомъ экономическія отношенія производства и объявляетъ, какъ мы видѣли, знанія средствами интеллектуальнаго производства, а не рабочей силой; это не мѣшаетъ г. Шулятикову признать, что интеллигенцію характеризуетъ одновременно и обладаніе средствами производства и продажа рабочей силы: въ такомъ утвержденіи и заключается все рѣшеніе г. Шулятиковымъ стоящаго передъ нимъ вопроса объ интеллигенціи, рѣшеніе желающее быть строго монистичнымъ и еще болѣе строго проводящимъ чистую и незапятнанную соціально-экономическую точку зрѣнія на интеллигенцію, безъ единаго грана этики. „Одновременно и продавцы рабочей силы и собственники средствъ производства,—говоритъ г. Шулятиковъ,—представители этой (профессіональной) интеллигенціи являются носителями психики, сотканной изъ непримиримыхъ противорѣчій“... (ibid., стр. 77). Та часть интеллигенціи, которую характеризуетъ главнымъ образомъ продажа своей рабочей силы—стоитъ ближе къ пролетаріату; та часть, которую больше характеризуетъ владѣніе средствами производства—стоитъ ближе къ крупной буржуазіи. Поэтому „интеллигенцію считать особымъ общественнымъ *классомъ* нельзя, такъ какъ въ процессѣ производства различные слои ея занимаютъ различныя позиціи и, слѣдовательно, преслѣдуютъ различные матеріальные интересы“; въ общемъ же „интеллектуальные производители, обладая извѣстными средствами производства принадлежатъ къ буржуазіи,

распредѣляются по ея разнымъ ячейкамъ“ (ibid., стр. 80). Выставляя такое положеніе, марксистская мысль завершаетъ кругъ и возвращается къ своему старому пониманію интеллигенціи, какъ нароста на классѣ буржуазіи; положеніе „интеллигенція=буржуазія“ было выставлено, какъ мы видѣли, русскимъ марксизмомъ еще въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, затѣмъ подверглось развитію въ русскомъ марксизмѣ девяностыхъ годовъ и было отвергнуто въ періодѣ искризма. Теперь марксизмъ, отступая передъ махаевщиной, снова приходитъ къ этому положенію, въ высшей степени неудовлетворительному, съ точки зрѣнія самого же марксизма. Какимъ образомъ, во-первыхъ, вся *разночинная* интеллигенція попадаетъ въ классъ *буржуазіи?* Какимъ образомъ, во-вторыхъ, вся профессіональная интеллигенція можетъ умѣститься въ *одномъ* классѣ классѣ буржуазіи, если даже ее нельзя считать особымъ общественнымъ классомъ („такъ какъ въ процессѣ производства различные слои ея занимаютъ различныя позиціи и, слѣдовательно, преслѣдуютъ различные матеріальные интересы“)? Не особенно удачно защищаетъ Фафнеръ Шулятиковъ марксистскія сокровища.

Но тутъ на сцену выступаетъ Зигфридъ-Лозинскій и окончательно добиваетъ противника своимъ „строго-монистическимъ“ опредѣленіемъ, согласно которому интеллигенція есть особый классъ, характеризуемый высокой степенью квалифицированности интеллектуальнаго труда. Г. Шулятиковъ называетъ такой отвѣтъ „примитивнымъ“ и заявляетъ, что „подобная точка зрѣнія грѣшитъ тѣмъ, что не допускаетъ принципіальнаго разграниченія различныхъ соціальныхъ типовъ“ (ibid., стр. 67), ибо относитъ

въ одну и ту же соціальную группу и дипломированнаго фабриканта, и служащаго у него мелкаго техника, и инженера, получающаго десятки тысячъ жалованья, и учителя, дающаго въ его домѣ уроки за грошевое вознагражденіе: „всѣ они умѣщаются, какъ совершенно однородные элементы, одушевленные однѣми и тѣми же тенденціями и интересами, въ рамкахъ фиктивно созданной группы“ (ibid., стр. 67—68). Это крайне слабое возраженіе бьетъ совершенно мимо цѣли. Во первыхъ, здѣсь упущена изъ виду возможность отнесенія одного и того же лица къ двумъ соціальнымъ классамъ. „Часто встрѣчаются - пишетъ г. Лозинскій — *смѣшанныя, но не переходныя* формы соціальной группировки,—напримѣръ, тѣ землевладѣльцы, которые въ то же самое время являются и фабрикантами и сельскими хозяевами“ (Что-же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 165; курс. подл.). Дипломированный фабрикантъ, согласно махаевщинѣ, не есть представитель профессіональной интеллигенціи, такъ что ссылка на него не поможетъ марксизму. Кромѣ того, во-вторыхъ, не выдерживаетъ критики и тотъ количественный критерій, которымъ марксизмъ пытается разрушить махаевское опредѣленіе интеллигенціи. Какъ можно относить къ одному и тому же классу интеллигенціи и инженера, получающаго пять тысячъ рублей въ мѣсяцъ, и полуголоднаго студента, добывающаго въ мѣсяцъ рублей двадцать—двадцать-пять?—вопрошаетъ марксизмъ. Это возраженіе еще слабѣе предыдущаго, такъ что сами же марксисты, въ лицѣ г. Шулятикова, побѣдоносно разбиваютъ это соломенное чучело собственной работы. „Конечно, интеллигентъ интеллигенту не чета—пишетъ г. Шулятиковъ:—какой-нибудь конторщикъ и какой-нибудь многоученый профессоръ отдѣлены другъ отъ друга «дистанціей огромнаго размѣра», *но это дистанція количества, а не качества*, дистанція минимума и максимума извѣстныхъ средствъ производства—знаній, образованія“ (op. cit., стр. 76). Въ подчеркнутыхъ нами словахъ лежитъ центръ тяжести, на которомъ и укрѣпляется махаевщина. Дѣйствительно, вѣдь подобная же рѣзкая количественная разница имѣется налицо въ любомъ общественномъ классѣ; такъ, напримѣръ, и владѣлецъ самыхъ примитивныхъ техническихъ орудій производства (разъ только къ нимъ, какъ общее правило, прилагается наемная рабочая сила), и владѣлецъ громадной фабрики съ милліонными оборотами—оба принадлежатъ къ одному и тому же классу капиталистовъ; и мелкій земельный собственникъ, получающій ренту со ста десятинъ земли и владѣлецъ сотенъ тысячъ десятинъ — оба принадлежатъ къ одному и тому же классу землевладѣльцевъ. Разъ это такъ (а съ точки зрѣнія марксизма это несомнѣнно такъ), то теряетъ всякое значеніе основное марксистское возраженіе противъ махаевскаго опредѣленія интеллигенціи, указывающее на *количественное* различіе интеллигентскихъ слоевъ: различіе это поглощается *качественнымъ* сходствомъ, отвѣчаетъ совершенно резонно г. Е. Лозинскій... Онъ идетъ дальше и „продумываетъ до конца“ теорію классовой борьбы, строго слѣдуя правиламъ г. Шулятикова: опредѣленіе г. Е. Лозинскаго будетъ „строго монистическаго характера“ и въ то же время будетъ исходить изъ „экономическихъ отношеній производства“; это опредѣленіе доведетъ до конца соціально-экономическую точку зрѣнія марксизма на интеллигенцію. „Мѣриломъ расчлененія общества на *классы* —

заявляетъ г. Е. Лозинскій—должны служить... слѣдующіе три элемента: 1) общность одного изъ *коренныхъ*, присущихъ данному обществу, источниковъ дохода, 2) вытекающая отсюда общность *основныхъ* экономическихъ интересовъ и 3) общность большей или меньшей противоположности ко всѣмъ остальнымъ *основнымъ* экономически-антагонистическимъ группамъ“ (op. cit., стр. 162; курс. подл.). Согласно этому г. Лозинскій насчитываетъ *пять* совершенно особенныхъ классовъ: землевладѣльческій, характеризуемый рентой; капиталистическій, характеризуемый прибылью; классъ мелкихъ собственниковъ, характеризуемый приложеніемъ труда собственника къ его орудіямъ производства; классъ ручныхъ рабочихъ, пролетаріатъ, характеризуемый физическимъ трудомъ, заработной платой; наконецъ, классъ умственныхъ рабочихъ, интеллигенція, характеризуемая реализаціей знаній и гонораромъ, жалованьемъ или содержаніемъ (ibid., стр. 162 и сл.) [1]. Дальнѣйшее развитіе этихъ положеній въ махаевщинѣ намъ уже извѣстно и мы не будемъ къ нему возвращаться;

[1]) Мы не намѣрены критиковать это „продумываніе до конца“ г. Е. Лозинскимъ классовой теоріи, такъ какъ такая критика должна воспослѣдовать со стороны марксизма. Отмѣтимъ однако, что весьма слабымъ является уже самый исходный пунктъ нашего автора, его мѣрило расчлененія общества на классы. Пользуясь этимъ вышеприведеннымъ мѣриломъ, мы беремся „продумать“ классовую теорію еще дальше г. Е. Лозинскаго и изобрѣсти не пять, а двадцать пять классовъ. Такъ напримѣръ, мы утверждаемъ, что есть особый „классъ“ *воровъ*. Дѣйствительно, „классъ“ воровъ отличается: 1) общностью одного изъ *коренныхъ* (т. е. „не сводимыхъ болѣе къ какой-либо другой, высшей общности“) источниковъ дохода, 2) вытекающей отсюда общностью *основныхъ* экономическихъ интересовъ и 3) общностью большей или меньшей противоположности ко всѣмъ остальнымъ *основнымъ* экономически-антагонистическимъ группамъ...

здѣсь мы хотимъ подчеркнуть только то, что въ этихъ построеніяхъ г. Е. Лозинскаго мы имѣемъ доведеніе до послѣдняго логическаго предѣла основного соціально-экономическаго воззрѣнія марксизма на интеллигенцію. Wer sagt A muss auch B sagen; марксизмъ уже давно сказалъ свое *а* въ области соціально-экономическаго пониманія интеллигенціи, но не пошелъ дальше; теперь г. Е. Лозинскій „додумываетъ до конца“ марксистское пониманіе и съ упорной настойчивостью твердитъ свое *бе*, *бе*, *бе*... И надо отдать справедливость г. Е. Лозинскому: въ этомъ случаѣ онъ вполнѣ логиченъ и безъ труда одерживаетъ побѣду надъ половинчатыми соціально-экономическими опредѣленіями интеллигенціи марксизмомъ; но бываютъ обстоятельства, при которыхъ строгая и послѣдовательная логика является самымъ фатальнымъ, самоубійственнымъ оружіемъ... Если мы допустимъ, что въ кругѣ два діаметра могутъ пересѣчься и не въ центрѣ, то чѣмъ послѣдовательнѣе и логичнѣе будутъ наши послѣдующія разсужденія, тѣмъ яснѣе въ результатѣ ихъ вырисуется та нелѣпость, къ которой мы придемъ; всѣ математическіе софизмы построены на этомъ принципѣ. Такова и трагическая исторія г. Е. Лозинскаго и махаевщины. За исходный пунктъ они приняли вполнѣ догматически основное марксистское положеніе о соціально-экономической сущности всѣхъ общественныхъ группъ, а слѣдовательно и интеллигенціи; дѣйствительно-ли діаметры круга могутъ пересѣчься внѣ центра—этимъ вопросомъ махаевщина не задавалась. Марксисты смутно чувствовали, что ихъ исходный пунктъ страдаетъ внутреннимъ логическимъ противорѣчіемъ, а оттого никогда не доводили своихъ разсужденій объ интеллигенціи до

ихъ логическаго конца: они чувствовали, что въ концѣ этого пути ихъ ждетъ нелѣпый выводъ и что такое reductio ad absurdum будетъ служить безспорнымъ доказательствомъ ошибочности исходной точки. Махаевщина, въ лицѣ г. Е. Лозинскаго, храбро прошла этотъ путь, пришла къ нелѣпому выводу и, гордая своей логичностью, утверждаетъ, что этотъ выводъ — „очевидная, неоспоримая соціологическая истина“ (см. „Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 258—259) и что исходная точка поэтому является такой же истиной... Если мы покажемъ, что этотъ выводъ дѣйствительно настолько нелѣпъ, что даже махаевщина не можетъ удержаться на немъ, несмотря на всѣ свои героическія усилія, то этимъ самымъ будетъ вскрыта и ошибочность исходной точки — соціально-экономическаго пониманія интеллигенціи.

VIII.

И махаевщина и марксизмъ сами блестяще вскрываютъ ошибочность и конечной и исходной точки своего пути тѣмъ, что дойдя на этомъ пути до нѣкоторой общей точки они вдругъ съ удивительнымъ единодушіемъ круто сворачиваютъ въ сторону и ищутъ какой либо лазейки, чтобы сойти съ соціально-экономическаго пути, или просто совершаютъ головоломный прыжокъ съ соціально-экономической на соціально-этическую плоскость, съ соціально-экономическаго на соціально-этическое пониманіе интеллигенціи... Этотъ прыжокъ они совершаютъ какъ разъ въ томъ пунктѣ пути, гдѣ заходитъ рѣчь о примѣненіи соціально-экономическаго опредѣленія интеллигенціи

къ нимъ самимъ, къ гг. махаевцамъ и марксистамъ; такое уклоненіе съ соціально экономическаго пути и отъ „строго-научной“ теоріи является слѣдствіемъ „того вполнѣ уважительнаго обстоятельства, — скажемъ мы слегка измѣненными словами г. Е. Лозинскаго, — что дальнѣйшее развитіе этой теоріи *невыгодно* гг. марксистамъ и махаевцамъ, какъ невыгодно было гоголевскимъ чиновникамъ въ «Ревизорѣ» продолжать чтеніе письма Хлестакова какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь заходила *о самомъ читавшемъ*“... (ср. „Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 149). Письмомъ Хлестакова въ данномъ случаѣ является теорія соціально-экономическаго опредѣленія интеллигенціи, а гоголевскими чиновниками сейчасъ явятся передъ нами все тѣ же гг. В. Шулятиковъ и Е. Лозинскій.

Вотъ, напримѣръ, мы познакомились съ ортодоксомъ марксистской догмы, г-номъ Шулятиковымъ. Мы видѣли, что по его мнѣнію вся интеллигенція принадлежитъ къ буржуазіи, распредѣляется по разнымъ ея ячейкамъ. Рѣшеніе вполнѣ категорическое, съ незапятнанной никакой „этикой“ соціально-экономической точки зрѣнія. Чего бы, кажется, больше: интеллигенція распредѣляется по ячейкамъ буржуазіи — und damit Punctum! Но нѣтъ, — вдругъ мы слышимъ изъ устъ нашего ортодокса слѣдующее характерное признаніе: „спѣшимъ оговориться: *говоря о профессіональной интеллигенціи, мы, конечно (!), не имѣли въ виду тѣхъ интеллигентовъ, которые являются идеологами истинно-пролетарскихъ массъ*“... (курс. нашъ). Какъ же такъ? Куда же дѣть, въ какой классъ отнести этихъ истинно-пролетарскихъ идеологовъ, разъ они не входятъ въ группу интеллигенціи, распредѣляемую по ячейкамъ буржуазіи? Что

станетъ въ такомъ случаѣ со строгимъ марксистскимъ соціально-экономическимъ критеріемъ? Нашъ марксистъ, ничтоже сумняся, указываетъ, что критерій этотъ приложимъ только къ профессіональной, но не соціалистической интеллигенціи. „Мы разсматривали — продолжаетъ онъ — извѣстную категорію производителей, какъ таковыхъ, дѣлали характеристику интеллектуальныхъ работниковъ съ точки зрѣнія ихъ участія въ процессѣ производства, брали то, что отличаетъ извѣстный общественный типъ". А между тѣмъ — „указанные идеологи — не общее правило, а исключеніе, не дающее матеріала для изслѣдованія поставленнаго нами на очередь вопроса (т.-е. вопроса о томъ, что такое интеллигенція, И.-Р.). Вопросъ объ идеологахъ—это вопросъ иной, правда, весьма интересный, но".... но авторъ обходитъ его молчаніемъ (op. cit., стр. 80). И это—типичный пріемъ и типичное рѣшеніе марксизма, который не любитъ касаться этого щекотливаго вопроса, а если и касается, то отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что нѣтъ-де правилъ безъ исключеній, а потому и буржуазная интеллигенція можетъ выдвинуть изъ своихъ рядовъ „истинно-пролетарскихъ" идеологовъ, внѣклассовыхъ и внѣсословныхъ борцовъ за правду-справедливость... Но какъ быть, если эти „исключенія" начинаютъ играть, качественно или количественно, видную роль въ общественной жизни?

Тутъ на помощь марксизму (какъ ни непріятна эта услужливая помощь для марксизма) приходитъ г. Е. Лозинскій, беретъ изъ рукъ г. Шулятикова письмо и дочитываетъ до конца всю „истину" о марксистахъ и соціалистахъ... Онъ читаетъ въ немъ, что соціализмъ и есть именно идеологія интеллигенціи; интеллигенція же отнюдь не размѣщается по

ячейкамъ буржуазіи, а представляетъ изъ себя особый классъ, обманнымъ образомъ навязывающій свою классовую соціалистическую идеологію пролетаріату; эти лже-идеологи пролетаріата отнюдь не исключеніе, а общее правило... Повидимому, г. Е. Лозинскій прочиталъ непріятное для г. Шулятикова мѣсто вполнѣ вѣрно, *если* вѣрно и самое письмо, т.-е. соціально-экономическая точка зрѣнія на интеллигенцію; во всякомъ случаѣ онъ вполнѣ логиченъ въ своихъ выводахъ и твердо стоитъ на „строго-научной" почвѣ, не объясняя „исключеніемъ" существованіе соціалистической интеллигенціи. Но взявъ письмо г. Е. Лозинскій долженъ дочитать его до конца, долженъ прочесть не только о марксистахъ, но и о самихъ махаевцахъ, которые теперь оказываются, вмѣсто марксистовъ, „истинно-пролетарскими" идеологами, истинными представителями интересовъ рабочихъ массъ. Итакъ, кто же такіе сами махаевцы? Они—слышимъ мы отъ г. Е. Лозинскаго—представляютъ изъ себя... „исключеніе" изъ общаго правила! Вотъ, что значитъ дочитать письмо до того мѣста, гдѣ говорится о самомъ себѣ! Но въ то время, какъ марксисты называютъ себя просто „исключеніемъ", г. Е. Лозинскій называетъ махаевцевъ „рѣдкимъ исключеніемъ", напирая на то, что ихъ пока немного, что всѣ они до поры до времени могутъ усѣсться на одномъ диванѣ... Итакъ, махаевцы—рѣдкое исключеніе изъ общаго уровня интеллигенціи, своего рода бѣлые вороны. „Чтобы преодолѣть въ себѣ классового человѣка, — скромно заявляетъ г. Е. Лозинскій,—чтобы вытравить въ себѣ до конца волчью природу, для этого необходимо бываетъ пережить самую мучительную и долгую психологическую операцію, на которую могутъ рѣшиться лишь

немногіе, крайне немногіе индивиды"... „Лишь немногіе, крайне немногіе индивиды—повторяетъ онъ еще разъ — успѣваютъ и могутъ сбросить съ себя неуловимыя, но цѣпкія путы..... коллективной суггестіи". Для этого надо „*преодолѣть самого себя*, проявить рѣдкое безкорыстіе, ангельскую нелицепріятность"... А такихъ ангельски нелицепріятныхъ интеллигентовъ, конечно, найдется немного; „что такіе интеллигенты все же найдутся, я нисколько не сомнѣваюсь, — продолжаетъ г. Е. Лозинскій; — что ихъ будетъ мало, крайне мало, по пальцамъ перечесть, въ этомъ я глубоко увѣренъ", ибо „преодолѣть свою классовую, свою волчью природу способны лишь немногіе"... („Что же такое, наконецъ, интеллигенція?", стр. 6, 107, 145—6 и др.). „Мы надѣемся лишь на немногихъ, способныхъ преодолѣть въ себѣ свою господскую природу", — повторяетъ г. Е. Лозинскій въ другомъ мѣстѣ („Итоги парламентаризма", стр. 6), лишь на немногихъ „деклассированныхъ индивидовъ", лишь на „немногихъ искреннихъ людей", для которыхъ „идеалъ истины и справедливости не служитъ лишь прикрытіемъ всевозможныхъ господскихъ замысловъ и вожделѣній"; эти немногіе будутъ зато „истинные друзья рабочихъ массъ" („Противъ Теченія", № 1, стр. 4 и № 3, стр. 5). Мы могли бы еще и еще привести цѣлый рядъ подобныхъ махаевскихъ самовосхваленій, но достаточно и приведеннаго выше, чтобы убѣдиться, что лишь только заходитъ рѣчь о самихъ махаевцахъ, какъ они, подобно марксистамъ, тотчасъ же переходятъ съ соціально-экономической на соціально-этическую почву: тотчасъ появляется на сценѣ и безкорыстное служеніе истинѣ и справедливости, и „деклассированность", и преодолѣніе своей классовой природы, и даже „ангельская нелицепріятность"!.. А между тѣмъ стóитъ тутъ же заговорить о марксизмѣ, о соціалистической интеллигенціи, какъ махаевщина сразу мѣняетъ тонъ и говоритъ о классовыхъ интересахъ, о корыстныхъ вожделѣніяхъ и т. п. Въ отвѣтъ на слова одного изъ соціалистовъ (г. Поссе), что интеллигенція одновременно — вспомнимъ загадку сфинкса Эдипу—ходитъ на двухъ, трехъ и четырехъ ногахъ, т.-е. что часть ея пресмыкается на четверенкахъ передъ буржуазіей, часть ковыляетъ въ хвостѣ пролетаріата, и только часть—идеологи пролетаріата—идетъ смѣло и прямо на двухъ ногахъ,—въ отвѣтъ на эти слова г. Е. Лозинскій язвительно замѣчаетъ: „до сихъ поръ никогда еще не было слышно, чтобы кто-либо, все равно—двуногій или трехъ и четвероногій интеллигентъ, раскрылъ самостоятельную эксплуататорскую природу своего класса"... Никто и никогда: — за „исключеніемъ", конечно, г. Е. Лозинскаго, претендующаго на исключительное право считаться двуногимъ интеллигентомъ и утверждающаго, что только немногіе, крайне немногіе деклассированные индивиды могутъ идти за нимъ на двухъ ногахъ въ качествѣ истинныхъ друзей рабочихъ массъ, что только немногіе, крайне немногіе, могутъ достигнуть такого рѣдкаго безкорыстія и ангельской нелицепріятности...[1]).

---

[1]) Вообще „скромность" г. Е. Лозинскаго заслуживаетъ всяческаго удивленія; г. Лозинскій не только считаетъ себя ангельски нелицепріятнымъ, но совершенно прозрачно даетъ понять, что его опредѣленіе интеллигенціи есть цѣнное научное открытіе — „цѣлое новое поле теоретическаго изслѣдованія, новая практическая оріентировка въ сложной соціальной жизни, новое, болѣе глубокое пониманіе современной классовой борьбы", что его опредѣленіе есть „строгая и нелицепріятная дефиниція, однимъ жестомъ срывающая

Какъ видимъ, г. Е. Лозинскій хочетъ выпутаться изъ нелѣпаго положенія, изъ своей измѣны соціально-экономическому взгляду на интеллигенцію при приложеніи его къ махаевцамъ; хочетъ выпутаться путемъ постояннаго подчеркиванія того, что лишь „немногіе, крайне немногіе“ интеллигенты могутъ быть махаевцами, ибо ангельская нелицепріятность — удѣлъ весьма немногихъ избранныхъ. Эти подчеркиванія не достигаютъ своей цѣли. Во первыхъ они вполнѣ голословны, ибо махаевское самовосхваленіе не есть аргументъ и еще меньшимъ аргументомъ могутъ служить психологическія переживанія г. Е. Лозинскаго при его переходѣ въ махаевщину. Это разъ. Во-вторыхъ махаевщина совершенно напрасно старается выставить на первый планъ количественный критерій и совершенно пренебрегаетъ критеріемъ качественнымъ: небольшая группа избранныхъ, своего рода соль интеллигенціи, можетъ оказаться весьма вліятельной соціальной группой... Все дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, не въ числѣ, а въ принципѣ; и никакими средствами махаевщинѣ не соскоблить и не замазать своего признанія соціально-этическаго критерія наряду съ соціально-экономическимъ. А, наконецъ, въ третьихъ: если махаевщина, какъ партія, и можетъ теперь усѣсться на одномъ диванѣ, то черезъ пять-десять лѣтъ она, быть можетъ, будетъ имѣть въ своихъ рядахъ тысячи и десятки тысячъ убѣжденныхъ ею и ангельски нелицепріятныхъ интеллигентовъ. Какъ быть тогда? Вѣдь всѣ эти тысячи махаевцевъ будутъ утверждать, что

маску со лжи и лицемѣрія, одной легкой, но и острой, какъ стрѣла формулой поражающая въ самое сердце данную зазнавшуюся и во лжи зарвавшуюся общественную силу“ и т. п. („Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 9, 127 и др.). Скромная самооцѣнка!..

интеллигенція есть господскій, эксплуататорскій классъ, и что лишь одни они, махаевцы, являются истинно-пролетарскими, внѣклассовыми идеологами; однимъ словомъ, они будутъ говорить о себѣ то самое, что теперь говорятъ о себѣ марксисты и что махаевщина считаетъ „классовымъ надувательствомъ“... Такимъ образомъ, у махаевщины есть и будетъ два критерія: одинъ, соціально-этическій — для себя; другой, соціально-экономическій — для соціалистовъ. Интеллигентъ-соціалистъ — врагъ пролетаріата, интеллигентъ-махаевецъ — его другъ; не будетъ ли даже для пролетаріата подозрительно подобное подраздѣленіе, тѣмъ болѣе, что гг. махаевцы живутъ такимъ же „гонораромъ“, „жалованьемъ“ или „содержаніемъ“, какъ и всѣ прочіе интеллигенты не-махаевцы?

Фактъ налицо: исходя изъ опредѣленной догматической предпосылки — соціально-экономическаго пониманія интеллигенціи — махаевщина, въ лицѣ г. Е. Лозинскаго, „додумала до конца“ это соціально-экономическое пониманіе, но додумала лишь вплоть до того мѣста, гдѣ рѣчь начинаетъ идти о ней самой, о махаевщинѣ; тутъ она немедленно совершила скачекъ на совершенно иную плоскость — соціально-этическую, объявила себя деклассированной и истинно-пролетарской... Однимъ словомъ, передъ нами буквальное повтореніе марксистскихъ утвержденій о деклассированности соціалъ-демократизма, этого истинно-пролетарскаго вѣроученія. Но если махаевщина заявляетъ, что подобную непослѣдовательность марксизма надо объяснить тѣмъ, что марксизму невыгодно продолжать далѣе логическое развитіе соціально-экономическаго пониманія интеллигенціи, то, надо думать, буквально то же самое примѣнимо и

къ махаевщинѣ. Поэтому намъ приходится продолжать за нее далѣе чтеніе письма, прекращенное ею въ томъ мѣстѣ, гдѣ идетъ рѣчь уже о ней самой и гдѣ продолжать чтеніе ей невыгодно; намъ надо „додумать до конца“ за махаевщину соціально-экономическое пониманіе интеллигенціи въ его примѣненіи именно къ махаевщинѣ. Это можно сдѣлать примѣрно такимъ образомъ: соціализмъ требуетъ обобществленія средствъ и орудій производства, махаевщина — того же самаго плюсъ обобществленіе знаній и уравненіе доходовъ; но не ясно ли, что если первый идеалъ есть классовое надувательство, то не менѣе вульгарнымъ классовымъ надувательствомъ является и идеалъ махаевщины? Она думаетъ достичь имъ соціальнаго равенства, но не ясно ли, что соціальное равенство недостижимо, пока нѣтъ равенства физическаго и умственнаго? Не ясно ли, что пока есть возможность существованія талантовъ и геніевъ, до тѣхъ поръ соціальное равенство есть бредъ и утопія? Идеалъ пролетаріата есть не обобществленіе средствъ матеріальнаго и умственнаго производства, а достиженіе полнаго и матеріальнаго и умственнаго равенства, идеалъ пролетаріата есть не махаевщина, а шигалевщина! „Каждый принадлежитъ всѣмъ, а всѣ каждому... Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, не надо высшихъ способностей! Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ не быть деспотами и всегда развращали болѣе, чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями—вотъ шигалевщина!“

(Достоевскій, „Бѣсы“). Вотъ единственная истинно-пролетарская точка зрѣнія, все же остальное есть классовый обманъ и надувательство. Соціализмъ есть классовый идеалъ четвероногой интеллигенціи, махаевщина есть классовый идеалъ трехногой интеллигенціи, и только шигалевщина есть идеологія пролетаріата, истинно-пролетарскій классовый идеалъ. Поэтому всякій искренній другъ рабочихъ массъ, каждый деклассированный двуногій интеллигентъ долженъ всѣми силами бороться съ соціализмомъ, а еще болѣе съ махаевщиной, какъ съ болѣе хитрымъ обманомъ пролетаріата; онъ долженъ твердо помнить, что „махаевщина, при посредствѣ цѣлаго ряда тонкихъ разсчетовъ, стремится къ рафинированному и лицемѣрному надувательству рабочихъ массъ, къ надувательству дьявольски-хитрому, къ лицемѣрію изумительно искусно сотканному; она дурачитъ и растлеваетъ довѣрившихся ей рабочихъ, пользуясь самымъ вульгарнымъ бахвальствомъ, всевозможными обманными формулами и лживыми обѣщаніями. Во всѣхъ фразахъ махаевцевъ о равенствѣ скрывается фатальная внутренняя фальшь, а слезы ихъ о народномъ горѣ, о рабочемъ рабствѣ и т. п. суть слезы крокодила, пожирающаго свою жертву; на ихъ челѣ—явная печать Каина. Цѣль махаевщины—грабить и дурачить рабочія массы путемъ шуллерской подтасовки революціонныхъ задачъ, путемъ всевозможныхъ дьявольски-умныхъ и дьявольски-хитрыхъ средствъ обмана и надувательства“... Вотъ что такое махаевщина! Только шигалевцы являются истинными идеологами пролетаріата и... истинно деклассированными интеллигентами... Въ этомъ мѣстѣ и шигалевцы дѣлаютъ прыжокъ на соціально-этическую плоскость, такъ что дальнѣйшее чтеніе письма придется взять

на себя какой-нибудь еще болѣе истинно-пролетарской и еще болѣе ангельски-нелицепріятной интеллигентской группѣ... И такъ далѣе, ad indefinitum...

Извиняемся передъ читателями за этотъ небольшой шаржъ, а еще болѣе за рядъ грубыхъ ругательствъ по адресу махаевщины, приведенныхъ нами только что въ кавычкахъ; но дѣло въ томъ, что эти кавычки — небольшой плагіатъ, совершенный нами (дурные примѣры заразительны!) у г. Е. Лозинскаго: мы только буквально переписали по адресу махаевщины то, что разсѣяно въ книгѣ г. Е. Лозинскаго по адресу интеллигенціи, мы только собрали воедино этотъ ароматный букетъ... Объ этихъ маніакальныхъ обвиненіяхъ интеллигенціи мы еще скажемъ потомъ; теперь же возвращаемся къ нашей деклассированной и истинно-пролетарской махаевщинѣ и еще разъ подчеркиваемъ прежде всего типично-интеллигентскій характеръ этой идеологіи—безразлично какой, марксистской, махаевской или шигалевской; а затѣмъ— неизбѣжную сдачу на капитуляцію, въ концѣ концовъ, всѣми этими интеллигентскими доктринами соціально-экономическаго пониманія интеллигенціи — соціально-этическому. Дойдя до глухой стѣны, до рокового вопроса о самихъ себѣ, эти сторонники соціально экономическаго опредѣленія интеллигенціи, будь то махаевцы или марксисты, начинають выискивать для самихъ себя лазейку съ соціально экономической на соціально-этическую почву; дѣлаютъ же они это не потому, что имъ *невыгодно* примѣненіе къ самимъ себѣ соціально экономическаго критерія, а потому, что оно *немыслимо*, потому что на самихъ себѣ они видятъ воочію, что оно безсмысленно. Такъ совершается reductio ad absurdum основного догматическаго положенія о соціально-экономической сущности

всѣхъ общественныхъ группъ, въ томъ числѣ и интеллигенціи...

Прійдя къ такому результату, казалось бы, трудно не видѣть типичной „интеллигентской“ структуры этихъ теорій. И дѣйствительно, теперь, кажется, даже слѣпые начинаютъ прозрѣвать. Если среди марксистовъ есть еще многіе и многіе твердокаменные ортодоксы, которые твердо увѣрены, что марксизмъ есть „идеологія пролетаріата“, что они сами суть единые „идеологи истинно-пролетарскихъ массъ“, то зато многіе изъ марксистовъ—и наиболѣе выдающіеся изъ нихъ—мало по малу приходятъ къ убѣжденію, что самый марксизмъ есть „общественное теченіе въ опредѣленной части русской интеллигенціи“: это самоотверженно призналъ Старовѣръ-Потресовъ еще въ 1901 году. Въ самое послѣднее время, на лондонскомъ съѣздѣ русскихъ соціалъ-демократовъ, эту мысль еще болѣе откровенно высказалъ одинъ изъ ораторовъ словами: „русская соціалъ-демократія – это партія мелко-буржуазныхъ интеллигентовъ“... Мелко-буржуазны они или нѣтъ — это вопросъ другой; но несомнѣнно, что марксизмъ есть типично интеллигентская идеологія, подобно тому, какъ такой же интеллигентской идеологіей является и махаевщина; она есть (и не можетъ быть ничѣмъ инымъ) только нѣкоторое теченіе въ опредѣленной части русской интеллигенціи, махаевщина есть теченіе типично-интеллигентское... За этимъ теченіемъ мы признаемъ одну большую заслугу: махаевщина довела до крайнихъ предѣловъ — до абсурда — соціально-экономическое опредѣленіе интеллигенціи, дальше идти уже некуда; и, дойдя до послѣднихъ границъ экономизма, махаевщина volens-nolens заговорила объ ангельски нелицепріятныхъ интелли-

гентахъ-махаевцахъ, т.-е. совершила головоломный скачекъ въ область соціально-этическую... На этомъ скачкѣ махаевщина ломаетъ себѣ шею, но другого исхода у нея нѣтъ. Дѣйствительно, вспомнимъ, какъ махаевщина сражалась съ соціалъ-демократическимъ экономизмомъ и съ его кличемъ „долой интеллигенцію!“: махаевщина безапелляціонно заявляла, что призывъ этотъ былъ только маской, лицемѣріемъ для обмана рабочихъ массъ, ибо „долой интеллигенцію!“ кричали сами же интеллигенты... Но что отвѣтитъ махаевщина, если это обвиненіе обратить противъ нея самой? Вѣдь мы знаемъ, что господа махаевцы тоже интеллигенты и тоже кричатъ „долой интеллигенцію!..“; вѣдь все то, что махаевщина говорила про марксизмъ, можно обратить противъ нея самой... Махаевщина поняла, что единственный выходъ для нее—прыжокъ на соціально-этическую почву; отсюда всѣ эти увѣренія, что хотя-де мы, махаевцы, тоже интеллигенты, но интеллигенты „деклассированные“, „преодолѣвшіе“ свою „волчью породу“, отличающіеся „рѣдкимъ безкорыстіемъ и ангельской нелицепріятностью“...

IX.

Все предыдущее, думается намъ, достаточно ясно вскрываетъ и основную и производную махаевскую ошибку, которая и является первопричиной всѣхъ столь изобильныхъ махаевскихъ абсурдовъ, парадоксовъ и рогатыхъ силлогизмовъ.

Въ чемъ главная ошибка махаевщины, общая ей съ марксизмомъ?—Отвѣтъ ясенъ изъ всего предыдущаго: въ приложеніи экономическаго критерія къ соціально-этической концепціи, каковой является

„интеллигенція“. Соціально-этическое строеніе интеллигенціи можно доказывать путемъ прямыхъ доказательствъ; но въ соціологіи, какъ и въ математикѣ, наиболѣе наглядными являются всегда „доказательства отъ-противнаго“. Въ данномъ случаѣ такимъ великолѣпнымъ доказательствомъ отъ-противнаго является махаевщина: она исходитъ изъ марксистскаго соціально-экономическаго пониманія интеллигенціи, нелѣпость котораго требуетъ еще доказательствъ, и, развивая вполнѣ логично это пониманіе до конца, до предѣла (чего не рискуетъ дѣлать марксизмъ), махаевщина приходитъ къ явному абсурду, заставляющему ее рѣшиться на головоломный скачекъ. Это и является блестящимъ доказательствомъ ошибочности исходнаго пункта, въ этомъ и заключается значеніе махаевщины, какъ доказательства отъ-противнаго того положенія, что *интеллигенція есть группа соціально-этическая.*

Отсюда вытекаетъ и вторая ошибка махаевщины, ошибка, извѣстная подъ названіемъ „quaternio terminorum“ и состоящая въ томъ, что махаевщина пытается подвести подъ одну и ту же соціально-экономическую категорію „интеллигенціи“ двѣ совершенно различныхъ соціально-этическихъ группы. Совершивъ всѣми правдами и неправдами такое подведеніе, она вдругъ совершаетъ ловкій volte-face и ставитъ себя внѣ такого соціально-экономическаго опредѣленія... Этимъ она безсознательно вскрываетъ ошибочность своей основной точки зрѣнія и указываетъ на необходимость болѣе точнаго и болѣе узкаго опредѣленія интеллигенціи. Есть интеллигенція и интеллигенція: distinguendum est inter et inter... Чтобы не впасть въ ошибку quaternio terminorum необходимо отличать не только „интеллигенцію“ отъ

„культурнаго общества“ (чего упорно не желаетъ дѣлать А. Вольскій), но и „интеллигенцію“ отъ „умственныхъ работниковъ“ (на что упорно закрываетъ глаза г. Е. Лозинскій).

Не всякій „культурный человѣкъ“ есть представитель „интеллигенціи“, ибо культурное общество характеризуется только извѣстнымъ уровнемъ знаній и тѣхъ чисто внѣшнихъ признаковъ, которые относятся не къ области этики, а къ области „парикмахерской цивилизаціи“, по безсмертному выраженію Рѣшетникова; интеллигенція же характеризуется, по не менѣе извѣстному выраженію, не уровнемъ знанія, а уровнемъ сознанія и цѣлымъ рядомъ чисто внутреннихъ этическихъ признаковъ. Уже Лавровъ, впервые давшій соціально-этическое опредѣленіе интеллигенціи, ясно видѣлъ разницу между этимъ „культурнымъ обществомъ“ и интеллигенціей (критически мыслящими личностями); онъ указывалъ, что никакой уровень знаній не даетъ „культурному“ человѣку права на принадлежность къ группѣ интеллигенціи, если не выполненъ нѣкоторый этико-соціологическій минимумъ условій. Къ этой группѣ „культурнаго общества“ могутъ принадлежать (и бòльшей частью принадлежатъ) самые разнообразные „культурные люди“ и самые разнообразные „умственные работники“, начиная съ какого-нибудь конторщика, проходя черезъ профессора и академика, черезъ получающаго десятки тысячъ инженера, и кончая какимъ-нибудь первымъ министромъ — если всѣ они одинаково не обладаютъ основными этико-соціологическими запросами. Наоборотъ, къ интеллигенціи могутъ одинаково принадлежать и физическіе и умственные рабочіе, и „культурные“ и „некультурные“ (въ вышеуказанномъ смыслѣ) люди, и ученые профессора и полу-грамотные рабочіе, если всѣ они удовлетворяютъ нѣкоторому соціально-этическому критерію [1]).

Буквально то же самое можно повторить и относительно ошибочности смѣшенія „интеллигенціи“ и „умственныхъ рабочихъ“. Этимъ особенно отличается г. Е. Лозинскій, который исходитъ изъ опредѣленія „интеллигенція есть классъ умственныхъ работниковъ“; онъ не видитъ, что тождество „умственные работники = интеллигенціи“ есть вполнѣ догматическое положеніе, которое онъ нигдѣ не доказываетъ, а принимаетъ за самоочевидное. Поэтому, *если бы* даже все остальное въ его „критико-соціологическомъ опытѣ“ было совершенно неопровержимо, то и въ такомъ случаѣ, очень далекомъ отъ истины, онъ доказалъ бы не то, что „интеллигенція есть классъ“, а только то, что „умственные работники есть классъ“, что особый классъ умственныхъ работниковъ составляютъ инженеры, химики, директора, управляющіе, адвокаты, журналисты, нотаріусы, цѣлая армія бюрократіи, учителя, ученые, артисты, художники... (см. „Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 168). Дѣйствительно ли, однако, всѣ эти „умственные работники“ и есть интеллигенція—объ этомъ г. Е. Лозинскій не задумывается; а въ этомъ именно и лежитъ центръ тяжести вопроса; не рѣшивъ его г. Е. Лозинскій, прицѣлившись своей книгой въ интеллигенцію, попадаетъ, въ лучшемъ случаѣ, въ какое то другое мѣсто... Онъ дѣлаетъ при этомъ видъ, что никакихъ сомнѣній нѣтъ

[1]) Позволю себѣ отослать читателей къ своему очерку „Что такое интеллигенція?“, во введеніи къ первому тому „Исторіи русской общественной мысли“ (см. т. I, стр. 1—10); тамъ болѣе подробно развиты затрогиваемыя здѣсь положенія.

и не можетъ быть въ томъ, что „умственные работники“ и „интеллигенція“—синомимы; любопытны съ этой точки зрѣнія его возраженія г. Изгоеву. Послѣдній, какъ мы указывали (см. выше стр. 17), впервые высказалъ положеніе, что „умственные работники“ составляютъ собою особый соціальный классъ; но въ то же время онъ ясно видѣлъ догматичность и болѣе того--невозможность отождествленія этихъ умственныхъ работниковъ съ интеллигенціей. Поэтому, установивъ существованіе класса „умственныхъ работниковъ“, г. Изгоевъ вполнѣ логично (а по мнѣнію г. Лозинскаго — „совершенно неожиданно“), заявляетъ: „постараемся выдѣлить изъ него ту соціальную группу, которую можно назвать интеллигенціей“... Мы знаемъ, что это выдѣленіе г. Изгоевъ совершаетъ неудачно, считая признакомъ интеллигенціи „учительство“; но это нисколько не мѣшаетъ правильности самого принципа выдѣленія. Это приводитъ въ негодованіе г. Е. Лозинскаго: „итакъ умственный работникъ не есть еще интеллигентъ... -- негодующе восклицаетъ онъ: -- зачѣмъ понадобилось ему (г. Изгоеву) непремѣнно «выдѣлить» изъ найденнаго имъ же класса умственныхъ работниковъ какую-то еще особую, крайне идеальную группу—интеллигенцію? по какому праву“... и т. д. (ibid., стр. 134—136). Прежде всего тутъ любопытно то, что г. Е. Лозинскому и въ голову не приходитъ задаться обратнымъ вопросомъ: а по какому праву самъ онъ, Евгеній Лозинскій, отождествляетъ умственныхъ работниковъ съ интеллигенціей? Ему и въ голову не приходитъ, что onus probandi лежитъ на его сторонѣ... Но даже оставивъ это въ сторонѣ, мы можемъ вполнѣ просто отвѣтить на негодующіе „почему?“ г-на Е. Лозинскаго:

выдѣленіе интеллигенціи изъ „класса“ умственныхъ работниковъ совершается именно „потому“, „почему“ и г. Е. Лозинскій выдѣляетъ изъ „класса“ интеллигенціи „деклассированныхъ“ интеллигентовъ въ особую группу [1])... Не всякій умственный рабочій принадлежитъ къ интеллигенціи, ибо умственнаго рабочаго характеризуетъ уровень знанія, а интеллигенцію—уровень сознанія, можемъ мы повторить еще разъ.

Выводъ изъ предыдущаго не трудно сформулировать. „Классъ“ умственныхъ рабочихъ (буде таковой существуетъ), равно какъ и все „культурное общество“ мы съ радостью отдаемъ на съѣденіе махаевщинѣ, не проливъ въ защиту этой quasi-интеллигенціи ни одной капли чернилъ. Но увы! эта quasi-интеллигенція даже *не соціалистична*! и махаевщина, по всей вѣроятности, съ пренебреженіемъ отвернется отъ такого нелакомаго куска... Что-же касается до интеллигенціи, то она, къ великому огорченію махаевщины, является *внѣклассовой* группой! Правда, ортодоксальные марксисты утверждаютъ, что чистопробная „echt“-интеллигенція — это они, идеологи „истинно-пролетарскихъ“ массъ, а махаевцы съ неменьшимъ апломбомъ требуютъ для однихъ себя званія сверхъ-интеллигенціи и „деклассированныхъ интеллигентовъ“,—но дѣло не въ этихъ притязаніяхъ, а въ общемъ признаніи нѣкотораго этическаго кри-

[1]) Приводимъ кстати и отвѣтъ самаго г. Изгоева на „почему?“ г-на Е. Лозинскаго: „когда вы говорите, что интеллигенція рекрутируется изъ умственныхъ работниковъ, это вѣрно и понятно. Здѣсь вы оперируете въ широкихъ рамкахъ, такъ что законно можете не обращать вниманія на переходныя формы. Но называя интеллигенціей умственныхъ работниковъ, вы непремѣнно должны указать границы“... („Русск. Мысль“, 1907 г. № 4).

терія для нѣкоторой соціальной группы. И марксисты, и махаевцы одинаково принадлежатъ къ внѣклассовой группѣ интеллигенціи, нравится имъ это или не нравится: c'est de la prose, monsieur Jourdain!..

Отсюда между прочимъ очевидна ошибочность основного махаевскаго утвержденія, что соціализмъ есть идеологія интеллигенціи, ея классовый идеалъ. Интеллигенція, какъ внѣклассовая группа, есть группа крайне разнородная и отнюдь не связанная одной общей идеологіей. Бакунинъ и Лавровъ, Л. Толстой, Кропоткинъ и Михайловскій, гг. Плехановъ и Милюковъ, Ленинъ и Вольскій — всѣ они являются представителями идеологій различныхъ группъ единой интеллигенціи; гдѣ ужъ тутъ говорить о соціализмѣ, какъ о классовомъ идеалѣ интеллигенціи! Чтобы избѣжать это затрудненіе, махаевщина прибѣгаетъ къ слѣдующему удивительному, опереточному пріему: она заявляетъ,

Que Celestin est Phloridor
Et Phloridor est Celestin,

что соціализмъ есть анархизмъ, а анархизмъ есть соціализмъ... „Анархисты такіе же соціалисты, какъ и соціалъ-демократы“ — этимъ утвержденіемъ махаевщина храбро разрубаетъ гордіевъ узелъ, и ничтоже сумняся начинаетъ говорить объ анархистскихъ соціалистахъ и соціалистическихъ анархистахъ (А. Вольскій, „Бурж. рев. и раб. дѣло“, стр. 22, 32, 105, 110 и др.)... Едва-ли такой пріемъ поможетъ махаевщинѣ подвести всю интеллигенцію подъ одинъ общій уровень и объявить, что соціализмъ является общимъ классовымъ идеаломъ этой разнородной группы. Но уступимъ махаевщинѣ въ этомъ очень важномъ для нея пунктѣ; согласимся, что громадное

большинство внѣклассовой интеллигенціи является соціалистичнымъ по общему складу своего міровоззрѣнія. Тутъ возникаютъ вопросы, на которые махаевщина продолжаетъ давать чисто опереточные отвѣты. Если соціализмъ есть классовый (по мнѣнію махаевщины) идеалъ внѣклассовой (по доказанному выше) интеллигенціи, то — независимо отъ нелѣпости вышеприведенной формулировки — какимъ образомъ идеалъ этотъ раздѣляется громадными массами входящими въ составъ другихъ классовъ? Какимъ образомъ пролетаріатъ (чтобы не говорить о „русскомъ трудовомъ крестьянствѣ“) идетъ „подъ знаменемъ соціализма“? Отвѣтъ махаевщины крайне простъ и мы съ нимъ уже знакомы: интеллигенція „надуваетъ“ пролетаріатъ, она проводитъ „небывалое еще въ исторіи классовой борьбы надувательство“, она составила сознательный заговоръ Краснаго Интернаціонала на погибель всѣмъ рабочимъ массамъ; „одурачиваніе рабочихъ массъ никогда еще не совершалось въ такомъ грандіозномъ масштабѣ, никогда, даже во времена Лойолы, не изобрѣтались такія дьявольски-умныя средства обмана и надувательства, господства и духовнаго порабощенія, какими оперируетъ весь могучій генеральный штабъ международной соціалъ-демократіи“ (Е. Лозинскій, „Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 115). И все это говорятъ люди, которые еще вчера сами были соціалъ-демократами и соціалъ-революціонерами!.. Если бы гг. махаевцы — сколько ихъ теперь ни есть — вспомнили бы свое прошлое, то едва-ли бы они стали съ такой... развязностью, выражаясь мягко, бросать въ лицо всѣмъ инако мыслящимъ обвиненіе въ лицемѣріи, сознательномъ надувательствѣ и т. п. Интересно спросить литературныхъ представителей

махаевщины, гг. А. Вольскаго и Е. Лозинскаго: когда первый изъ нихъ былъ соціалъ-демократомъ, а второй соціалъ-демократомъ, соціалистомъ революціонеромъ или кѣмъ онъ тамъ былъ, то сознательно или безсознательно „надували“ они пролетаріатъ? или быть можетъ только они двое и были не-лицемѣрны въ своемъ исповѣданіи соціализма?

Конечно, прижатые такимъ образомъ къ стѣнѣ, махаевцы съ негодованіемъ заявятъ, что ихъ утвержденія относятся ко всему *классу* интеллигенціи, а не къ ея отдѣльнымъ представителямъ, что соціалисты, какъ общее правило, не стремятся „надувать“ рабочія массы, но неизбѣжно дѣлаютъ это безсознательно, руководимые своимъ классовымъ инстинктомъ... Такъ и отвѣчаетъ г. Е. Лозинскій, прижатый къ стѣнѣ: „я оперирую—заявляетъ онъ—не съ индивидами, а съ общественными категоріями“ („Противъ Теченія“, № 1, стр. 13); но отвѣчая такъ онъ попадаетъ изъ огня въ полымя, такъ какъ самъ же подчеркиваетъ свою основную ошибку—гипостазированіе класса, олицетвореніе общественныхъ категорій. Эту старую, давнымъ давно вскрытую ошибку „энгельсированнаго гегельянства“ г. Е. Лозинскій ничто-же сумняся кладетъ во главу угла своего отношенія къ интеллигенціи; онъ настойчиво и на всѣ лады повторяетъ свою любимую мысль, что интеллигенція (допустимъ—какъ классъ) вполнѣ сознательно ведетъ вотъ уже сто лѣтъ свою нечистую игру, надувая рабочія массы. Какъ можетъ нѣкоторый классъ вполнѣ сознательно „вести игру“, если отдѣльные индивиды класса не сознаютъ этого—это секретъ г. Е. Лозинскаго; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что если г. Е. Лозинскій и не желаетъ обвинять въ сознательномъ лицемѣріи всѣхъ до одного интеллигентовъ-соціалистовъ, то онъ вполнѣ категорически обвиняетъ въ такомъ сознательномъ лицемѣріи всю интеллигенцію, какъ классъ... Это что то больное, маніакальное... Подумать только: вся соціалистическая интеллигенція составляетъ одинъ громадный тайный союзъ, грандіозную масонскую ложу, для сознательнаго обмана рабочихъ массъ; союзъ этотъ думаетъ одно, а говоритъ другое... Развѣ это не годится прямо въ любую оперетку, если не въ любой психіатрическій журналъ? Когда мы читаемъ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ изданіяхъ клятвенныя увѣренія, что интернаціональная масонская ложа хочетъ погубить Россію путемъ соціализма, что революцію въ Россіи дѣлаютъ жиды на англо-японскія деньги, то мы смѣемся и вспоминаемъ Поприщина съ его утвержденіемъ, что луну дѣлаютъ въ Гамбургѣ; невольно то же самое приходится неоднократно вспоминать, читая вольско-лозинскія утвержденія объ интеллигенціи. Да и что другое можетъ прійти на умъ, когда мы читаемъ, что „интеллигенція, какъ классъ... *необходимо* и *неукоснительно* (курс. г. Е. Лозинскаго), *при посредствѣ цѣлаго ряда тонкихъ разсчетовъ* (курс. нашъ) и блестящихъ своимъ «благородствомъ» лозунговъ, стремится использовать рабочую борьбу въ видахъ торжества своихъ собственныхъ господскихъ интересовъ“, что интеллигенція пользуется своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ другими классами вообще и надъ пролетаріатомъ въ особенности для того, „чтобы *задумать, привести въ дѣйствіе и довести до счастливаго конца..* небывалое еще въ исторіи классовой борьбы надувательство“ (курс. нашъ), что только одна прикосновенность къ этому надувательству и лицемѣрію можетъ заставить кого бы то ни

было думать будто интеллигенція „не используетъ этой своей силы въ интересахъ своего господства, не обнаружитъ *самыхъ высшихъ степеней лицемѣрія*, не покажетъ міру *самыхъ рафинированныхъ формъ надувательства*“ (курс. нашъ; см. „Что-же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 24, 59, 75). Подчеркнутыя нами фразы не могутъ вызвать недоразумѣній: онѣ слишкомъ настойчиво и опредѣленно выставляютъ на видъ несомнѣнную *сознательность* коварныхъ махинацій класса интеллигенціи; вѣдь „цѣлый рядъ тонкихъ разсчетовъ“, „высшія степени лицемѣрія“, „самыя рафинированныя формы надувательства“, „задумываніе, приведеніе въ дѣйствіе и доведеніе до счастливаго конца небывалаго надувательства“—вѣдь все это уже не „классовый инстинктъ“, не „самообманъ“ (какъ пытается въ двухъ мѣстахъ своей книги оправдаться г. Е. Лозинскій: см. ibid., стр. 123 и 210), это уже вполнѣ сознательная адская махинація... Такова именно мысль г. Е. Лозинскаго; по крайней мѣрѣ онъ не устаетъ разными способами подчеркивать сознательность этого лицемѣрнаго и рафинированнаго надувательства интеллигенціей пролетаріата. Упорно, настойчиво, маніакально г. Е. Лозинскій твердитъ на разные лады о „хитросплетенномъ заговорѣ соціалистической интеллигенціи противъ рабочаго обездоленнаго народа“, о „дьявольски-хитрыхъ повадкахъ интеллигенціи“, объ ея „дьявольски-хитрыхъ замыслахъ“, о „круговой порукѣ дальнозоркихъ авгуровъ“-интеллигентовъ, о святомъ соблюденіи ими классовой интеллигентской *тайны* (курс. г. Е. Лозинскаго), объ ихъ попыткахъ „тонкими хитросплетеніями... *скрыть, утаить*“ истину отъ пролетаріата, о новомъ „небываломъ еще по геніальности замысла колоссальномъ обманѣ безпомощныхъ, въ конецъ одураченныхъ рабочихъ массъ“, о „дьявольски-хитрой, геніально-припрятанной сущности современнаго соціалистическаго движенія“ и т. д., и т. д... (ibid., стр. 74, 77, 194, 214, 239 и др.; „Итоги парламентаризма“ стр. 4). Щадя читателей мы приводимъ только небольшую часть этого ароматнаго букета; мы могли бы увеличить число такихъ выдержекъ втрое и вчетверо, мы могли бы дополнить ихъ подобными же менѣе многочисленными, но не менѣе характерными цитатами изъ произведеній А. Вольскаго (см. напр. „Бурж. рев. и раб. дѣло“ стр. 20, 47, 63, 83 и др.; „Умств. раб.“, ч. III, в. I, стр. 35 и др.). Но довольно съ насъ и всего приведеннаго выше, чтобы видѣть, что махаевщина настойчиво подчеркиваетъ сознательный характеръ адски-хитрыхъ махинацій интеллигенціи... Это невѣроятно, это уже входитъ въ область не соціологіи, а медицины; — но это фактъ, это глубокое убѣжденіе гг. Вольскаго и Лозинскаго... И для того, чтобы отрѣзать себѣ всякое отступленіе съ этого пути, г. Е. Лозинскій говоритъ о *заговорѣ*, изумительно хитро сотканномъ интеллигенціей противъ рабочихъ массъ: „заговоръ этотъ—подчеркиваетъ самъ г. Е. Лозинскій—*есть заговоръ современной соціалистической интеллигенціи всего міра*“ („Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“, стр. 76). Въ другомъ мѣстѣ, разоблачая „искусно запрятанные цѣли, планы и разсчеты“ коварныхъ интеллигентовъ-соціалистовъ, г. Е. Лозинскій еще болѣе опредѣленно заявляетъ: „*не съ «заблуждающимися» мы имѣемъ тутъ дѣло, а съ тонкими политиками, дьявольски-умно ведущими свою линію*“... („Итоги парламентаризма“, стр. 83; курс. нашъ). Все это достаточно опредѣ-

ленно и не возбуждаетъ сомнѣній въ смыслѣ утвержденій махаевщины: какъ видимъ, махаевщина дѣйствительно убѣждена, что вся соціалистическая интеллигенція всего міра составила заговоръ и образуетъ собою громадный тайный союзъ для лицемѣрнаго и рафинированнаго надувательства рабочихъ массъ...

Возражать на всю эту маніакальную сторону махаевщины мы, разумѣется. не будемъ, хотя бы изъ одного чувства самоуваженія; къ тому же излѣчить гг. махаевцевъ отъ ихъ маніи едва ли является возможнымъ. Намъ только интересно было бы узнать, что сказали бы гг. махаевцы, если бы мы объяснили махаевщину, какъ „дьявольски-хитрый“, „геніально-лицемѣрный“, „рафинированно-надувательскій“ и адски-провокаторскій замыселъ и заговоръ для отвлеченія рабочихъ отъ интеллигенціи, т.-е. если бы мы заявили, что махаевщина это просто новая варіація зубатовщины... Такое объясненіе тѣмъ болѣе возможно, что махаевщина въ настоящее время, поскольку она враждебна соціализму, идетъ рука объ руку съ реакціей и ближе всего подходитъ къ „ушаковцамъ“, „независимцамъ“ и блаженной памяти зубатовщинѣ. Если понимать махаевщину такъ, то она являлась бы именно гнуснѣйшимъ „надувательствомъ“ рабочихъ массъ и къ ней было бы примѣнимо отъ слова до слова все то, что махаевщина адресуетъ интеллигенціи. Однако, мы рѣшительно отказываемся примѣнять въ борьбѣ съ махаевщиной этотъ упрощенный и истинно-махаевскій пріемъ; поэтому же самому мы отказываемся возражать махаевщинѣ на ея универсально-опереточные аргументы, заподозривающіе интеллигенцію въ обманахъ, неискренности, лицемѣріи, надувательствахъ и всякой

„моральной пакости“... Весь этотъ ушатъ грязи опрокидывается на головы самихъ же махаевцевъ, и во всякомъ случаѣ не мы будемъ помогать имъ счищать съ себя эту нравственную грязь. Что же касается убѣжденія г. Е. Лозинскаго въ существованіи всеобщаго „заговора“ интеллигенціи противъ пролетаріата, въ сознательномъ лицемѣріи и обманѣ ею рабочихъ массъ, то пусть онъ остается при этомъ убѣжденіи; мы со своей стороны можемъ только повторить ему въ нѣсколько измѣненномъ видѣ совѣтъ, данный уже нами его учителю, А. Вольскому: „ich rate dir zuerst Clinicam Medicam“, г. Е. Лозинскій! Ибо всякія убѣжденія здѣсь безсильны...

Но если это такъ, если обоимъ и пока единственнымъ литературнымъ представителямъ махаевщины необходимо прежде всего совмѣстное посѣщеніе Collegium Logicum и Clinicam Medicam, то стоило ли намъ такъ долго останавливаться на махаевщинѣ? Мы думаемъ, что стоило. Мы видимъ въ махаевщинѣ крайне характерное теченіе русской интеллигентской мысли, мы видимъ въ махаевщинѣ блестящее разрѣшеніе стараго вопроса „что такое интеллигенція?“, рѣшеніе, въ корнѣ разрушающее самоё махаевщину. Мы видѣли, что въ этомъ своемъ центральномъ вопросѣ махаевщина есть блестящее reductio ad absurdum основныхъ положеній правовѣрнаго марксизма, — признаніе интеллигенціи классомъ, при немедленномъ выдѣленіи самой себя изъ этого класса. Въ нежеланіи и неумѣніи различить этико-соціологическую концепцію въ понятіи интеллигенціи отъ соціально-экономической была вѣчная ошибка ортодоксальнаго марксизма; махаевщина является для послѣдняго своего рода карающей Немезидой. Значеніе махаевщины — отрицательное: она

показываетъ, какъ *не надо* понимать интеллигенцію, доводя до крайнихъ предѣловъ соціально-экономическое ея пониманіе. Въ этомъ ея первое и главное значеніе. Второе значеніе махаевщины мы видимъ въ ея протестѣ противъ того поссибилизма и оппортунизма, который свойственъ правымъ фракціямъ соціализма; правда, и этотъ свой протестъ махаевщина доводитъ до абсурда, но такова уже ея обычная участь. Это не мѣшаетъ справедливости основного положенія, извѣстнаго, впрочемъ, уже съ давнихъ поръ: къ соціализму присоединяются разные Mitläufer'ы, которымъ столь же много дѣла до конечныхъ цѣлей соціализма, какъ и до прошлогодняго снѣга. Это обстоятельство является показателемъ опасности для соціализма—возможности существованія того „буржуазнаго соціализма", о которомъ говорилъ еще Герценъ. Наконецъ, махаевщина есть одинъ изъ симптомовъ того, что человѣческая мысль не остановится на соціализмѣ, если въ соціализмѣ она не найдетъ осуществленія своихъ идеаловъ правды-справедливости; махаевщина вполнѣ безсознательно вскрываетъ то положеніе, особенно подчеркивавшееся въ русской общественной мысли Достоевскимъ, что соціализмъ не есть конечная цѣль человѣчества. И послѣ обобществленія средствъ и орудій производства и послѣ обобществленія знаній человѣческая мысль будетъ неизбѣжно идти впередъ, къ достиженію новыхъ, еще болѣе далекихъ идеаловъ. Но независимо отъ этого, всегда въ человѣческой мысли будетъ теченіе, играющее чисто разрушительную роль того „джентльмена съ ретроградной и насмѣшливой физіономіей" (изъ „Записокъ изъ подполья" Достоевскаго), который, уперевъ руки въ боки, всегда готовъ отправить къ чорту „всѣ

эти логариѳмы", т.-е. весь соціализмъ, чтобы „по своей глупой волѣ пожить".. „И вѣдь непремѣнно послѣдователей найдетъ: такъ человѣкъ устроенъ"— иронизируетъ Достоевскій. Намъ кажется, что все это примѣнимо и къ подпольному теченію махаевщины: и она найдетъ послѣдователей, которые, вмѣстѣ съ гг. Вольскимъ и Лозинскимъ, упрутъ руки въ боки и пожелаютъ „по своей глупой волѣ пожить"...

Какъ бы то ни было, но намъ казалось интереснымъ остановить вниманіе читателей на томъ рядѣ вопросовъ, которые возбуждаются при знакомствѣ съ махаевщиной; мы видѣли, кромѣ того, что изученіе махаевщины является удобнымъ путемъ для рѣшенія вопроса о томъ, что такое интеллигенція; это главное, на что мы еще разъ хотѣли бы обратить вниманіе читателей въ заключеніе нашего очерка. Въ махаевщинѣ мы имѣемъ доведеніе до крайнихъ предѣловъ соціально экономическаго пониманія интеллигенціи. Марксизмъ всегда говорилъ да не договаривалъ—и не изъ-за какихъ-либо „дьявольски-хитрыхъ" побужденій, какъ старается объяснить это махаевщина, а исключительно потому, что предчувствовалъ и предвидѣлъ всю логическую несуразицу своего неизбѣжнаго конечнаго вывода. Но вотъ пришла махаевщина; пришла, договорила до конца и тѣмъ самымъ воочію обнаружила логическую несостоятельность такого соціально - экономическаго опредѣленія. Махаевщина—это reductio ad absurdum соціально-экономическаго опредѣленія интеллигенціи и лучшее доказательство отъ противнаго необходимости соціально-этическаго ея опредѣленія и пониманія.

ЧТО ТАКОЕ «КАЮЩІЕСЯ РАЗНОЧИНЦЫ»?

Къ вопросу о «Вѣхахъ».

I.

Статья «Что такое махаевщина» была написана и вышла въ свѣтъ въ 1907 году. Съ тѣхъ поръ и махаевщина не двинулась впередъ [1]), и взгляды наши на нее существенно не измѣнились; тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ еще разъ вернуться къ прежней темѣ—къ вопросу объ интеллигенціи,—поставить точки надъ і, договорить до конца, съ тѣмъ, чтобы больше уже не возвращаться къ этому вопросу.

Итакъ—еще объ интеллигенціи и, надѣемся, въ послѣдній разъ объ интеллигенціи. Теперь вопросъ этотъ поставленъ еще болѣе остро, чѣмъ два года тому назадъ: за послѣднее время сильно прошумѣлъ «сборникъ статей о русской интеллигенціи»—«Вѣхи», выходящій въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ четвертымъ изданіемъ и вызвавшій цѣлую бурю очень несочувственной и иногда очень при-

---

1) Махаевская литература увеличилась, не считая мелкихъ листовокъ, только книгой г. Е. Лозинскаго «Итоги и перспективы рабочаго движенія», Спб. 1909 г.; новыхъ открытій въ ней не имѣется. Вышелъ кромѣ того сборникъ махаевскихъ статей въ заграничномъ изданіи («Рабочій Заговоръ». Сентябрь—октябрь 1907 г., № 1), крайне слабый по содержанію.

страстной и несправедливой полемики. Теперь, кажется, страсти уже нѣсколько успокоились; тѣмъ болѣе причинъ для попытки подведенія нѣкоторыхъ итоговъ. А если прибавить, что между «вѣхистами» (разрѣшите такой неологизмъ) и «махаевцами» есть масса общаго по тенденціи, несмотря на все различіе путей,—то наша рѣчь о «вѣхистахъ» явится вполнѣ естественнымъ эпилогомъ нашего изслѣдованія махаевщины. Скажемъ заранѣе: и въ махаевцахъ и въ «вѣхистахъ» мы видимъ представителей новаго зарождающагося любопытнаго типа *кающихся разночинцевъ*—типа, впервые появляющагося въ такомъ количествѣ въ наши дни и заслуживающаго вниманія всѣхъ интересующихся русскимъ общественнымъ развитіемъ.

Объ этомъ, впрочемъ, послѣ. Прежде чѣмъ говорить о кающихся разночинцахъ и «вѣхистахъ», намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о нераскаянныхъ марксистахъ... Необходимо еще разъ, и въ послѣдній разъ, вернуться къ нашему пониманію *интеллигенціи*, проведенному въ предыдущей статьѣ, и выяснить кое-какія недоразумѣнія, созданныя въ этомъ вопросѣ марксизмомъ. Обосновавъ новыми аргументами соціально-этическое пониманіе «интеллигенціи», мы съ этой почвы перейдемъ къ разбору новыхъ нападеній на интеллигенцію со стороны типичныхъ интеллигентовъ, кающихся разночинцевъ [1]).

---

[1]) Нижеслѣдующія главы II—IV были читаны на засѣданіи Спб. Литературнаго Общества 26 апрѣля 1908 г.

II.

Несмотря на различныя возраженія, намъ не приходится брать обратно ни одного слова изъ статьи о махаевщинѣ. Правда, кое о чемъ мы сказали бы теперь иначе, чѣмъ два года тому назадъ: такъ, напримѣръ, мы подробнѣе остановились бы на нѣкоторыхъ положительныхъ сторонахъ махаевщины, о чемъ тогда сказали только нѣсколько словъ (см. выше, стр. 158), подробнѣе остановились бы мы на выясненіи связи махаевщины съ революціоннымъ синдикализмомъ,—вѣдь вся махаевщина есть не что иное, какъ истинно-русскій синдикализмъ. Но все это мелочи и не въ нихъ дѣло: весь вопросъ о махаевщинѣ мы подняли главнымъ образомъ, если не исключительно, для выясненія понятія «интеллигенціи»; махаевщина для насъ была способомъ приведенія къ абсурду соціально-экономическаго пониманія «интеллигенціи» марксизмомъ и доказательствомъ отъ противнаго ея соціально-этическаго строенія. Мы убѣдились, что ошибочность соціально-экономическаго опредѣленія интеллигенціи блестяще вскрывается самими махаевцами, самими марксистами, когда они отказываются примѣнить *къ самимъ себѣ* этотъ соціально экономическій критерій, когда они ломаютъ себѣ шею при salto-mortale съ соціально-экономической на соціально-этическую почву. Они начинаютъ тогда безпомощно лепетать что-то объ «идеологахъ», которые-де составляютъ только «исключеніе» изъ общаго правила; а между тѣмъ именно объ этомъ «исключеніи» у насъ и идетъ

рѣчь, именно этихъ «идеологовъ» мы и называемъ «интеллигенціей». Но марксисты не конфузятся этихъ противорѣчій и продолжаютъ съ начала повторять старую сказку про... твердокаменнаго марксиста. Попрежнему пытаются они свое ученіе «честно и нескверно соблюсти», попрежнему опредѣляютъ интеллигенцію соціально-экономически, попрежнему запутываются въ сѣтяхъ противорѣчій и попрежнему ищутъ спасенія на соціально-этической почвѣ. Остановимся на разборѣ еще одного такого примѣра марксистскаго пониманія интеллигенціи.

Любопытное обстоятельство: нѣкоторые ортодоксальные марксисты, вслѣдъ за основателемъ махаевщины А. Вольскимъ, готовы признать теперь дѣленіе современнаго общества только на два класса—эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, собственниковъ средствъ и орудій производства и владѣльцевъ рабочей силы; мало того, эти марксисты клятвенно завѣряютъ, что именно таковъ всегда былъ взглядъ «основоположниковъ марксизма», Маркса и Энгельса, что «въ этомъ—символъ вѣры марксизма..., въ этомъ—все научное содержаніе философіи соціальнаго прогноза марксизма» («Образованіе», 1908 г., № 3; статья г. Д. Зайцева: «Марксизмъ и махаевщина. Къ вопросу объ интеллигенціи»). Но вѣдь это же буквально то самое, что усиленно проповѣдуетъ не кто иной, какъ «основоположникъ махаевщины»! Просмотрите выше, стр. 33—34, 78—82—и вы убѣдитесь въ трогательномъ совпаденіи марксистскихъ и махаевскихъ взглядовъ. Разница только въ томъ, что А. Вольскій считаетъ «умственныхъ рабочихъ» владѣльцами средствъ производства (ибо «знанія суть средства производства») и тѣмъ самымъ включаетъ

эту группу высоко-квалифицированныхъ рабочихъ, группу «умственныхъ работниковъ», въ классъ эксплуатирующихъ, а не эксплуатируемыхъ. Но тутъ мы встрѣчаемся съ еще болѣе курьезнымъ обстоятельствомъ: одинъ изъ самыхъ ортодоксальнѣйшихъ ортодоксовъ, enfant terrible марксизма, г. В. Шулятиковъ утверждаетъ, какъ мы видѣли выше, что *знанія* суть именно средства производства, а не рабочая сила (см. выше, стр. 124). Вотъ и разберитесь тутъ въ марксистскихъ истинахъ! Два марксиста въ суммѣ даютъ самаго типичнаго махаевца!

Но, быть можетъ, это только «отдѣльныя мнѣнія» отдѣльныхъ марксистовъ; оставимъ ихъ въ покоѣ, тѣмъ болѣе что центръ тяжести интересующаго насъ вопроса лежитъ не въ томъ или иномъ дѣленіи общества на классы и группы. Пусть въ обществѣ будетъ пять классовъ, какъ утверждаетъ г. Е. Лозинскій, пусть ихъ будетъ двадцать пять, пусть въ немъ будетъ только два класса—ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ вопросъ объ интеллигенціи нами еще не разрѣшенъ. Но мы готовы временно согласиться *съ любымъ* изъ этихъ построеній, ибо мы, исходя изъ любого изъ нихъ, докажемъ неизбѣжность перехода съ экономической почвы на этическую, лишь только дѣло коснется интеллигенціи. Мы доказали это въ предъидущей статьѣ на примѣрѣ махаевщины и построеній г. Е. Лозинскаго (см. выше, стр. 122—144); теперь мы сдѣлаемъ это на только-что отмѣченной схемѣ двухчленнаго дѣленія общества,—схемѣ, въ которой заключено (шутка сказать!) «все научное содержаніе философіи соціальнаго прогноза марксизма»...

Вотъ эта схема. Современное общество дѣлится только на два класса—буржуазію и пролетаріатъ; эти классы въ свою очередь дѣлятся на различныя группы. Классовая борьба ведется между отдѣльными группами классовъ, сознаніе общности интересовъ идетъ мало-по-малу отъ мелкихъ группъ къ болѣе крупнымъ, отъ крупныхъ группъ къ классамъ. Такъ, напримѣръ, сознаніе общности мѣстныхъ интересовъ рабочихъ данной фабрики съ теченіемъ времени переходитъ въ сознаніе общности интересовъ данной профессіи, а позднѣе—въ сознаніе общности интересовъ рабочихъ вообще. Когда это сознаніе восходитъ на такую болѣе высокую ступень, то появляются носители и проявители этого сознанія, появляется *интеллигенція данной группы.* Каждая соціальная группа имѣетъ такую *свою* интеллигенцію, а потому интеллигенція вообще есть только сумма такихъ разногрупповыхъ «интеллигенцій». Отсюда опредѣленіе: «*интеллигенція есть разнородная общественная категорія, состоящая изъ представителей различныхъ соціальныхъ группъ, входящихъ въ классы буржуазіи и пролетаріата, и характеризуемая сознаніемъ своихъ соціально-групповыхъ интересовъ*» («Образованіе», 1908 г., № 3, стр. 68). Схема эта, какъ видитъ читатель, нисколько не хуже всякой другой: мало того, въ ней есть даже и вполнѣ пріемлемые нами элементы.

Дѣйствительно, мы не имѣемъ никакихъ возраженій по существу противъ подобной схемы; вся разница только въ терминологіи: то, что гг. марксисты именуютъ *интеллигенціей* данной группы, мы называемъ *идеологами* ея и вполнѣ соглашаемся, что каждая изъ соціально-экономическихъ группъ

имѣетъ такихъ своихъ идеологовъ, выразителей интересовъ данной группы. Вы видите такимъ образомъ трогательную картину единодушія и единогласія сторонника «субъективизма» съ «объективными соціологами». Что это значитъ? Значитъ ли это, что мы поражены доводами марксизма и потому измѣнили свои взгляды? Нѣтъ, разгадка тутъ другая: дѣло въ томъ, что наши объективные соціологи до сихъ поръ еще совершенно не подошли къ основанію проблемы, а разгуливали въ той области, гдѣ у насъ съ ними нѣтъ разногласій. О групповыхъ «идеологахъ» мы говорили и въ настоящей книжкѣ, называя махаевцевъ идеологами Lumpen-proletariat'а, и въ «Исторіи русск. общ. мысли» мы связывали, напримѣръ, сентиментализмъ съ идеологіей средняго дворянства конца XVIII вѣка и т. п. И если гг. объективные соціологи желаютъ называть этихъ групповыхъ идеологовъ «интеллигенціями», а сумму ихъ—«интеллигенціей», то на это ихъ добрая воля; но гдѣ же здѣсь опроверженіе «субъективно-этической» (по выраженію марксистовъ) точки зрѣнія на интеллигенцію? Мы говоримъ: существуютъ классовые идеологи, а кромѣ того есть и внѣклассовая интеллигенція; а наши оппоненты переименовываютъ «идеологовъ» въ «интеллигенцію» и думаютъ, что опровергнули этимъ опредѣленіе внѣклассовой интеллигенціи...

III.

Итакъ, мы утверждаемъ, что классовые идеологи — сами по себѣ, а внѣклассовая интелли-

генція—сама по себѣ. Казалось бы ясно, чтó должны отвѣчать на это наши марксисты: никакой внѣклассовой интеллигенціи нѣтъ и не можетъ быть, а только классовые идеологи и составляютъ именно соціально-групповую интеллигенцію. Такъ они дѣйствительно и отвѣчаютъ, какъ мы это видѣли выше. Но... опять появляется тутъ это маленькое, роковое «но»! Но вдругъ марксисты заводятъ рѣчь о какихъ-то «идеологахъ», о «людяхъ, не помнящихъ родства», о тѣхъ людяхъ, которые являются «представителями истинно-пролетарскихъ массъ». Что же это такое? внѣклассовая интеллигенція? Нѣтъ, это только «идеологи»... Что сей сонъ значитъ? Ларчикъ открывается просто: *то, что мы называемъ классовыми идеологами, марксисты переименовали въ «интеллигенцію», а то, что мы называемъ внѣклассовой интеллигенціей марксисты именуютъ «идеологами»*. Что за удивительная терминологическая кадриль и chassez-croisez понятій!

Какъ видите, вмѣсто спора о вещахъ мы рискуемъ запутаться въ спорѣ о словахъ. Во избѣжаніе этого—бросимъ всѣ эти термины, чтобы не заблудиться съ гг. марксистами въ четырехъ соснахъ: интеллигенція въ одномъ смыслѣ, «интеллигенція» въ другомъ смыслѣ, идеологи въ одномъ смыслѣ, «идеологи» въ другомъ смыслѣ... Дѣло не въ словахъ, а въ понятіяхъ: то, чтó мы называемъ идеологами, а марксисты именуютъ «интеллигенціей» — назовемъ теперь *соціально-экономическимъ явленіемъ P;* то, чтó мы называемъ интеллигенціей, а марксисты именуютъ «идеологами» —обозначимъ черезъ *соціально-этическое явленіе R* [1]). Ясно, что, опредѣляя интеллигенцію (см. выше, стр. 168), марксисты говорятъ о соціально-экономическомъ явленіи *P*, а мы въ своемъ опредѣленіи интеллигенціи (см. «Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. 10) говоримъ о соціально-этическомъ явленіи *R*; вотъ почему эти два опредѣленія, какъ мы видѣли выше, прекрасно уживаются одно рядомъ съ другимъ. Но такъ какъ гг. марксисты неизбѣжно вынуждены допустить и соціально-этическое явленіе *R*, то понятно, почему они безсильны опрокинуть наше пониманіе внѣклассовой интеллигенціи.

[1]) Читатель увидитъ ниже, что въ эту группу R входятъ въ дѣйствительности не всѣ «идеологи», а только часть ихъ,—«герои духа и меча», по марксистскому выраженію.

Напомнимъ еще разъ, въ чемъ узелъ вопроса. Мы утверждаемъ, что всѣ «объективные соціологи»—будь то марксисты, махаевцы и tutti quanti—опредѣляя интеллигенцію *соціально-экономически*, неизбѣжно и неотвратимо понимаютъ ее въ то же время и *соціально-этически* (см. выше, стр. 132—160). Обращая свое исключительное вниманіе на соціально-экономическое явленіе *P*, гг. «объективисты» не могутъ не видѣть, что рядомъ съ нимъ имѣетъ мѣсто и соціально-этическое явленіе *R*,—явленіе, открыть которое заставляетъ ихъ хотя бы одинъ только методъ самонаблюденія. Правда, гг. объективисты стараются затушевать свое логическое грѣхопаденіе утвержденіемъ, что это явленіе *R* (понимай: «идеологи истинно-пролетарскихъ массъ»)—только *исключеніе* изъ общаго правила... Ну, что-жъ! Исключеніе такъ исключеніе, не будемъ и тутъ спорить о словахъ; но такъ какъ «исключеніе» это заключаетъ въ себѣ не малую группу людей всѣхъ классовъ, людей, стоящихъ на нѣ-

которомъ уровнѣ этическаго сознанія, то мы и назовемъ это «исключеніе» — соціально-этическимъ явленіемъ R. Что кроется подъ этимъ условнымъ обозначеніемъ — не все ли равно! Для насъ $R=$ интеллигенція, для марксистовъ $R=$ «идеологи», «исключеніе» — дѣло не въ словѣ, а въ понятіи. Важно то обстоятельство, что и господа «объективные соціологи» признаютъ такое соціально-этическое явленіе R, какъ бы они его ни называли.

А что гг. объективисты это соціально-этическое явленіе R признаютъ—доказательства этого читатели уже имѣли выше (стр. 132 — 144). Мы уже видѣли, какъ гг. объективисты пытаются удержаться на соціально-экономической плоскости, какъ имъ неудается свое ученіе «чисто и нескверно соблюсти», какъ неизбѣжно ихъ грѣхопаденіе—сдача на капитуляцію соціально-этическому воззрѣнію. Вотъ еще одинъ примѣръ.

Мы привели выше (стр. 168) марксистское опредѣленіе «интеллигенціи», какъ нѣкотораго соціально-экономическаго явленія P, и видѣли, какъ марксисты тутъ же заводятъ рѣчь объ «идеологахъ»; то-есть о соціально-этическомъ явленіи R. Впрочемъ и здѣсь они пытаются сперва удержаться на соціально-экономической почвѣ. Что такое «идеологъ»? «Идеологъ»—слышимъ мы въ отвѣтъ—есть также выразитель классоваго и соціально-групповаго сознанія, но сознанія *чужой ему группы*. Всякій «идеологъ» — «интеллигентъ», но не всякій «интеллигентъ» - «идеологъ» [1]). «Интеллигентъ» выражаетъ

[1]) Мы съ этимъ совершенно согласны, если только устроить chassez-croisez понятій, или если выразить это въ условной формѣ: всѣ R суть P, но не всѣ P суть R.

собою сознаніе той самой соціальной группы, къ которой онъ принадлежитъ экономически; «идеологъ» же экономически принадлежитъ не къ той группѣ, классовые интересы которой онъ защищаетъ. Въ этомъ вся разница. Слѣдовательно, каждый классъ, каждая группа имѣетъ свою «интеллигенцію», да сверхъ того и примкнувшихъ къ ней «идеологовъ», выходцевъ изъ другихъ соціальныхъ группъ («Образованіе», 1908 г., № 3, стр. 69).

Прекрасно. Не будемъ пока возражать, а только иллюстрируемъ эту схему наглядными примѣрами. Въ семидесятыхъ годахъ графъ Орловъ-Давыдовъ проповѣдывалъ обезземеленіе крестьянъ и учрежденіе майоратовъ для блага группы крупныхъ землевладѣльцевъ — онъ былъ, слѣдовательно, «интеллигентомъ» этой группы; а какой - нибудь Аскоченскій, не принадлежавшій къ этой группѣ, но защищавшій ея интересы—былъ «идеологомъ» ея. Въ настоящее время какой-нибудь сановный черносотенецъ является «интеллигентомъ» своей группы, а разные Крушеваны, Сашки Косые, монахи Иліодоры—«идеологами» все той же соціальной группы, къ которой сами они не принадлежатъ. Крестьянинъ Сютаевъ—«интеллигентъ» крестьянства, а Левъ Толстой — его «идеологъ». Какой-нибудь пролетарій марксистъ — «интеллигентъ» а Энгельсъ и Марксъ—«идеологи». Итакъ, Левъ Толстой, Аскоченскій, Марксъ, Крушеванъ, Энгельсъ, Сашка Косой, — все это «идеологи» различныхъ соціальныхъ группъ; вотъ вамъ примѣръ полнаго научнаго безстрастія, строго научнаго объективизма, ставящаго на одну линію Льва Толстого съ Аскоченскимъ и Маркса съ Сашкой Косымъ. Мы еще твердо стоимъ, какъ видите, на почвѣ соціально-

экономическаго пониманія явленій, безъ всякихъ малодушныхъ уступокъ этическому критерію...

Но, увы! тутъ-то и наступаетъ моментъ неизбѣжнаго марксистскаго грѣхопаденія, моментъ фатальнаго прыжка на соціально-этическую почву. «Этотъ прыжокъ—говорили мы—они (марксисты, махаевцы и вообще гг. объективные соціологи) совершаютъ какъ-разъ въ томъ пунктѣ пути, гдѣ заходитъ рѣчь о примѣненіи соціально-экономическаго опредѣленія интеллигенціи *къ нимъ самимъ*» (см. выше, стр. 132). Послушайте, что̀ отвѣчаютъ на это марксисты, — приведемъ большую цитату. «Этотъ излюбленный пріемъ критики этическихъ субъективистовъ обнаруживаетъ поразительную безпомощность ихъ оріентироваться въ сложныхъ проявленіяхъ соціальной жизни. «Родись я принцемъ или княземъ,—писалъ Лассаль 15-лѣтнимъ юношей, — я былъ бы аристократомъ и душой и тѣломъ. Я цѣловалъ бы красавицъ. Но такъ какъ я человѣкъ невысокаго происхожденія, то современемъ я буду демократомъ». Этимъ, какъ общее правило, опредѣляется сознаніе людей. Но въ исторіи человѣчества мы знаемъ яркія фигуры героевъ духа и меча (?)—Т. Мора, Р. Оуэна, Сенъ-Симона, Ф. Энгельса, мы, русскіе, знаемъ трогательный типъ кающагося дворянина, всѣ свѣтлыя черты котораго нашли завершеніе въ жизни Лизогуба; эти люди—крупные землевладѣльцы и фабриканты—могли цѣловать красавицъ, могли пировать за столомъ жизни, но они предпочли отдать всѣ свои силы, жизнь, состояніе на служеніе интересамъ демократіи и пролетаріата, предпочли уйти съ пира жизни и погибнуть на эшафотѣ за торжество своихъ идеаловъ. Почему и какъ появляются

эти люди-идеологи? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ вопросомъ: почему и какъ на общемъ уровнѣ среднихъ способностей появляются, съ одной стороны, геніи и таланты, а съ другой—идіоты и кретины? Слѣдовательно (?) вопросъ объ идеологахъ принадлежитъ къ тому же порядку, къ той же категоріи вопросовъ, что̀ и вопросъ о геніяхъ и талантахъ. Отвѣтить на эти вопросы при современномъ состояніи науки невозможно. Приходится поэтому лишь констатировать фактъ, что интеллигенты различныхъ соціальныхъ группъ переходятъ на сторону интересовъ соціальныхъ группъ другихъ классовъ, сознаютъ и воспринимаютъ эти интересы и превращаются въ идеологовъ. Но идеологи, такъ же какъ и таланты, не правило, а исключеніе» («Образованіе», 1908 г., № 3, стр. 70) [1]).

Присмотритесь поближе къ этой характерной аргументаціи. Мы слышали отъ гг. объективистовъ, что «идеологи»—это вообще всѣ выразители соціально-групповаго сознанія чуждыхъ (по происхожденію) группъ; «идеологами» оказались въ такомъ случаѣ Крушеванъ рядомъ съ Марксомъ и монахъ Иллiодоръ рядомъ съ Львомъ Толстымъ... Мы подивились такому примѣрному безстрастію гг. объектистовъ, но оказалось, что нѣсколько поспѣшили со своимъ удивленіемъ. Дѣйствительно, теперь мы знаемъ точнѣе, кого марксисты называютъ «героями духа и меча»: это Р. Оуэнъ, Д. Лизогубъ и имъ подобные. Но позвольте! Куда же дѣвались Сашки Косые, Крушеваны и Аскоченскіе—

[1]) См. аналогичныя мысли г. Г. Плеханова въ его статьѣ «Идеологія мѣщанина нашего времени», «Совр. Міръ», 1908 г. № 6, стр. 125—127. Объ этой статьѣ см. въ нашей книгѣ «Литература и общественность», стр. 108—203.

столь же несомнѣнные «идеологи» чуждыхъ имъ классовъ? Тутъ уже воочію раскрывается, что искусственно (и мы сказали бы даже: кощунственно) соединивъ воедино монаха Илліодора со Львомъ Толстымъ, Крушевана съ Дмитріемъ Лизогубомъ и Сашку Косого съ Карломъ Марксомъ, гг. объективисты не были въ состояніи удержаться на этой невозможной точкѣ зрѣнія; совершенно непроизвольно, быть можетъ безсознательно, они отдѣлили Р. Оуэна съ Д. Лизогубомъ одесную, а Крушевана и Илліодора—ошую, и отдѣленіе это молчаливо произведено именно при помощи этическаго критерія! Да, Р. Оуэнъ или Д. Лизогубъ могли пировать за столомъ жизни, но они предпочли уйти «въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви» и отдали всю свою жизнь борьбѣ за великіе идеалы. Сущность этихъ внѣклассовыхъ, обще-человѣческихъ идеаловъ, опредѣленный уровень соціально-этическаго сознанія ихъ носителей—вотъ что́ характеризуетъ этихъ людей, составляющихъ «соціально-этическое явленіе *R*», вотъ что́ отдѣляетъ отъ нихъ неизмѣримою пропастью всѣхъ этихъ идеологовъ въ кавычкахъ и безъ кавычекъ. И однимъ этимъ выдѣленіемъ и обособленіемъ «героевъ духа и меча» гг. объективисты уже расписались въ своей безпомощности, въ безсиліи измѣрить всѣ явленія своимъ универсальнымъ экономическимъ аршинчикомъ. Заговоривъ о «герояхъ духа и меча», гг. объективисты совершили неизбѣжный прыжокъ съ соціально-экономической на соціально-этическую почву, признали volens-nolens существованіе соціально-этическаго явленія *R*, т.-е. существованіе *внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи, характеризуемой творчествомъ новыхъ формъ и идеаловъ и активнымъ проведеніемъ ихъ въ жизнь въ направленіи къ физическому и умственному, общественному и личному освобожденію личности.* А подчеркнутая фраза—это именно наше опредѣленіе интеллигенціи, которое марксисты такъ ожесточенно оспариваютъ... Фактъ существованія соціально-этическаго явленія *R* настолько ясенъ, что даже гг. объективисты, прогнавъ его въ дверь, тутъ же немедленно впускаютъ его въ окно. Такъ было—такъ будетъ...

Но тутъ же они пытаются замести слѣды, пробуютъ затемнить такое свое слишкомъ ясное признаніе. Они заставляютъ своихъ воображаемыхъ оппонентовъ задать имъ почему-то слѣдующій вопросъ: почему и какъ появляется это соціально-этическое явленіе *R*? И, какъ мы видѣли, сами побѣдоносно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: наука-де еще не дошла до отвѣта на вопросъ—«почему и какъ» появляются геніи и таланты, а значитъ точно такъ же нѣтъ отвѣта и на вопросъ о происхожденіи «героевъ духа и меча»... Итакъ, происхожденіе «соціально-этическаго явленія *R*» такъ же необъяснимо, какъ и происхожденіе генія или таланта. Очень хорошо, но вотъ только въ чемъ бѣда: никто, рѣшительно никто и не требуетъ чтобы гг. объективисты объяснили происхожденіе Оуэновъ и Лизогубовъ; дѣло вовсе не въ *происхожденіи*, а только въ *существованіи* этого соціально-этическаго явленія *R*! Вѣдь именно этотъ самый фактъ существованія марксисты и оспаривали! Это явленіе существуетъ *какъ фактъ*—и если гг. объективисты вынуждены признать его, то чего же вамъ болѣе? А они вынуждены къ такому признанію: «приходится поэтому—слышали

мы выше—лишь *констатировать фактъ*, что интеллигенты... превращаются въ идеологовъ»; мало того—приходится, какъ мы видѣли, волей-неволей признать, что идеологъ идеологу—рознь, что есть «идеологи» Аскоченскіе, а есть и «идеологи» Лизогубы, есть какіе-то «герои духа и меча», есть какой-то соціально-этическій критерій, отдѣляющій Лизогубовъ отъ Аскоченскихъ. И всѣ «объективные соціологи» кончаютъ безпомощнымъ признаніемъ той самой этической точки зрѣнія, съ которой они такъ ожесточенно и такъ неудачно воюютъ.

IV.

Соціально-этическое явленіе *R*—фактъ, съ которымъ гг. объективисты вынуждены примириться. Тогда они начинаютъ атаку съ другой стороны. Гдѣ границы, опредѣляющія это явленіе?—спрашиваютъ они. Гдѣ критерій, позволяющій рѣшать, принадлежитъ человѣкъ къ этой внѣклассовой интеллигенціи или нѣтъ? А затѣмъ: едина эта интеллигенція или же представляетъ изъ себя сумму различныхъ группъ, различныхъ воззрѣній?—Нѣтъ, эта интеллигенція не едина по своему отношенію къ окружающему; она идетъ разными путями и подъ разными знаменами, въ ея средѣ идетъ постоянная борьба по вопросу о средствахъ борьбы, о путяхъ достиженія цѣли; но эту интеллигенцію объединяетъ этическій уровень ея сознанія, этихъ «героевъ духа и меча» (по характеристикѣ самихъ же господъ объективныхъ соціологовъ) объединяетъ общая борьба съ общимъ врагомъ за творчество новыхъ формъ жизни, за физическое и духовное освобожденіе личности.

Но такое «субъективно-этическое» опредѣленіе интеллигенціи не удовлетворяетъ господъ объективистовъ. «...Опредѣленіе очень хорошее,—иронизируетъ одинъ изъ нихъ:—жаль только, что для правильнаго подведенія людей подъ эту формулу необходимо создать особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ г. Иванова-Разумника»... («Рѣчь», 1908 г., № 77). Вотъ обычное возраженіе; пунктомъ minoris resistentiae при этомъ служитъ то мѣсто изъ настоящей книжки, гдѣ я говорю о разнообразіи интеллигентскихъ теченій, указывая въ видѣ примѣра на имена Бакунина и Лаврова, Л. Толстого, Кропоткина и Михайловскаго, гг. Плеханова и Милюкова, Ленина и Вольскаго (стр. 150). «Въ этомъ перечнѣ именъ по недоразумѣнію пропущены г. Меньшиковъ и князь Мещерскій»,—иронизируетъ по этому поводу другой объективный соціологъ («Соврем. Міръ», 1908 г., № 1, стр. 142); и третій объективный соціологъ тоже ехидно спрашиваетъ, отчего бы не прибавить къ этому ряду именъ—имена Пуришкевича, Булацеля, Грингмута, Пихно, Крушевана, Гурлянда, Юзефовича и tutti frutti... («Образованіе», 1908 г., № 3, стр. 47). Да, въ самомъ дѣлѣ, отчего не прибавить?

Позвольте на этотъ вопросъ отвѣтить прежде всего тоже вопросомъ: отчего вы, господа объективисты, дѣлите категорію «идеологовъ» на козлищъ и овецъ, на «идеологовъ» court et simple и на какихъ-то «героевъ духа и меча»? Почему «герой духа и меча»—г. Плехановъ, напримѣръ, а не г. Меньшиковъ или монахъ Илліодоръ? Гдѣ ваши *объективныя* основанія для такого дѣленія? Это именно тотъ пунктъ пути, гдѣ объективные соціологи совершаютъ прыжокъ съ «объективной»,

соціально-экономической почвы на «субъективную», соціально-этическую. И когда послѣ этого слышишь отъ нихъ обвиненія въ «субъективной» условности критерія, то невольно хочется спросить, пародируя слова Писарева: «ну, а вы, возвышенные объективисты, вы въ чемъ варите себѣ пищу—въ горшкѣ или въ Бельведерскомъ кумирѣ?» И какъ это ни грустно, но приходится отвѣтить, что ни одинъ «объективистъ», будь онъ хоть семи пядей во лбу, въ Бельведерскомъ кумирѣ себѣ пищи не сваритъ...

Несомнѣнно: характеристика и ограниченіе соціально-этическаго явленія *R* неизбѣжно имѣетъ въ себѣ элементъ субъективности; элементъ этотъ заключается въ той предпосылкѣ, которую мы кладемъ въ основаніе нашего отношенія къ интеллигенціи. А именно: что̀ назовемъ мы обще-человѣческимъ идеаломъ, стремленіе къ которому характеризуетъ интеллигенцію? На этотъ вопросъ мы имѣемъ единогласный отвѣтъ: человѣчество стремится къ физическому и духовному самораскрѣпощенію, причемъ (говоря сказанными по другому поводу словами Михайловскаго) безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все то, что̀ задерживаетъ это движеніе, а нравственно, справедливо, полезно и разумно все то, что̀ ускоряетъ его. И если вы еще разъ поставите теперь вопросъ—почему не входятъ въ соціально-этическую группу *R* разные гг. Крушеваны, Мещерскіе, Меньшиковы и имъ подобные, то мы отвѣтимъ вамъ, что проповѣдывать и устраивать еврейскіе погромы, насаждать культъ розги, сѣять щедрою рукою сѣмена человѣконенавистничества и племенной вражды—не совсѣмъ однозначно со стремленіемъ къ физическому и духовному раскрѣпощенію человѣчества,

съ творчествомъ новыхъ формъ и идеаловъ, съ борьбой за общественное и личное освобожденіе человѣка Это «субъективизмъ»? Пусть; но, господа, въ этомъ печномъ горшкѣ варимъ себѣ пищу и мы, «этическіе субъективисты», и вы, «объективные соціологи», какъ ни хотѣлось бы вамъ варить себѣ пищу въ Бельведерскомъ кумирѣ... Пусть это «субъективизмъ», пусть любой Крушеванъ можетъ заявить: «нѣтъ, это я стремлюсь къ раскрѣпощенію человѣчества, къ новымъ формамъ жизни, я—истинный представитель интеллигенціи...» И эти же самые крушеваны (беру это слово, какъ имя нарицательное) назовутъ разбойниками, грабителями и убійцами тѣхъ людей, которыхъ вы именуете «героями духа и меча»: вѣдь это тоже только «субъективное» ваше мнѣніе, какъ мы видѣли выше... Но словамъ крушевановъ мы противопоставляемъ дѣла ихъ—и потому не придаемъ ихъ лживымъ словамъ и фарисейскимъ увѣреніямъ никакого значенія: «по дѣламъ ихъ познаете ихъ».

Вотъ почему, думается мнѣ, не придется созывать никакой «комиссіи подъ предсѣдательствомъ г. Иванова-Разумника» для опредѣленія границъ интеллигенціи. Правда, мы взяли слишкомъ рѣзкій примѣръ; восходя отъ низовъ русской политической мысли все выше и выше вверхъ, мы все болѣе и болѣе будемъ подходить къ тѣмъ областямъ, гдѣ разнорѣчія становятся болѣе возможными, такъ какъ «соціально этическое явленіе *R*» не можетъ быть ограничено рѣзкими демаркаціонными линіями. Это несомнѣнно такъ. Но тутъ любопытно вотъ что̀: гг. объективисты обращаются къ намъ съ требованіемъ такого строгаго разграниченія, сами же считаютъ себя свободными отъ

такой обязанности. Когда имъ самимъ приходится производить такое разграниченіе, то мы слышимъ отъ нихъ признанія въ родѣ слѣдующихъ: «интеллигенція (есть) своеобразная формація безъ опредѣленныхъ очертаній»; или: «провести разграничительную черту—...невозможно» (см. выше, стр. 16). И это совершенно неоспоримо: интеллигенція дѣйствительно есть своеобразная формація безъ опредѣленныхъ очертаній; границы ея мы можемъ только намѣтить, только очертить общими штрихами. Болѣе того: наши субъективныя воззрѣнія могутъ оказывать нѣкоторое вліяніе на ту или иную группировку; въ частностяхъ возможны разногласія, которыхъ не примирятъ никакія «комиссіи», но это не мѣшаетъ отсутствію разногласій въ главномъ, въ общемъ. Исходя изъ даннаго опредѣленія интеллигенціи и стоя на почвѣ соціально-этической группировки явленій, мы всѣ, конечно, признáемъ, что къ интеллигенціи принадлежалъ Радищевъ, а не Шешковскій; Николай Тургеневъ, а не Голенищевъ-Кутузовъ; Пестель, а не Магницкій; Пушкинъ, а не Руничъ; Бѣлинскій, а не Булгаринъ; Грановскій, а не Никитенко; Герценъ, а не Аскоченскій; Левъ Толстой, а не Буренинъ; Михайловскій, а не Меньшиковъ,—и такъ далѣе, и такъ далѣе. И какъ ни различны міровоззрѣнія Хомякова, Герцена, К. Аксакова и Бѣлинскаго, но всѣ они—представители единой интеллигенціи, объединенные общей любовью и общей ненавистью (по словамъ самого Герцена), объединенные творческими исканіями и борьбой.

Этимъ мы можемъ закончить нашъ разговоръ съ гг. объективистами. Еще и еще разъ мы убѣдились, что, отрицая на словахъ этическую точку

зрѣнія, на дѣлѣ они впускаютъ черезъ заднюю дверь своего міровоззрѣнія разныхъ «героевъ духа и меча» и тѣмъ самымъ фатально становятся на почву соціально-этической группировки явленій. Они могутъ сдѣлать еще сотню попытокъ объяснить интеллигенцію соціально-экономически, но мы уже заранѣе можемъ намѣтить общій ходъ этихъ попытокъ. Во всѣхъ ихъ все будетъ идти благополучно до нѣкотораго пункта—до неизбѣжнаго появленія «героевъ духа и меча»,—гдѣ гг. объективисты неизбѣжно споткнутся и совершатъ salto-mortale на соціально-этическую почву. На этой почвѣ они встрѣчаются съ нами, точно такъ же, какъ и мы встрѣчаемся съ ними на почвѣ соціально-экономической, когда говоримъ о «соціально-экономическомъ явленіи *P*». Но мы, кромѣ того, признаемъ наличность другого «соціально-этическаго явленія *R*», которое мы называемъ интеллигенціей, которое гг. объективисты отрицаютъ и къ которому въ концѣ концовъ приходятъ, вводя въ свое міровоззрѣніе подъ разными именами разныхъ «безкорыстныхъ идеологовъ», «рѣдкихъ исключеній», «героевъ духа и меча». И это неизбѣжная участь всѣхъ объективистовъ, кто бы они ни были; мы видѣли это на махаевцахъ, видимъ это и на марксистахъ.

V.

Крайности сходятся. Самые послѣдовательные и крайніе «объективисты», представители махаевщины, сошлись во взглядахъ на русскую интеллигенцію съ самыми ярыми врагами марксизма,

соединившимися сперва въ «Проблемахъ идеализма», а въ настоящее время — въ «Вѣхахъ». Гг. Бердяевъ, Булгаковъ, Кистяковскій, Струве, Франкъ—почти всѣ они бывшіе марксисты, всѣ они участники «Проблемъ идеализма» и всѣ они снова выступаютъ вмѣстѣ въ «Вѣхахъ», въ «сборникѣ статей о русской интеллигенціи». Книга эта — покаянная и въ то же время обличительная; въ соединеніи этихъ двухъ характерныхъ чертъ сказывается общность психологіи махаевцевъ и вѣхистовъ, какъ ни различны они по своимъ идеаламъ. Эта психологія опредѣляетъ собою любопытный современный типъ *кающагося разночинца*, о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

Шестидесятые годы выдвинули впередъ «разночинца» и завершили выработку типа «кающагося дворянина»; различныя комбинаціи характерныхъ чертъ этихъ типовъ опредѣляютъ собою воззрѣнія большинства русской интеллигенціи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Классическую характеристику этихъ типовъ далъ Михайловскій; выражая ее въ двухъ словахъ, мы скажемъ, что кающагося дворянина характеризуетъ *покаяніе*, а разночинца — *обличеніе*. Кающійся дворянинъ испытывалъ, говоря словами Михайловскаго, «чувство личной отвѣтственности за свое общественное положеніе», а разночинецъ признавалъ, наоборотъ, только чувство общественной отвѣтственности за свое личное положеніе. Вотъ почему «разночинецъ проклиналъ общественные порядки и условія, исковеркавшіе и изломавшіе его жизнь, и стремился къ ихъ измѣненію; кающійся же дворянинъ сперва обращалъ главное вниманіе на самосовершенство-

ваніе»... (см. «Ист. русск. общ. мысли», т. II, стр. 115 и др.).

Съ тѣхъ поръ прошло полъ-вѣка. Разночинецъ проклиналъ—и боролся; на своихъ плечахъ вынесъ онъ тяжелую борьбу семидесятыхъ годовъ, собирался съ силами въ покаянную эпоху восьмидесятыхъ годовъ, снова пошелъ впередъ подъ знаменемъ марксизма въ девяностыхъ годахъ. Грандіозная полувѣковая борьба—и какіе ничтожные, на первый взглядъ, результаты! Какая масса неудачъ, разочарованій, ошибокъ! И гдѣ же причина всего этого? Уже въ восьмидесятыхъ годахъ разночинцу говорили, что причина лежитъ въ немъ самомъ, призывали его къ покаянію. А теперь, послѣ «неудачи» 1905 года, сами разночинцы (какъ психологическій типъ) ищутъ причины ея въ себѣ самихъ, начинаютъ каяться—и въ то же время начинаютъ обличать всѣхъ своихъ соратниковъ. Появляются махаевцы—каются въ быломъ «обманѣ» и «надувательствѣ» народа и обличаютъ соціализмъ, изъ лона котораго они вышли; появляются «вѣхисты»—и заявляютъ, что «къ новому сознанію мы можемъ перейти лишь черезъ покаяніе и самообличеніе», что теперь наступаютъ «годы спасительнаго покаянія», что теперь «нужно покаяться, т.-е. пересмотрѣть, передумать и осудить свою прежнюю душевную жизнь» («Вѣхи», стр. 7, 26, 58 и др.). Какъ ни различны по цѣлямъ махаевцы и вѣхисты, но психологически—это проявленіе общаго типа *кающагося разночинца*; и махаевщина занимается установкой новыхъ вѣхъ, и сотрудники «Вѣхъ» являются представителями духовной махаевщины.

Типъ кающагося разночинца—не новый; онъ

формировался годами и даже проявлялся иногда; но только теперь кающійся разночинецъ появляется роемъ, стаей, массой, только теперь онъ начинаетъ говорить во всеуслышаніе, только теперь проявляетъ онъ передъ нами свои свойства. Это очень любопытно и характерно. Мы видимъ, что «возмущенная честь» разночинца отошла на второе мѣсто; онъ заразился теперь «уязвленной совѣстью» кающихся дворянъ. Но «уязвляетъ» себя теперь кающійся разночинецъ далеко не тѣмъ, чѣмъ язвилъ себя во время оно кающійся дворянинъ. Послѣдняго мучало, что онъ не въ силахъ выплатить свой долгъ народу, что онъ и предки его не стояли за народные *интересы*; теперь кающагося разночинца мучаетъ другое—его мучаетъ то обстоятельство, что онъ не раздѣлялъ *мнѣній* народа, не вѣрилъ народною вѣрою въ народныхъ боговъ. И вотъ махаевцы начинаютъ каяться, предаютъ проклятію общественную науку, себя самихъ—и ухватываются якобы за народное «мнѣніе», за всенивеллирующій бунтъ, не щадящій никакихъ культурныхъ цѣнностей. И вотъ, гг. «вѣхисты», типичные кающіеся разночинцы и духовные братья махаевцевъ, призываютъ къ покаянію и ухватываются за религіозныя вѣрованія народа (котораго они совершенно не знаютъ). И тѣ и другіе обрушиваются на «разночинную интеллигенцію»—т.-е. на самихъ себя во имя народнаго бога, такъ или иначе понимаемаго. Если прибавить къ этому, что и махаевцы и «вѣхисты» были когда то марксистами, то массовое появленіе кающагося разночинца выяснится намъ вполнѣ.

Мы остановимся подробнѣе на этомъ типѣ. О махаевщинѣ мы уже много говорили и оставимъ

теперь ее въ сторонѣ, тѣмъ болѣе что махаевщина является психологически довольно топорнымъ и примитивнымъ проявленіемъ чертъ кающагося разночинца. Въ утонченныхъ и культурныхъ формахъ черты эти проявились въ гг. «вѣхистахъ», которымъ мы и посвятимъ послѣдующія страницы. «Вѣхи»—это манифестъ кающагося разночинца.

VI.

Лейтъ-мотивъ этого манифеста кающихся разночинцевъ очень не сложенъ: «грѣхъ прошлаго» заключается въ признаніи примата общественныхъ формъ, спасеніе будущаго лежитъ въ исповѣданіи примата внутренней жизни. «...Идеологія русской интеллигенціи, всецѣло покоящаяся ...на признаніи безусловнаго примата общественныхъ формъ представляется (кающимся разночинцамъ) внутренно ошибочной, т.-е. противорѣчащей естеству человѣческаго духа, и практически безплодной, т.-е. неспособной привести къ той цѣли, которую ставила себѣ сама интеллигенція—къ освобожденію народа» («Вѣхи», стр. II). Такъ утверждаютъ кающіеся разночинцы. Утвержденіе это не особенно подтверждается хотя бы исторіей западной Европы, гдѣ «освобожденіе народа» всегда происходило именно «противорѣчащимъ естеству человѣческаго духа и практически безплоднымъ» путемъ борьбы за общественныя формы, а не путемъ личнаго самосовершенствованія. Такимъ образомъ, говорить о практической безплодности того пути, по которому только и доходили до практическихъ плодовъ—врядъ ли убѣдительно.

Но допустимъ, что вся міровая исторія намъ не указъ и обратимся къ тому пути, на который указываютъ намъ кающіеся разночинцы. Этимъ путемъ является «признаніе теоретическаго и практическаго первенства духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія, въ томъ смыслѣ, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человѣческаго бытія и что она, а не самодовлѣющія начала политическаго порядка, является единственно-прочнымъ базисомъ для всякаго общественнаго строительства» (ibid.).

Какъ видите, это не ново. Это все то же противопоставленіе *свободы внутренней* и *свободы внѣшней*, противопоставленіе содержанія и формы, «что» и «какъ», то самое противопоставленіе, по поводу котораго уже не разъ ломались копья. Кающіеся разночинцы имѣютъ за собой рядъ крупныхъ именъ, начиная отъ Чаадаева и кончая Л. Толстымъ; проповѣдь *личнаго* совершенствованія, какъ пути рѣшенія *общественныхъ* вопросовъ раздавалась уже не одинъ разъ. Не надо забывать однако, что кромѣ Чаадаевыхъ и Толстыхъ проповѣдью этой занимались и «промежуточные люди» восьмидесятыхъ годовъ, такъ что кающіеся разночинцы имѣютъ въ своемъ наслѣдствѣ и крупный активъ и крупный пассивъ.

Эпоха общественнаго мѣщанства восьмидесятыхъ годовъ выдвинула своихъ «идеологовъ», сѣрыхъ «промежуточныхъ людей», занявшихся проповѣдью личнаго совершенствованія, какъ панацеи всѣхъ золъ. Эти промежуточные люди не были кающимися разночинцами: имъ не въ чемъ было «каяться», ибо они были только сторонними зрителями великой борьбы семидесятыхъ годовъ. Но

въ остальномъ аналогія между промежуточными людьми восьмидесятыхъ годовъ и современными кающимися разночинцами—полная. Упорная, многолѣтняя борьба, надежда на побѣду, жестокій разгромъ и общій упадокъ духа—одинаково характерны и для текущаго момента и для бывшаго четверть вѣка тому назадъ. Промежуточные люди тоже вопіяли, что приматъ общественныхъ формъ есть практически безплодный путь, что общественные вопросы рѣшатся путемъ личнаго совершенствованія; они тоже убѣждали молодежь, что общественная борьба не ея дѣло, что отъ нея требуются только «знанія, работоспособность, нравственная выдержка» (ср. «Вѣхи», стр. 200—201). Тутъ кстати подоспѣло толстовство, приспособленное ad usum delphini—и физіономія эпохи общественнаго мѣщанства опредѣлилась съ достаточной ясностью.

Принимаютъ ли это наслѣдство современные кающіеся разночинцы? Они, быть можетъ, и рады бы отъ него отказаться, но это не въ ихъ власти. Всѣ слабыя стороны «идеологіи» промежуточныхъ людей неизбѣжно должны повториться и въ идеологіи кающихся разночинцевъ, какъ бы ни хотѣлось имъ вести свою генеалогію только отъ Чаадаева, Гоголя, Вл. Соловьева, Л. Толстого, Достоевскаго, минуя промежуточныхъ людей. Но это невозможно—и вотъ почему: у кающихся разночинцевъ нѣтъ и не можетъ быть того дерзанія, той прямолинейности, которыя характерны для Чаадаева или Толстого; и наоборотъ, у кающихся разночинцевъ не можетъ не быть той двойственности, которая характерна для промежуточныхъ людей. Возьмемъ, напримѣръ, Толстого и его от-

ношеніе къ вопросу о личномъ самосовершенствованіи и общественныхъ реформахъ: какая цѣльность, какое единство мысли, какое отсутствіе компромиссовъ! Толстой не говоритъ: необходимо личное самосовершенствованіе, какъ базисъ общественнаго строительства; нѣтъ, онъ категорически заявляетъ, что всякое общественное строительство—вздоръ, что нужно только и только личное самосовершенствованіе, которое само собою преобразуетъ міръ. Тутъ рѣзко и опредѣленно поставленъ и рѣшенъ вопросъ, утверждена свобода внутренняя, отброшена свобода внѣшняя, намѣченъ единый причинный рядъ, который вы должны или цѣликомъ принять, или цѣликомъ отбросить. Не то у «вѣхистовъ». Они слишкомъ тѣсно связаны съ общественными вопросами, чтобы остановиться на своемъ утвержденіи примата внутренней жизни личности. Нѣтъ, они торопятся заявить, что «внутренняя, болѣе безотносительная, духовная свобода возможна только при существованіи свободы внѣшней и послѣдняя есть самая лучшая школа для первой» (стр. 98). Они попрежнему хотятъ вести борьбу за внѣшнюю свободу, они не отказываются отъ общественности. И въ то же время они хотятъ признать единымъ причиннымъ рядомъ—личное самосовершенствованіе, слѣдствіемъ котораго должны явиться и общественныя реформы. Отсюда—двойственность, непослѣдовательность, робость выводовъ, сглаживаніе угловъ.

Но на какую же сторону, дѣйствительно, слѣдуетъ склониться? Кто правъ: Толстой, утверждающій, что личное самосовершенствованіе приведетъ къ общественной и вселенской гармоніи, или соціализмъ, полагавшій, что общественное устроеніе

приведетъ къ гармоніи личности? Мы полагаемъ, что соціальное и этическое развитіе—это два параллельныхъ ряда, между которыми наблюдается сложное, многократно отраженное взаимодѣйствіе, но вовсе не простая причинная связь. Добиться исключительно путемъ общественныхъ реформъ появленія совершенной личности настолько же невозможно, какъ невозможно путемъ личнаго совершенствованія достигнуть общественнаго переустройства, хотя взаимодѣйствіе между этими рядами несомнѣнно существуетъ. Утвержденіе вѣхистовъ, что «будь въ Россіи хотя горсть цѣльныхъ людей съ развитымъ сознаніемъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ высокій строй мыслей органически претворенъ въ личность — деспотизмъ былъ бы немыслимъ» (стр. 79), — это утвержденіе кажется намъ настолько же дѣтски наивнымъ, какъ и обратное утвержденіе крайнихъ общественниковъ, что лишь только будетъ сокрушенъ деспотизмъ, какъ личность расцвѣтетъ яко кринъ сельный... Тутъ не можетъ быть вопроса о томъ, кто изъ спорящихъ правъ, такъ какъ и тѣ и другіе одинаково далеки отъ истины.

Каково бы ни было взаимодѣйствіе между личнымъ и общественнымъ развитіемъ, но для насъ ясно, что общественнаго переустройства можно достигнуть только путемъ общественной борьбы, т.-е. тѣмъ самымъ «противорѣчащимъ естеству человѣческаго духа и практически безплоднымъ» путемъ (по забавному выраженію кающихся разночинцевъ), какимъ шла и будетъ идти русская интеллигенція, какимъ шли и будутъ идти всѣ общественно-прогрессивныя группы всего міра. Путь этотъ—единственный, приводившій уже не разъ человѣчество

къ побѣдѣ: и мы видѣли, что даже кающіеся разночинцы не рѣшаются всецѣло сойти съ него и объявить ненужной борьбу за внѣшнюю свободу. Но дѣлаютъ это они съ оговорками и недомолвками, затушевывая главный вопросъ: однимъ ли самосовершенствованіемъ нужно бороться за общественное переустройство, а если нѣтъ, то какими средствами возводить это зданіе свободы на основѣ внутренней жизни личности, на этомъ «единственно прочномъ базисѣ для всякаго общественнаго строительства»? На это кающіеся разночинцы отвѣчаютъ самыми общими, ничего не объясняющими словами, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: необходимо «органическое соединеніе теоріи и практики, правды-истины и правды-справедливости» (стр. 21). Да кто же это отрицаетъ! И развѣ въ этомъ дѣло? Развѣ это повтореніе старыхъ словъ Михайловскаго объясняетъ что-либо? Вѣдь именно весь вопросъ въ томъ только и состоитъ, что мы не видимъ возможности борьбы за правду-справедливость на другой почвѣ, кромѣ *общественной*, на почвѣ соціальной и политической борьбы съ окружающими насъ «несовершенствами». Вотъ мы и спрашиваемъ: для уничтоженія этихъ общественныхъ «несовершенствъ» достаточно ли личнаго самосовершенствованія? Да или нѣтъ? Если *да*, то спорить дальше не о чемъ: contra negantem principia disputari non potest, и мы не споримъ съ Толстымъ, а только не принимаемъ его вѣры въ самосовершенствованіе; если же *нѣтъ*, то укажите на вашъ путь, на вашъ методъ борьбы за соціальное переустройство.

Этого пути кающіеся разночинцы не указали и, конечно, не укажутъ. А потому мы остаемся при своемъ прежнемъ методѣ, прежнемъ пути; мы полагаемъ, что бороться съ *общественными несовершенствами* путемъ *личнаго совершенствованія* — «внутренно ошибочно и практически безплодно», что это «противорѣчитъ естеству человѣческаго духа и неспособно привести къ цѣли»... Мы думаемъ попрежнему, что общественные вопросы рѣшаются путемъ общественной борьбы, формы которой остаются неизмѣнными во всей исторіи человѣчества. И раньше или позже кающимся разночинцамъ придется либо совершенно отказаться отъ общественной борьбы и обратиться въ промежуточныхъ людей своего времени, либо вернуться на общій и единственный путь. А пока— они не хотятъ варить себѣ пищу въ этомъ общемъ «печномъ горшкѣ»; они желаютъ варить себѣ пищу въ Бельведерскомъ кумирѣ... Пусть попробуютъ.

VII.

Читатели, хоть немного знакомые со взглядами пишущаго эти строки, не обвинятъ его, конечно, въ приниженіи личности, въ презрѣніи къ «внутренней жизни», въ проповѣди «безусловнаго примата общественныхъ формъ»: мы строимъ свои взгляды какъ-разъ на приматѣ личности, на полнотѣ внутренней жизни, на полномъ и яркомъ развитіи всѣхъ сторонъ человѣческой души. Но читатели знаютъ также, насколько намъ дорогà общественность, внѣ которой личность осуждена на одинокую жизнь въ подпольѣ; мы стремимся къ органическому соединенію идеаловъ личныхъ и общественныхъ [1]). «*Человѣческая личность*—съ

[1]) Обо всемъ этомъ см. въ нашей книгѣ «О смыслѣ жизни», а также въ книгѣ «Литература и общественность».

одной стороны, *благо народа*—съ другой стороны являлись съ давнихъ поръ вѣчными цѣнностями для русской общественности, для русской литературы»,—говоримъ мы въ другомъ мѣстѣ («Литература и общественность», предисловіе, стр. VIII). Нельзя не признать, что въ исторіи русской общественности бывали времена, когда личность третировалась какъ quantité nulle, когда признавался безусловный приматъ общественныхъ формъ, когда «благо народа» окончательно уничтожало «человѣческую личность». Подъ этимъ знаменемъ была пройдена русской интеллигенціей вся полоса ортодоксальнаго марксизма. Это была крайность; а теперь вышедшіе изъ марксистскаго лона и прошедшіе эту полосу кающіеся разночинцы неизбѣжно впадаютъ въ противоположную крайность, круто перегибаютъ палку въ противоположную сторону.

«Символъ вѣры русскаго интеллигента есть *благо народа*»,—заявляютъ кающіеся разночинцы и рѣзко возстаютъ противъ этой «религіи служенія земнымъ нуждамъ» («Вѣхи», стр. 154 и сл.). Въ этомъ стремленіи ко благу народа кающіеся разночинцы видятъ всѣ грѣхи, всѣ ошибки русской интеллигенціи: ея «нигилистическій утилитаризмъ», отрицающій всѣ абсолютныя цѣнности; ея «морализмъ», подчиняющій правдѣ-справедливости правду-истину и правду-красоту. Кающіеся разночинцы, наоборотъ, хотятъ подчинить моральныя цѣнности цѣнностямъ эстетическимъ, философскимъ, религіознымъ, какъ цѣнностямъ высшимъ, абсолютнымъ. «Съ русской интеллигенціей — заявляютъ кающіеся разночинцы — ...случилось вотъ какого рода несчастье: любовь къ уравнительной справедливости, къ общественному добру, къ народному

благу парализовала любовь къ истинѣ» (стр. 8). И русская интеллигенція проходила мимо Истины и восклицала: «да сгинетъ истина, если отъ гибели ея народу будетъ лучше житься!» (ibid.). Девизъ кающихся разночинцевъ иной: pereat mundus, fiat justitia!

Все это крайне любопытно для дальнѣйшаго уясненія психологіи кающагося разночинца. Вы видите прежде всего, что кающагося разночинца характеризуетъ самый крайній объективизмъ — и въ этомъ еще одна общая черта между столь различными разновидностями кающагося разночинца, какъ гг. «вѣхисты» и махаевцы. Въ этомъ сказывается наслѣдство марксизма, который велъ столь ожесточенную борьбу съ «субъективизмомъ» народничества и который самъ не могъ выйти изъ-подъ вліянія этого субъективизма. Теперь кающійся разночинецъ совершаетъ послѣдній шагъ: онъ осуждаетъ русскую интеллигенцію за то, что ей «противенъ былъ объективизмъ и универсализмъ», и требуетъ «настоящей любви къ объективной вселенской истинѣ и цѣнности» (стр. 10). И этой объективной истинѣ противопоставляется «благо народа», какъ служеніе ничтожнымъ субъективнымъ интересамъ коллективнаго «ты» (стр. 154).

Любопытно это противопоставленіе истины и народнаго блага. «Да сгинетъ истина, *если* отъ гибели ея народу будетъ лучше житься!» — такъ, якобы, восклицала русская интеллигенція. Не трудно узнать въ этой фразѣ знаменитую въ свое время формулу Михайловскаго: «да будутъ прокляты они — права и свобода — *если*, они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами (народу), но еще увеличатъ ихъ!» Но вѣдь надо же

понимать, что не вообще права, не вообще свободу условно проклиналъ Михайловскій, а свободу и права одной интеллигенціи, при безправіи и рабствѣ народа. Надо имѣть въ виду также, что и самъ Михайловскій вскорѣ отказался отъ этого своего «если» и понялъ, что свобода только развяжетъ руки интеллигенціи въ ея борьбѣ за свободу и права народа, за благо народа. Кающіеся разночинцы перегибаютъ теперь палку въ обратную сторону; на манеръ ибсеновскаго «врага народа» они готовы воскликнуть — да погибнетъ народъ, *если* благо его построено на лжи, на отрицаніи вѣчной Истины! Pereat mundus—fiat justitia! И въ этомъ «если»—попрежнему коренится ошибка: попрежнему *жизнь* противопоставляется *истинѣ*. Мы не признаемъ ни того, ни другого «если», мы полагаемъ, что въ систему Истины входитъ и благо народа, что борьба за благо народа соединима съ величайшимъ расцвѣтомъ внутренней жизни личности.

А что касается звонкихъ восклицаній на тему «pereat mundus, fiat justitia», то вѣдь это всецѣло «словесность», къ которой не относятся серьезно и сами кающіеся разночинцы. Это фразы безъ содержанія, и еще Герценъ ядовито вскрылъ противорѣчіе борцовъ за объективныя цѣнности, призывающихъ гибель міра. «Они и не подумали, — говоритъ Герценъ, — что если mundus погибнетъ, а justitia останется, гдѣ будетъ мюнхенская пинакотека?..» Иными словами: что̀ будетъ съ вашими абсолютными цѣнностями красоты и истины, если погибнетъ столь презираемая вами «уравнительная справедливость», а останется только отвлеченная отъ жизни справедливость абсолютная? И какимъ

путемъ будете вы осуществлять эту абсолютную справедливость, поворачиваясь спиной къ «благу народа», къ положенію тѣхъ людей, среди которыхъ царитъ «абсолютная несправедливость»?

Какъ видите, мы вернулись къ прежнему основному вопросу: какъ же будутъ кающіеся разночинцы рѣшать общественную проблему? Какъ они, борцы за абсолютную справедливость, будутъ рѣшать на дѣлѣ вопросъ о соціальной несправедливости? Этотъ вопросъ «вѣхисты» рѣшаютъ не менѣе категорически, чѣмъ махаевцы, хотя и въ діаметрально противоположномъ направленіи: тѣ жертвовали культурой во славу соціальной справедливости, эти жертвуютъ соціальной справедливостью во славу культуры. «Культура» — вотъ что̀ гг. вѣхисты противопоставляютъ «благу народа»; культура—это ихъ религія, и они смѣло говорятъ о «религіозномъ обоснованіи идеи культуры». Это уже область вѣры въ объективныя цѣнности и споръ здѣсь безплоденъ; но нельзя не отмѣтить, что, проповѣдуя намъ «настоящую любовь къ объективной вселенской истинѣ и цѣнности», кающіеся разночинцы не могутъ дать никакого объективнаго, общеобязательнаго опредѣленія этой цѣнности. Это область вѣры: кающіеся разночинцы принимаютъ объективныя цѣнности, мы отвергаемъ ихъ—спорить тутъ не о чемъ. Но съ тѣмъ большей настойчивостью надо допытаться у гг. «вѣхистовъ»: жертвуютъ ли они благомъ народа во славу культуры? Если да, то это выясняетъ ихъ общественную позицію; если нѣтъ, то какъ же будутъ они рѣшать соціальный вопросъ? Сознаютъ ли они, что несправедливости «распредѣленія» лежатъ и на ихъ отвѣтственности? Ростъ культуры съ внѣш-

ней стороны есть ростъ «производства»: можно ли удовлетвориться однимъ этимъ ростомъ и благодушно ждать, когда этотъ ростъ самъ собою рѣшитъ всѣ соціальные вопросы?

Для насъ нѣтъ сомнѣній въ отвѣтѣ на всѣ эти вопросы: мы полагаемъ, что и впредь для русской интеллигенціи «благо народа» будетъ ея общественнымъ компасомъ, указанія котораго не могутъ противорѣчить ни Истинѣ, ни Культурѣ, ни высшей изъ всѣхъ цѣнностей — человѣческой личности. Глубокой ошибкой представляются поэтому намъ мнѣнія кающихся разночинцевъ — и махаевцевъ, жертвующихъ культурой благу народа, и вѣхистовъ, жертвующихъ благомъ народа культурѣ; разница между ними въ томъ, что махаевцы откровенно борются съ культурой, а гг. вѣхисты боятся столь же откровенно возстать противъ общественности. Но раньше или позже это неизбѣжно: до конца проведенное воззрѣніе «вѣхистовъ» придетъ къ отрицанію общественной борьбы во имя самосовершенствованія, какъ единаго вѣрнаго двигателя культуры.

Здѣсь лежитъ опасность для кающихся разночинцевъ — обратиться въ промежуточныхъ людей своего времени. Правда, во избѣжаніе этого гг. «вѣхисты» выставляютъ въ качествѣ громоотвода имена цѣлаго ряда большихъ людей, столь же отрицательно относившихся къ интеллигенціи какъ и они, кающіеся разночинцы; но мы уже сказали, почему этотъ пріемъ не сулитъ имъ успѣха. Интересно тутъ, однако, вотъ что́: обрушивая громы на голову интеллигенціи, гг. «вѣхисты» хватаются, какъ за якорь спасенія, за тотъ самый «народъ», благо котораго для нихъ имѣетъ столь ничтожную

цѣнность. На этомъ противопоставленіи «интеллигенціи» и «народа» слѣдуетъ остановиться; это вопросъ не только очень характерный для кающихся разночинцевъ, но интересный и самъ по себѣ: за послѣднее время вокругъ него нагромождено слишкомъ много разной словесной эквилибристики.

VIII.

Странное обстоятельство: въ «сборникѣ статей о русской интеллигенціи» мы не найдемъ опредѣленія интеллигенціи. Одни изъ гг. «вѣхистовъ» относятъ къ русской интеллигенціи Герцена, К. Аксакова, Кавелина (стр. 102 и сл.), другіе заявляютъ, что интеллигенція появилась въ Россіи лишь въ шестидесятыхъ годахъ (стр. 130 и сл.), третьи отличаютъ какую-то «интеллигентщину» отъ интеллигенціи «въ широкомъ, общенаціональномъ, общеисторическомъ смыслѣ этого слова» (стр. 1). Послѣднее и есть, очевидно, то, что мы назвали «соціально-этическимъ явленіемъ *R*», и не на это явленіе направлены удары кающихся разночинцевъ [1]); они возстаютъ противъ разночинной интеллигенціи второй половины XIX вѣка, противъ ея соціально-политическаго примата. Но здѣсь возникаетъ вопросъ, на который кающіеся разночинцы не могутъ дать удовлетворительнаго отвѣта: «Пушкинъ, Лермонтовъ—это настоящая „интеллигенція въ широкомъ смыслѣ“,—пусть такъ; ну, а Пестель, Рылѣевъ, Николай Тургеневъ — кто они

---

[1]) Объ интеллигенціи въ «широкомъ» и «узкомъ» смыслѣ см. «Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. XXV—XXIX.

такіе?» — спрашиваемъ мы [1]). Да, кто они такіе? Они не принадлежатъ къ «интеллигентщинѣ», къ разночинной интеллигенціи шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ, ибо они жили и дѣйствовали полу-вѣкомъ раньше; но они, по мнѣнію кающихся разночинцевъ, не принадлежатъ и къ «интеллигенціи въ широкомъ смыслѣ», ибо ихъ характеризуетъ именно признаніе соціально-политическаго примата. Здѣсь вскрывается ошибочность искусственнаго расчлененія интеллигенціи на козлищъ и овецъ; къ интеллигенціи принадлежатъ и Пушкинъ и Рылѣевъ, и Достоевскій и Михайловскій — ибо всѣхъ ихъ объединяетъ, несмотря на всѣ разногласія, то духовное *творчество*, въ области этической, соціальной, эстетической, философской, политической, религіозной, которое характерно для интеллигенціи вообще. Кающіеся разночинцы хотятъ отдѣлить рѣзкой чертой этическое, эстетическое и философское творчество отъ творчества соціальнаго и политическаго, хотятъ отдѣлить «истину» отъ «блага народа»; а мы требуемъ синтеза обѣихъ областей, намъ одинаково чуждъ и религіозный искатель, брезгливо отворачивающійся отъ борьбы за народное благо, и борецъ за народное благо, презирающій философское и религіозное исканіе.

Но тутъ кающіеся разночинцы апеллируютъ къ тому самому народу, борьбу за благо котораго они презрительно именуютъ «уравнительной справедливостью». Разночинная интеллигенція боролась за интересы народа; да—но она въ этой борьбѣ расходилась съ мнѣніями народа. Русская интеллигенція

[1]) Ibid., т. I, стр. XXVI.

въ массѣ своей — атеистична, русскій народъ въ массѣ — религіозенъ; народная душа *качественно* другая, чѣмъ душа интеллигентская (стр. 85). Какая же мыслима борьба интеллигенціи за благо народа, если народъ и интеллигенція—два разноименныхъ, отталкивающихся полюса мысли и чувства?

Такъ аргументируютъ кающіеся разночинцы. Это старое-престарое противопоставленіе интеллигенціи и народа заслуживаетъ того, чтобы еще разъ къ нему обратиться и показать, что оно либо имѣетъ смыслъ тавтологіи, либо не имѣетъ никакого смысла.

Дѣйствительно, противопоставляя интеллигенцію и народъ, кающіеся разночинцы весьма беззаботно относятся, какъ мы уже отмѣтили, къ опредѣленію этихъ понятій. Что такое интеллигенція?—на это кающіеся разночинцы все-таки пытаются отвѣчать разграниченіемъ интеллигенціи въ широкомъ и узкомъ смыслѣ; но что же такое «народъ»? На это мы не находимъ у нихъ отвѣта. Для русскаго соціализма «народъ»—это всѣ трудящіеся классы общества; для махаевщины «народъ» — это всѣ эксплуатируемые; для славянофильства «народъ» — это «крестьянинъ-хрестіанинъ», мужикъ богоносецъ (къ послѣднему взгляду, повидимому, ближе всего и кающіеся разночинцы гг. «вѣхисты»). Во всякомъ случаѣ, по какому уровню мы ни опредѣляли бы народъ—по экономическому, этическому или интеллектуальному, — мы можемъ пытаться противопоставлять ему интеллигенцію, опредѣляемую только въ той же самой плоскости. Можно противопоставлять умственныхъ рабочихъ физическимъ рабочимъ, можно противопоставлять «культурныхъ людей» (всѣхъ

употребляющихъ зубную щетку...) — «некультурнымъ людямъ» (неупотребляющимъ оной); можно попытаться противопоставить крестьянскій народъ «богоносецъ» интеллигенціи, какъ соціально-этическому явленію *R*. Но послѣдняя попытка не можетъ быть удачной именно потому, что соціально-этическое явленіе *R* (хотятъ или не хотятъ этого кающіеся разночинцы) есть явленіе, какъ мы знаемъ, всѣклассовое и всѣсословное. Этически и народъ и интеллигенція не противоположны другъ другу, а переплетаются другъ съ другомъ: и въ народѣ есть своя «интеллигенція» и въ интеллигенціи есть свой «народъ»...

Вотъ почему мы полагаемъ, что противопоставленіе интеллигенціи и народа не имѣетъ никакого смысла. Можно противопоставлять эксплуатирующіе классы эксплуатируемымъ, барина—мужику; это противопоставленіе самой жизни, и вся трагедія русскаго интеллигента была въ томъ, что мужикъ смотрѣлъ на него, какъ на «барина». Если народъ—это только «мужики», а интеллигенція—это только «баре», то тогда, конечно, противопоставленіе интеллигенціи и народа имѣетъ смыслъ тавтологическій: интеллигенція есть не-народъ, а народъ есть не-интеллигенпія. Это слишкомъ скудный выводъ, чтобы на немъ стоило останавливаться. Если же сущность интеллигенціи заключается въ творчествѣ духа, въ опредѣленномъ этическомъ уровнѣ, то тогда противопоставленіе интеллигенціи и народа теряетъ всякій смыслъ, ибо народная интеллигенція и интеллигентный народъ могутъ быть не противопоставлены, а сопоставлены другъ съ другомъ.

Глѣбъ Успенскій когда-то говорилъ о «народной интеллигенціи», называя такимъ именемъ «угодниковъ Божіихъ», боровшихся во имя этическаго критерія «божьей правды» противъ зоологической правды массы: такова была «народная интеллигенція, всегда, во всѣ времена существовавшая въ народѣ, но теперь незамѣтная», — говоритъ Гл. Успенскій. Онъ и правъ, и неправъ: правъ въ томъ отношеніи, что характеризуетъ эту «интеллигенцію» не по интеллектуальному, а по этическому уровню; неправъ же въ томъ, что не видитъ этой интеллигенціи въ свое время [1]). Сютаевы, Бондаревы, молокане, духоборы, штундисты, безчисленныя секты—развѣ это попрежнему не «интеллигенція народная»? Развѣ не вѣчное творчество духа, не вѣчная борьба за «правду божью» попрежнему характеризуютъ эту соль народа? И развѣ не это же творчество, только въ иной области, характеризуетъ и новый слой народной интеллигенціи—лучшихъ изъ «сознательныхъ» крестьянъ, тяжело и упорно проповѣдующихъ начала элементарной правды-справедливости? [2]). Различны и разнообразны теперь слои «народной интеллигенціи», не менѣе различны, чѣмъ наши ряды, ряды «интеллигентнаго народа»; именно эти ряды, эти слои и являются настолько прочной спайкой интеллигенціи и народа, что противопоставлять этически эти понятія, говорить о качественномъ различіи между ними—значитъ не понимать ни интеллигенціи, ни народа.

---

[1]) См., впрочемъ, ниже, стр. 209.

[2]) См. объ этомъ статью автора: «Жизнь и теоріи» («Что думаетъ народъ») въ книгѣ «Литература и общественность», стр. 44—107.

IX.

Одинъ изъ кающихся разночинцевъ, въ пылу покаянія, произнесъ на тему противопоставленія интеллигенціи и народа слова, отъ которыхъ открещиваются даже его единомышленники. Народъ ненавидитъ насъ, интеллигенцію, «съ безсознательнымъ мистическимъ ужасомъ»,—говоритъ этотъ кающійся разночинецъ,—а потому «*каковы мы есть*, намъ не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ—бояться его мы должны пуще всѣхъ казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной» (стр. 88). Эта фраза возмутила многихъ—и совершенно неосновательно: вѣдь тутъ слово «должны» означаетъ, съ точки зрѣнія кающагося разночинца, не нравственное долженствованіе, а историческую необходимость: не «wir sollen», а «wir müssen». Это только очень яркая формулировка мысли о противопоставленіи интеллигенціи и народа, о качественномъ различіи между ними, о «метафизической розни» (! ibid.); но именно яркость этой фразы и обнаруживаетъ рознь между нею и истиной...

Народъ относится къ интеллигенціи «съ безсознательнымъ мистическимъ ужасомъ»—эта фраза заслуживаетъ безсмертія, какъ самый яркій образецъ кабинетнаго творчества кающихся разночинцевъ. Какое абсолютное незнакомство съ дѣйствительной жизнью надо имѣть для того, чтобы съ паѳосомъ провозглашать этотъ «мистическій ужасъ», эту «метафизическую рознь»! Тѣ, кто поддерживаютъ такое мнѣніе—видѣли ли они когда-нибудь «народъ» иначе какъ изъ оконъ своего кабинета или изъ книгъ славянофильской окраски? Говорили ли они когда-нибудь съ «народомъ», подходили ли къ нему, къ его радостямъ и горестямъ, къ его духовнымъ запросамъ? Конечно, нѣтъ. Они возсоздаютъ себѣ «народъ» по Достоевскому, по Хомякову, не имѣя о немъ никакого другого понятія. Можно себѣ представить, съ какой ироніей отнесся бы къ этимъ кабинетнымъ построеніямъ хотя бы Гл. Успенскій, такъ чутко и проникновенно изучавшій подлинный «народъ»! Гл. Успенскій болѣзненно чувствовалъ рознь между интеллигенціей и народомъ, онъ видѣлъ, что народъ въ каждомъ «интеллигентѣ» чувствуетъ «барина» и что эта вѣковая рознь становится трагедіей русской интеллигенціи. Но именно потому, что Гл. Успенскій болѣзненно чувствовалъ эту дѣйствительную рознь—онъ съ ироніей отнесся бы къ надуманной и книжной «метафизической розни», къ «мистическому ужасу» народа передъ интеллигенціей.

Гл. Успенскій писалъ о народѣ въ семидесятыхъ годахъ и въ началѣ восьмидесятыхъ. Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка, за которую недовѣріе народа къ «интеллигенту» значительно уменьшилось; во всякомъ случаѣ недовѣріе это перестало уже быть трагедіей русской интеллигенціи. Правда, и до сихъ поръ еще сказывается прежняя полупрезрительная вражда къ «барину», но народъ уже началъ понимать, что есть баринъ и баринъ, что не всѣ «баре» однимъ мvромъ мазаны. И знаютъ ли гг. кающіеся разночинцы, когда особенно ярко сказалось это пробудившееся народное сознаніе? Именно тогда, когда «штыки и тюрьмы

власти» перестали преграждать путь интеллигенціи къ народу.

Было время—очень короткое—когда между «интеллигенціей» и «народомъ» не было солдатскаго штыка. Это было въ послѣдніе мѣсяцы 1905 года, когда тѣ изъ кающихся разночинцевъ, которые говорятъ теперь о «мистическомъ ужасѣ» и «огражденіи интеллигенціи отъ ярости народной», сидѣли, вѣроятно, въ тиши своихъ кабинетовъ. Какъ-разъ въ это время «интеллигенція» подошла открыто и вплотную къ «народу»—и въ городѣ, и въ деревнѣ. И что же случилось? Растерзалъ насъ «народъ»? Сдѣлались мы жертвой «ярости народной»? Проявился ли тотъ «мистическій ужасъ», та «метафизическая рознь», которые должны были заставить «народъ» отшатнуться отъ «интеллигенціи»? Какъ-разъ наоборотъ: недовѣріе замѣнялось пониманіемъ, вѣковая рознь (не «метафизическая», а соціальная) не мѣшала народу различать враговъ и друзей. Много было вспышекъ недовѣрія, много вражды, много непониманія—но еще больше было случаевъ перехода отъ непониманія къ пониманію, отъ недовѣрія и вражды—къ сочувствію и довѣрію. И происходило это именно потому, что «штыкъ и тюрьма», временно, перестали стоять между «интеллигенціей» и «народомъ» [1]).

А такъ называемые «черносотенные погромы»? Мы далеки отъ мысли объяснять ихъ исключительно внушеніями свыше, хотя и несомнѣнно, что часто эти погромы опирались именно на «штыкъ», направленный противъ «интеллигенціи»; мы при-

[1]) См. указанную выше статью «Жизнь и теоріи» («Что думаетъ народъ»).

знаемъ однако, что громадную роль въ этихъ погромахъ играла племенная, національная и главнымъ образомъ соціальная рознь (но ужъ конечно не «мистическій ужасъ»). Ненависть наиболѣе «темныхъ» слоевъ городского и деревенскаго населенія къ чуждому «культурному обществу», ненависть эксплуатируемыхъ къ эксплуататорамъ и паразитамъ—несомнѣнна; достаточно вспомнить ту апологію «черносотенныхъ погромовъ», какую мы слышали отъ махаевщины (см. выше, стр. 87—88). И для тѣхъ изъ кающихся разночинцевъ, которые, подобно махаевцамъ, отождествляютъ «народъ» съ эксплуатируемыми, а «интеллигенцію» съ эксплуататорами—есть смыслъ въ противопоставленіи интеллигенціи и народа. Но вѣдь гг. «вѣхисты» говорятъ не о соціальной, а о «метафизической» розни, такъ что имъ безполезно ссылаться на проявленіе соціальной розни и ненависти. Или, быть можетъ, «черносотенные погромы» были проявленіемъ именно «мистическаго ужаса» народа предъ интеллигенціей?..

Нѣтъ, напрасна попытка «ограждать» интеллигенцію отъ народа путемъ «штыковъ и тюремъ власти». Нѣтъ, мы, *«каковы мы есть»*, не можемъ сдѣлаться жертвами «ярости народной»; мы можемъ пасть этими жертвами только въ томъ случаѣ, когда народъ принимаетъ насъ за тѣхъ, каковы мы *не* есть... Въ семидесятыхъ годахъ въ Москвѣ произошло извѣстное избіеніе охотнорядскими торговцами арестованныхъ за политическую демонстрацію студентовъ: торговцевъ увѣрили, что студенты требуютъ возстановленія крѣпостного права... Вотъ примѣръ, когда «ярость народная» (если только охотнорядскіе лавочники—«народъ»)

обрушивалась на «интеллигенцію», какова она *не* есть; и это примѣръ типичный не только для семидесятыхъ годовъ. Но время шло и народное непониманіе мало-по-малу разсѣивалось; пишущему эти строки хорошо памятно отношеніе къ студенчеству того же «народа» въ день 4-го марта 1901 года. Въ деревнѣ было труднѣе бороться съ народнымъ пониманіемъ интеллигенціи, какова она *не* есть; но и здѣсь за послѣднюю четверть вѣка народъ многое понялъ. И если народъ понимаетъ насъ «каковы мы есть», то это значитъ, что мы стоимъ съ народомъ на общей почвѣ; пусть тогда кто-нибудь другой «ограждаетъ себя отъ ярости народной». Но вотъ если народъ понимаетъ насъ «каковы мы *не* есть», тогда дѣйствительно возможны самые печальные результаты общенія интеллигенціи съ народомъ. Съ этимъ непониманіемъ надо бороться, а не возводить его на степень «метафизической розни», «мистическаго ужаса» и тому подобныхъ звонкихъ и пустыхъ фразъ.

Правда, есть пункты, въ которыхъ мы, «каковы мы есть», сильно расходимся съ народной массой. Политически мы гораздо лѣвѣе ея, хотя въ области вопросовъ соціальныхъ она радикальнѣе многихъ изъ насъ; въ сферѣ вопросовъ религіозныхъ эта народная масса также не сойдется съ большинствомъ «интеллигенціи», и, быть можетъ, проявитъ извѣстную нетерпимость. Но и тутъ надо подчеркнуть невозможность противопоставленія «интеллигенціи» и «народа». Вѣдь «народъ» въ области религіозныхъ и философскихъ вопросовъ раздѣляется на столь же большое число слоевъ, какъ и «интеллигенція»; вѣдь каждая изъ группъ такъ называемой «интеллигенціи» найдетъ откликъ

въ соотвѣтственной группѣ «народа». Въ «народѣ» есть и свои мистики, и позитивисты, и раціоналисты, и атеисты, «немоляи»; среди нихъ идетъ такая же борьба воззрѣній, какъ и среди «интеллигенціи» [1]).

Вотъ почему, повторимъ еще разъ, съ этой точки зрѣнія сталкивать лбами «народъ» и «интеллигенцію»—совершенно невыполнимое предпріятіе: въ самомъ «народѣ» есть своя разнородная «интеллигенція» и въ самой «интеллигенціи», какъ мы это еще отмѣтимъ, есть свой «народъ» (выражаясь эвфемистически). Вотъ почему безплодна попытка кающихся разночинцевъ принизить интеллигенцію, возвеличивая народъ: слишкомъ тѣсно переплетаются ряды народной интеллигенціи и интеллигентнаго народа, чтобы можно было разорвать ихъ и поставить народъ одесную, а интеллигенцію ошую. Интеллигенція едина по творчеству и по цѣли, какъ ни разнообразны и даже враждебны другъ другу ея слои и группы; и то, что̀ жизнь соединила— кающіеся разночинцы не разлучатъ.

Гл. Успенскій, разговаривая съ читателями «на тему о власти земли», какъ будто предвидѣлъ эти мнѣнія кающихся разночинцевъ; во всякомъ случаѣ написанное имъ четверть вѣка назадъ показываетъ, что и тогда были слышны отдѣльные голоса кающихся разночинцевъ (крайнихъ народниковъ той эпохи). «Поистинѣ удивительно,—говоритъ Гл. Успенскій устами своего alter ego, Протасова-Пигасова, и попадаетъ своими словами не

---

[1]) Любопытныя наблюденія на эту тему читатель найдетъ въ талантливыхъ очеркахъ г. Пришвина: «У стѣнъ града невидимаго» («Русская Мысль», 1909 г., №№ 1—3).

въ бровь, а прямо въ глазъ современнымъ кающимся разночинцамъ,—поистинѣ удивительно слышать иногда въ нашемъ обществѣ такое краткое объясненіе всего нашего положенія, всѣхъ достоинствъ и недостатковъ:... «*народъ* хорошъ, а *интеллигенція* плоха». Интеллигенція! И слова-то этого множество разглагольствующаго народа даже и не понимаетъ путемъ, тогда какъ оно должно бы имѣть самый опредѣленный глубокій смыслъ... Я запомнилъ, не помню чье-то, превосходное опредѣленіе этого слова—вотъ оно: интеллигенцію надобно понимать внѣ званій и состояній, внѣ размѣровъ благосостоянія и общественнаго положенія; интеллигенція среди всякихъ положеній, званій и состояній исполняетъ всегда *одну и ту же* задачу. Она всегда—свѣтъ, и только то, что̀ свѣтитъ, или тотъ, кто свѣтитъ, и будетъ исполнять интеллигентное дѣло, интеллигентную задачу. Въ полѣ—грѣютъ сучья хвороста, въ избѣ—лучина, въ богатомъ домѣ—лампа. Но вездѣ разными способами задача исполняется одна и та же: во тьму вносится свѣтъ»...

Это именно то самое, что́ мы повторяемъ теперь о соціально-этическомъ явленіи *R*, о внѣклассовой, внѣсословной интеллигенціи, характеризуемой творчествомъ новыхъ формъ и активнымъ проведеніемъ ихъ въ жизнь. И это именно показываетъ невозможность этическаго противопоставленія интеллигенціи и «народа», показываетъ нелѣпость всѣхъ этихъ истерическихъ выкриковъ о «ярости народной», сдерживаемой штыками и тюрьмами, о «метафизической розни», о «мистическомъ ужасѣ» народа предъ интеллигенціей...

X.

Если бы «кающихся разночинцевъ» характеризовали только подобныя звонкія фразы да неудачная проповѣдь общественной борьбы путемъ личнаго совершенствованія, то о нихъ не стоило бы говорить серьезно. Но о нихъ говорятъ, и много говорятъ: о махаевщинѣ меньше, о «Вѣхахъ» больше. Это вниманіе заслужено ими по праву: въ покаянной и обличительной проповѣди махаевцевъ и «вѣхистовъ» есть здоровые и цѣнные элементы, съ которыми интеллигенція должна считаться. Махаевщина обращаетъ вниманіе на соціальное положеніе интеллигенціи, «вѣхисты»—на ея этическій уровень; въ суммѣ кающіеся разночинцы говорятъ интеллигенціи (а значитъ и самимъ себѣ) много такого, что̀ заслуживаетъ не огульнаго отрицанія, а серьезнаго вниманія.

Махаевщина говоритъ интеллигенціи: «ты эксплуататорскій классъ; ты живешь кровью и по́томъ рабочей массы; твои знанія—не рабочая сила, а средства интеллектуальнаго производства». Мы знаемъ, что многое здѣсь невѣрно, что невѣрно уже самое соціально-экономическое пониманіе интеллигенціи. Но если интеллигенція и не «эксплуататорскій классъ», то все же не надо забывать, что значительная часть «соціально-этическаго явленія *R*» входитъ экономически въ составъ «привилегированныхъ классовъ». Кающіеся дворяне мучительно чувствовали это, сознавали свой «долгъ народу» и готовы были на всѣ жертвы, лишь бы уплатить его. Въ настоящее время эти

укоры «уязвленной совѣсти» значительно утихли, явнымъ свидѣтельствомъ чего являются хотя бы сами кающіеся разночинцы—гг. «вѣхисты». Дѣйствительно, о чемъ они намъ говорятъ?— О религіозномъ обоснованіи Культуры, о Правѣ, объ Абсолютной Справедливости и другихъ столь же цѣнныхъ вещахъ. Но нигдѣ—замѣтьте!—нигдѣ мы не встрѣтимъ у нихъ ни одной строки, ни одного сомнѣнія, ни одного вопроса на тему: не налагаетъ ли на насъ наша «привилегированность» какихъ-либо обязательствъ передъ «народомъ»? Наоборотъ: они только отмахиваются отъ надоѣвшаго вопроса о «благѣ народа», объ «уравнительной справедливости» и переходятъ къ болѣе возвышеннымъ проблемамъ... Не мѣшало бы здѣсь поучиться кое-чему даже у махаевщины.

Но и обратно: есть къ чему прислушаться и изъ проповѣди гг. «вѣхистовъ». Они говорятъ «интеллигенціи» (а значитъ и махаевцамъ и самимъ себѣ): «въ своей массѣ ты фанатична и нетерпима; твой радикализмъ часто отличается тупою косностью; ты часто соединяешь политическую революціонность съ духовной реакціонностью» —и еще многое въ такомъ же родѣ. Это бичеваніе есть самобичеваніе, потому что сами гг. «вѣхисты»—типичные представители нашей интеллигенціи, плоть отъ плоти и кость отъ костей ея. Какъ это ни безспорно, но все же слишкомъ легкомысленно было бы ограничиться такимъ утвержденіемъ, иронически сопоставляя гг. «вѣхистовъ» съ той знаменитой гоголевской вдовой, которая сама себя высѣкла. И еще бòльшимъ легкомысліемъ, даже фарисействомъ было бы сказать (какъ это говорятъ нѣкоторые): въ этихъ обвиненіяхъ интеллигенціи есть доля правды, но это правда не любви, а такая правда, которую нельзя высказывать громко...

Нѣтъ, правдѣ надо смотрѣть прямо въ глаза. Русская интеллигенція — не умирающій больной, котораго надо щадить; а если бы она теперь дѣйствительно умирала и падала, то мы первые привѣтствовали бы рѣшимость кающихся разночинцевъ—падающаго толкнуть. Но мы слишкомъ вѣримъ въ духовныя силы интеллигенціи, чтобы желали ее «щадить»; вотъ почему мы внимательно вслушиваемся въ покаянно-обличительную проповѣдь кающихся разночинцевъ и безъ колебанія признаемъ, что они во многомъ правы. Они не правы, когда обращаютъ свои обличенія къ «соціально-этическому явленію *R*», но правы, когда обращаютъ ихъ къ той «культурной толпѣ», которая обычно и облыжно носитъ названіе интеллигенціи.

Кого только ни причисляютъ къ этой интеллигенціи! И какое всеобъемлющее и всенивеллирующее значеніе пріобрѣтаетъ это слово! Чуть ли не ежедневно вы можете встрѣтить въ газетномъ отдѣлѣ «происшествій» сообщеніе, что тамъ-то и тамъ-то былъ найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка «въ интеллигентскомъ платьѣ» (!), или что «судя по костюму, покойный принадлежалъ къ интеллигентному классу»... При такой широтѣ терминологіи неудивительно, что всякій студенческій мундиръ и любая пиджачная пара даютъ своимъ носителямъ право на званіе «интеллигентовъ». Читатель знаетъ, что мы считаемъ безсмысленнымъ этотъ гардеробный критерій «интеллигенціи»; мы полагаемъ, что и «студенческій мундиръ» можетъ быть типич-

нымъ мѣщаниномъ, и мужицкій армякъ—не менѣе типичнымъ представителемъ интеллигенціи, и, разумѣется, vice versa. Мы полагаемъ, вслѣдъ за старыми народниками, вслѣдъ за Гл. Успенскимъ, что самаго слова «интеллигенція» множество разглагольствующаго народа даже и не понимаетъ путемъ, тогда какъ слово это должно имѣть самый опредѣленный глубокій смыслъ. А для этого оно должно имѣть болѣе ограниченный, болѣе узкій смыслъ—тотъ смыслъ, который мы старались выяснить уже неоднократно. И если кающіеся разночинцы бичуютъ теперь эту своего рода «интеллигенцію въ широкомъ смыслѣ», то не мы будемъ имъ возражать.

Но этого мало: мы не будемъ имъ возражать даже и тогда, когда они будутъ обличать и интеллигенцію въ болѣе узкомъ смыслѣ—ту «разночинную интеллигенцію», которая характеризуется чаще всего не столько гардеробнымъ, сколько интеллектуальнымъ критеріемъ. Пишущій эти строки подчеркивалъ, задолго до появленія «Вѣхъ», свое отрицательное отношеніе къ «интеллигентской кружковщинѣ», къ «идейному сектантству», къ «групповой нетерпимости и узости» [1]); не онъ будетъ поэтому возражать тѣмъ, которые вскрываютъ наличность этого мѣщанства въ части русской интеллигенціи. Тамъ же и тогда же пишущій эти строки отмѣчалъ неизбѣжность «диффузіи» между мѣщанствомъ и интеллигенціей: въ интеллигенцію неизбѣжно просачивается мѣщанство и отравляетъ

[1]) «Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. XXIX; ср. «Литература и общественность», стр. 200, и см. вообще всю статью: «Марксистская критика».

собою здоровое тѣло; зараженныя части мало-помалу отмираютъ. Это приложимо ко всякому міровоззрѣнію, ко всякому ученію, ко всякой системѣ, ко всякой партіи: трепещущая жизнью ткань мало-по-малу обращается въ закостенѣвшую догму, и этотъ духовный склерозъ является началомъ конца міровоззрѣнія. Но именно въ это время своего отмиранія воззрѣніе это оказывается типично «интеллигентскимъ» вѣроученіемъ, толпа послѣдователей котораго и причисляетъ себя къ интеллигенціи народной; именно въ это время достигаетъ наибольшаго расцвѣта интеллигентская кружковщина, идейное сектантство, групповая узость и нетерпимость.

Съ этимъ мѣщанствомъ «интеллигенціи» надо бороться всѣми силами, надо не уставая поражать этотъ партійный догматизмъ, эту групповую узость и самоудовлетворенность, эту идейную консервативность, эту духовную реакціонность. Это сознали кающіеся разночинцы и рѣзко выразили въ своемъ „сборникѣ статей о русской интеллигенціи"; въ этой рѣзкой борьбѣ противъ „мѣщанства интеллигенціи"—та сторона проповѣди „Вѣхъ", которая заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. И хотя мы во всемъ остальномъ совершенно расходимся съ гг. „вѣхистами", но въ этомъ пунктѣ мы можемъ съ ними только согласиться и пожелать, чтобы эта сторона проповѣди кающихся разночинцевъ не осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

XI.

Сало было, стало мыло — говоритъ народная поговорка. Были марксисты, стали «вѣхисты». Что́

говорить, мыло — вещь полезная; и если гг. «вѣхисты» сумѣютъ смыть съ извѣстной части русской интеллигенціи наслоенія ея догматизма, ея партійной ограниченности и групповой нетерпимости—дѣло будетъ благое. Но заставить русскую интеллигенцію питаться этимъ обличительнымъ мыломъ, заставить ее принять общественную программу кающихся разночинцевъ—это, къ счастью, не подъ силу и людямъ болѣе крупнаго калибра. Никогда и никому не удастся убѣдить русскую интеллигенцію, что за общественное переустройство надо бороться путемъ личнаго совершенствованія, что прежнія формы борьбы за внѣшнюю свободу и за благо народа «противорѣчатъ естеству человѣческаго духа и практически безплодны»... Все это—весьма мало питательная пища, да къ тому же еще очень отзывающаяся мыльнымъ вкусомъ проповѣдей «промежуточныхъ людей» восьмидесятыхъ годовъ.

Мы возвращаемся къ этому противопоставленію общественныхъ формъ и внутренней жизни личности, потому что считаемъ его центральнымъ пунктомъ практической программы и проповѣди гг. «вѣхистовъ» [1]). Вѣдь сами они, въ предисловіи къ своему сборнику статей, заявляютъ, что «общей платформой» всѣхъ ихъ является признаніе «примата духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія». А разъ это является ихъ общей платформой, то, слѣдовательно, именно въ этомъ надо видѣть и характерную для кающихся разночинцевъ

[1]) Кстати замѣтить: мы всюду говорили о гг. «вѣхистахъ» вообще, не разбирая различій во взглядахъ отдѣльныхъ изъ нихъ: насъ интересуютъ характерныя черты этой разновидности кающихся разночинцевъ, а не индивидуальныя отличія каждаго изъ нихъ.

черту. Естественно, что мы обращаемъ на нее главное вниманіе.

Передъ русской интеллигенціей всегда было два пути развитія: отъ общества къ личности и отъ личности къ обществу. Въ крайнихъ своихъ проявленіяхъ эти пути приводили къ двумъ крайнимъ и одинаково невѣрнымъ мнѣніямъ. Всѣ мучительные запросы личности рѣшатся путемъ общественной борьбы, общественной революціи — говорили одни; всѣ тяжелыя общественныя противорѣчія рѣшатся путемъ самосовершенствованія личности — полагали другіе. По послѣднему пути разставляютъ теперь свои соломенныя вѣхи и кающіеся разночинцы; но врядъ ли они могутъ питать надежды повести за собой по этимъ вѣхамъ русскую интеллигенцію. Они забываютъ, что въ исторіи русскаго сознанія уже давно существуетъ теченіе, органически соединяющее, синтезирующее оба указанныхъ выше пути и являющееся болѣе широкимъ, чѣмъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности взятый. Политическая и соціальная борьба или культурное самосовершенствованіе? На этотъ вопросъ можно отвѣтить только: и то, и другое. Личность, ея внутренняя жизнь — для насъ дороже всего; но въ эту «жизнь» личности входитъ и борьба за правду-справедливость. Намъ говорятъ, что «радикальная интеллигентщина», «отщепенцы и политическіе радикалы» не умѣли различать въ лѣсу отдѣльныхъ деревьевъ, не видѣли цѣнности внутренней жизни личности изъ-за примата общественныхъ формъ. Пусть такъ; но неужели же логично въ отвѣтъ на эту ошибку отвѣчать противоположной—не видѣть лѣса изъ-за деревьевъ, не видѣть, что «внутренняя жизнь личности» бѣдна и скудна безъ обществен-

ной борьбы, что нельзя ограничивать личность однимъ ея внутреннимъ міромъ? Внутренній міръ души долженъ вмѣстить въ себя всю вселенную— вотъ величайшій изъ существующихъ идеаловъ; и для насъ непонятно, какъ можно подъ видомъ самосовершенствованія проповѣдывать самокастрацію, какъ можно не видѣть, что безъ широкой общественной борьбы человѣкъ погибаетъ на вершинахъ абсолютной красоты, абсолютной истины, абсолютнаго добра. Мы отказываемся стать на тотъ или на другой изъ указанныхъ путей; для насъ несомнѣнно, что «только синтезъ соціально-политическихъ идеаловъ и философо-этико-эстетическихъ стремленій является единственно желательнымъ путемъ русской интеллигенціи» («Ист. русск. общ. мысли», т. I, стр. XXIX). Это путь, указанный еще Герценомъ. Соломенныя вѣхи кающихся разночинцевъ ведутъ въ другую сторону; посмотримъ, поведутъ ли они за собой русскую интеллигенцію.

Кающіеся разночинцы, очевидно, надѣются на это. Они надѣются, что «въ процессѣ экономическаго развитія интеллигенція обуржуазится», а вмѣстѣ съ тѣмъ испытаетъ и идейный кризисъ, духовную ломку, которая оттолкнетъ интеллигенцію отъ соціализма на путь, намѣчаемый «Вѣхами» (стр. 144—145; цитаты всюду были по 1-му изд.). Въ ожиданіи этого духовнаго ревизіонизма русской интеллигенціи, кающіеся разночинцы заботливо намѣчаютъ ей путь своими легковѣсными соломенными вѣхами, ломаютъ старые уклады, планируютъ новую жизнь; однимъ словомъ, поступаютъ точь-въ-точь какъ тотъ гоголевскій городничій, который тоже ждалъ прибытія ревизора. Монологъ городничаго кающіеся разночинцы могли бы взять

эпиграфомъ къ своимъ «Вѣхамъ». Помните? — «... Да разметать на́скоро старый заборъ, что́ возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку! Оно чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! Я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору!..»

Мы сильно опасаемся, что кающіеся разночинцы, сами того не подозрѣвая, дословно повторяютъ собою гоголевскаго городничаго. Ихъ «Вѣхи» — тоже соломенныя, ихъ дѣятельность—тоже только «похожа на планировку», хотя они и думаютъ, что «оно чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности»... И главное—они, кажется, тоже забываютъ, что возлѣ того забора, гдѣ они хотятъ натыкать свои соломенныя вѣхи, давно уже (еще съ восьмидесятыхъ годовъ) навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору... И если они хотятъ, чтобы русская интеллигенція пошла за ними, то пусть прежде уберутъ съ дороги весь этотъ соръ, всю эту грязь. Русская интеллигенція, каковы бы ни были ея недостатки, отличается нравственной брезгливостью: по загаженнымъ путямъ она не ходитъ.

Иными словами это значитъ: пусть «кающіеся разночинцы» размежуются съ «промежуточными людьми». Тогда, быть можетъ, и вѣхи ихъ покажутъ нѣсколько иное направленіе, то направленіе, по которому и мы пойдемъ за ними: направленіе синтеза жизни личной и жизни общественной, блага личности и блага народа, свободы внутренней и внѣшней; направленіе примата личности, развивающейся на общественной почвѣ. А до тѣхъ поръ типъ «кающагося разночинца» останется типомъ

обособленнымъ, любопытнымъ для историка общественнаго сознанія, но маловажнымъ для историка общественныхъ движеній. Все говоритъ за то, что кающіеся разночинцы останутся обособленной группой интеллигенціи и что къ нимъ можно будетъ примѣнить все то, что сами они теперь примѣняютъ къ различнымъ группамъ интеллигенціи. Но это дѣло будущаго. Въ настоящее время можно только самыми общими чертами охарактеризовать типъ кающихся разночинцевъ и либо послѣдовать по направленію, указываемому ихъ вѣхами, либо продолжать идти по своему пути. Для насъ не можетъ быть колебанія въ выборѣ: мы признаемъ справедливыми и принимаемъ во вниманіе отдѣльныя замѣчанія и махаевцевъ и вѣхистовъ, но видимъ, что вѣхи и тѣхъ и другихъ заводятъ въ противоположные тупики. И мы продолжаемъ идти своимъ путемъ, по которому въ значительной части шла и будетъ идти русская интеллигенція.